

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»»

На правах рукописи

Мохов Сергей Викторович

*Роль материально-технической инфраструктуры в  
институционализации похоронного дела в современной России*

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук НИУ ВШЭ  
(PhD HSE)

Научный руководитель:  
кандидат социологических наук  
Запорожец Оксана Николаевна

Москва — 2019

## Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению похоронного дела и инфраструктуры	27
1.1. Смерть как объект исследования в социальных науках	27
1.2. Похоронное дело как объект социологического изучения	33
1.3. Концептуализация инфраструктуры похоронного дела и принципов ее работы как социологических категорий	47
Глава 2. Материально-техническая инфраструктура на ранних этапах формирования института похоронного дела в России	56
2.1. Похоронное дело в Российской империи: церковно-государственная модель	57
2.2. Кризис инфраструктуры и его институциональные последствия в 1920-1930-е гг.	61
2.3. Проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела в послевоенном СССР: адаптация агентов и практик	68
Глава 3. Похоронное дело в современной России	81
3.1. Дизайн эмпирического исследования	81
3.2. Похоронное дело в современной России: нормативный контекст	84
3.2. Проблемы в работе инфраструктуры в процессе организации похорон: к попыткам описания	91
3.3. Региональное похоронное агентство: устранение проблем в работе инфраструктуры как услуга	105
3.4. Инфраструктура и локальные политические режимы	114
3.5. Режимы работы инфраструктуры в контексте похоронного ритуала	122
3.6. Режимы работы инфраструктуры как институциональная черта похоронного дела в современной России	126
Заключение	132
Список использованных источников	139
Нормативные правовые акты и иные правовые источники	139
Судебные акты	140

Монографии, учебные пособия, сборники научных статей	140
Издания на иностранных языках	143
Научные статьи	147
Диссертации и авторефераты	153
Приложение 1. Пример типов записей полевого дневника	155
Приложение 2. Пример кодирования и анализа записей полевого дневника	157

## Введение

### Актуальность

Начиная с XVIII века европейские кладбища попадают под государственный контроль. Отныне государство выступает инициатором создания и развития новых некрополей, инспектирует погосты на предмет соответствия санитарным требованиям и нуждам городского планирования, следит за благоустройством и оформлением мест захоронений<sup>1</sup>. Под бюрократический контроль попадают не только кладбища, но морги и трупохранилища, производство необходимых погребальных аксессуаров, крематории и колумбарии. Государство обеспечивает захоронение социально незащищенных слоев граждан, а также подвергает регламентации частные профессиональные похоронные структуры, участвующие в процедуре захоронения. Контроль над похоронной сферой осуществляется с помощью систем статистики, нормативных документов и регламентов, расширенной системы лицензирования и специальных надзорных комиссий<sup>2</sup>.

Необходимость подобного контроля над похоронной сферой продиктована сразу несколькими факторами. Во-первых, это развитие представлений о гигиене и, как следствие, системы общественного здравоохранения. Бесхозность и стихийность захоронений угрожает здоровью граждан и служит потенциальным источником опасных эпидемий<sup>3</sup>. Во-вторых, необходимостью культурной адаптации и политической интеграции граждан. Например, для снижения конфессиональной напряженности управление всех кладбищ в наполеоновской

---

<sup>1</sup> Rugg J. Churchyard and cemetery. Manchester University Press, 2015. P. 444; Idem. From Reason to Regulation: 1760–1850 // Death in England. Edited by Peter C. Jupp and Clare Gittings. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2000; Idem. The origin and progress of cemetery establishment in Britain // The changing face of death: Historical accounts of death and dying / Eds. P. Jupp, G. Howarth. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 105–119.

<sup>2</sup> Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies // The British Journal of Sociology. 2012. № 63 (1). P. 123–145.

<sup>3</sup> Chadwick E. Report on the Result of a Special Inquiry into the Practice of Interment in Towns [the “Burials Report”], London, 1843. 48 p. URL: <https://archive.org/details/reportonsanitary00chaduoft> (дата обращения: 12.05.2017).

Франции было отдано муниципалитетам вместо церковных администраций<sup>4</sup>. В-третьих, социальная защита и обеспечение равных прав для всех групп граждан, возможность достойного захоронения отныне гарантируется государством и является социальным благом<sup>5</sup>. В-четвертых, необходимость реализации исторической и культурной политики, особенно в случае с захоронениями представителей национальной элиты<sup>6</sup>.

Таким образом, можно утверждать, что изменения, начавшиеся в европейских странах в XVIII веке и продолжающиеся до настоящего времени, превратили места и способы захоронения в неотъемлемую составляющую социальной инфраструктуры (наряду с доступным образованием, коммуникациями, системой здравоохранения и правопорядка), ориентированную на идею «общего блага».

Обобщая, можно сказать, что контроль над развитием похоронной сферы, начиная с XVIII века, оказывается тесно связанным с идеей «национального государства» и «гражданской нации»<sup>7</sup>. Как следствие, поддержание эффективно работающей похоронной сферы напрямую коррелирует с политической лояльностью населения и социальной стабильностью - любые публичные конфликты, в силу сензитивности темы, ведут к эскалации конфликтов и росту

---

<sup>4</sup> Trompette P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation // *Journal of Cultural Economy*. 2013. № 6 (4). P. 370–385.

<sup>5</sup> Balkan O. Between Civil Society and the State: Bureaucratic Competence and Cultural Mediation among Muslim Undertakers in Berlin // *Journal of Intercultural Studies*. 2016. No. 37. P. 132-147; Bremborg A. Professionalization without Dead Bodies: The Case of Swedish Funeral Directors // *Mortality*. 2012. № 11 (3). P. 270–285; Carden P. Rising from the Dead: Delimiting Stigma in the Australian Funeral Industry // *Health Sociology Review*. 2001. № 10 (2). P. 79–87.

<sup>6</sup> Блэк М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В.А. Третьяковой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.

<sup>7</sup> Butler J. *Precarious life: the powers of mourning and violence*. London: Verso, 2004. P. 20–35; Edwards P. *Infrastructure and Modernity: Scales of Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems* // *Modernity and Technology* / Eds. Thomas J. Misa, Philip Brey, and Andrew Feenberg. Massachusetts Institute of Technology, 2003. P. 185–225; Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 352 с.

напряженности между различными социальными группами, росту недоверия к власти и подрывают веру в возможность социальной справедливости<sup>8</sup>.

Таким образом, структурообразующая роль похоронного дела для стабильного функционирования современного общества позволяет рассматривать похоронное дело как **актуальный** объект социологического исследования.

В этом ключе похоронное дело в современной России не является исключением. Согласно федеральному закону №8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (от 12 января 1996 г.), федеральная власть берет на себя обязательство по сопровождению процедуры захоронения, выступает гарантом качества услуг, а также гарантирует минимальный социальный перечень похоронных услуг, оказываемых безвозмездно<sup>9</sup>. Современное российское государство выступает ответственной стороной по развитию и содержанию инфраструктурных объектов погребальной индустрии - кладбищ, моргов и крематориев наравне с другой коммунальной инфраструктурой, отвечая за их эффективное функционирование. Таким образом, похоронное дело в современной России так же, как и во всем мире, является одним из составных элементов социальной структуры и важным элементом социальной политики, и, значит, является **актуальным объектом** исследования<sup>10</sup>.

Актуальность усиливается и тем фактом, что существующие исследования и экспертные оценки отмечают множество структурных проблем похоронной отрасли – от нелегальной продажи мест на кладбищах до отсутствия системы оценивания качества оказываемых услуг и товаров<sup>11</sup>. Данные проблемы

---

<sup>8</sup> Salomone J. J. The Evolution of the Funeral Home and the Occupation of Funeral Director // Handbook of Death and Dying / Clifton D. Bryant, ed. Volume 2. 2001. P. 576–581; Smith R. G. E. The Death Care Industries in the United States. Jefferson, NC: McFarland, 1996

<sup>9</sup> О погребении и похоронном деле: Федеральный закон Российской Федерации от 12.01.1996 N 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // "Собрание законодательства РФ", 15.01.1996, N 3, ст. 146, "Российская газета", N 12, 20.01.1996

<sup>10</sup> Филиппова С.В. Особенности институционального функционирования ритуально-похоронного дела в современном российском контексте: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Саратов, 2010. 180 с.

<sup>11</sup> Предложения по совершенствованию закона города Москвы "О погребении и похоронном деле" / М. Ю. Годун [и др.] // Похоронный портал. 2007. № 4149. С. 1–3; Социальные и экономические аспекты похоронного дела, их отражение в Законе "О погребении и похоронном

отмечаются не только в экспертном сообществе, но и в многочисленных публикациях в СМИ, что придает теме дополнительную публичность и социальную значимость<sup>12</sup>.

Таким образом, учитывая системообразующий характер похоронного дела для социальной структуры общества и его значимость для социальной политики государства, можно сделать вывод о высоком исследовательском потенциале данной темы, а фиксируемые проблемы похоронного дела в современной России, на фоне повышенного внимания СМИ и общества, делают его изучение особо **актуальным** объектом социологического изучения в конкретном культурном и социальном контексте.

### Проблема исследования

Основная задача похоронного дела заключается в исполнении процедуры захоронения человека. При этом функционирование похоронного дела напрямую связывается с созданием и эксплуатацией материально-технической инфраструктуры - моргов, кладбищ, катафального транспорта, крематориев и так далее<sup>13</sup>.

---

деле” и перспективы развития в свете реформы государственного и негосударственного регулирования и социальной защиты граждан Российской Федерации / А. Ю. Абелев [и др.] // Похоронный дом. 2007. № 3. С. 40–41; Абелев М. Ю., Рожков С. В., Зульфугарзаде Т. Э. Похоронное дело в России // Заместитель главного врача. 2006. № 4. С. 137–140; Моисеева Е. Н. Твоя последняя покупка, выбранная кем-то другим // Экономическая социология, 2013. № 1 (14). С. 13–22; Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии, 2009. № 12 (4). С. 80–96; Демина И. Д., Меркущенко С. Н. Формирование системы управленческого учета в организациях сферы ритуальных услуг. М.: Наука-Бизнес-Паритет, 2012. 183 с.; Бондаренко С. В. Формирование комплекса ритуального обслуживания населения в условиях крупного города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2008. 244 с.

<sup>12</sup> Моляренко О. А. Местные СМИ о проблемах муниципальных кладбищ // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 142-164; Новый закон о похоронном деле может быть принят в следующем году [Электронный ресурс] // Гарант.ру. [Сайт]. 2017 URL: <http://www.garant.ru/news/1147706/> (Дата обращения: 12.02.2018)

<sup>13</sup> «Похоронное дело – отрасль хозяйства Российской Федерации или ее субъекта, включающая в себя деятельность по оказанию ритуальных, юридических, производственных, обрядовых или сопутствующих услуг, связанных с созданием или эксплуатацией объектов похоронного назначения, а также организацией и проведением похорон». «Об утверждении инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации»: Приказ Госстроя РФ от 10.01.2001 № 3 (утратил силу) // "Бюллетень строительной техники", N 2, 2000 (Приказ), "Нормирование в строительстве и ЖКХ", N 2, 2000 (Приказ).

Существующие исследования и экспертные оценки свидетельствуют о системных проблемах в работе инфраструктуры, наблюдаемых на протяжении нескольких десятилетий, создающих препятствия и серьезные ограничения для исполнения процедуры захоронения. Так, многие кладбища бесхозны; морги нелегально сдаются в аренду или самозахватываются, не соответствуют базовым техническим требованиям (например, не имеют холодильных комнат)<sup>14</sup>. В стране существуют нелегальные крематории, трупохранилища и многие другие неподотчетные государству инфраструктурные объекты похоронного дела, не отвечающие единой логике функционирования<sup>15</sup>.

По мнению исследователей, причиной подобных проблем является отсутствие адекватного ситуации законодательства. Однако стоит признать, что подобный нормативный подход не раскрывает контекст формирования и функционирования различных социальных практик, которые учитывают данное состояние инфраструктуры, а также логику принятия и нормализации ситуации со стороны участников похоронного дела<sup>16</sup>.

Обозначенное противоречие позволяет сформулировать исследовательскую **проблему**: несмотря на проблемы в работе инфраструктуры, похоронное дело в России в течение долгого времени все же выполняет свою главную задачу -

---

<sup>14</sup> Моляренко О. А. Проблемы содержания бесхозных кладбищ муниципалитетами [доклад] // XVIII Международная научно-практическая конференция специалистов похоронного дела "Современные подходы к управлению похоронным делом". Москва, октябрь 2017. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B4dkDhgqEMGCdTlpU3VrWVU2WGc/view> (Дата обращения: 11.11.2017); Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или «мёртвые зоны» отечественной статистики // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 4. С. 104-120; Согласно данным В.Н. Лексина, в начале 2000-ых годов, на территории России было не менее 100 тыс. кладбищ, большинство из которых заброшены. См.: Лексин В.Н. Умереть в России // Мир России. 2010. № 4. С. 124–161; Помещения морга сдали в аренду без торгов, что незаконно [Электронный ресурс] // Региональный новостной портал “47 новостей”. 25.07.2013. URL: <http://47news.ru/articles/66019/> (Дата обращения: 12.02.2016)

<sup>15</sup> Быков: Нелегальный крематорий на колесах есть, но его никак не могут поймать [Электронный ресурс] // “Новый Калининград.RU”: региональный интернет-портал Калининградской области и города Калининграда. 04.04.2017. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/13098536-bykov-nelegalnyy-krematoriy-na-kolesakh-est-no-ego-nikak-ne-mogut-poymat.html> (Дата обращения: 12.02.2016)

<sup>16</sup> Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина, М.: Логос, 1999. С. 11–32; Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования / Под ред. И. Олимпиаевой, О. Паченкова. СПб.: ЦНСИ, 2003. 201 с.

захоронение умерших. При этом нет четкого объяснения, в результате каких действий акторов похоронного дела это происходит. Обозначенное противоречие и составляет **проблему исследования**.

### **Степень научной разработанности**

Будучи противоречивым и многомерным видом культурно-хозяйственной деятельности, похоронное дело нуждается в комплексном социологическом анализе и уточнении базовых категорий его исследования. Обобщая международную и российскую дискуссии о похоронном деле, можно выделить следующие направления его изучения:

- 1) сравнительно-исторический подход;
- 2) управленческий подход;
- 3) институциональный подход;
- 4) инфраструктурный подход.

Стоит отметить, что для международной дискуссии характерны все 4 направления, в то время как для российской только 2 и 3 подход с некоторыми особенностями. Рассмотрим каждый из них подробнее.

**1) Управленческий подход.** В русскоязычной исследовательской среде исследования похоронного дела, как правило, связаны с управленческим подходом, а запрос на подобные исследования исходит от самой профессиональной среды. Управленческий подход находит отражение в экспертных работах, учебной литературе и целом ряде кандидатских диссертаций за авторством таких исследователей, как М. Годун, Т. Зульфугарзаде, А. Абелев, С. Рожков, Р. Грачев, Г. Сюткин, Е. Черинко и многие другие<sup>17</sup>.

---

<sup>17</sup> Абелев М. Ю., Рожков С. В., Зульфугарзаде Т. Э. Указ. соч. С. 137–140; Ларионов О. А. Особенности предпринимательской деятельности в сфере ритуальных услуг // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 4; Предложения по совершенствованию закона города Москвы "О погребении и похоронном деле". С. 1–3; Социальные и экономические аспекты похоронного дела, их отражение в Законе "О погребении и похоронном деле" и перспективы развития в свете реформы государственного и негосударственного регулирования и социальной защиты граждан Российской Федерации. С. 40–41; Сюткин Г.Н. Основы ритуально-похоронного дела: Учебное пособие. М.: Инфра-М, Альфа-М, 2016. 320с.; Черинко Е. Д. Настольная книга «похоронного директора»: Практическое пособие для работников ритуальной сферы. Томск: Красное знамя, 2010. 277 с.;

В рамках подобного взгляда на похоронное дело выделяется институциональная специфика российской модели похоронного дела и перечисляются основные проблемы, которые, по мнению авторов, характерны для данной отрасли. Работы в рамках декларируемого подхода характеризуются строгой нормативно-управленческой интерпретацией с явным отсутствием сравнительного контекста при построении аргументации (в том числе о необходимости тех или иных нововведений).

Данные работы полезны для диссертационного исследования, прежде всего, за счет иллюстративности «взгляда изнутри» самой профессиональной и управленческой среды на характер проблем и возможные пути их решения, а также широким инструментарием анализа нормативной базы похоронного дела.

2) **Институциональный подход.** В России данный подход развивается в основном социологами. Среди них можно выделить статьи и кандидатские диссертации Елютиной М.А., Филипповой С.В., Разумовой И.А. и Барабановой Л. А.<sup>18</sup>.

В данных работах похоронное дело рассматривается как значимый социальный институт, претерпевающий серьезные изменения в последние десятилетия. В исследовательский фокус попадают содержательные характеристики подобных изменений, фиксируемые, главным образом, на данных глубинных интервью. Похороны рассматривают как коммерциализированный ритуал, а похоронное дело анализируется через неинституциональные теории.

Серьезным социологическим исследованием можно назвать кандидатскую диссертацию Е. Моисеевой «Экономико-социологический анализ рынка ритуальных услуг в России» (2013)<sup>19</sup>. Моисеевой удалось провести большую работу и выявить основные характеристики рынка ритуальных услуг,

---

Организация ритуально-похоронного дела в муниципальном образовании [Сборник материалов] / Г. Н. Сюткин [и др.]. М.: МосАП, 2013

<sup>18</sup> Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство для социальной стратификации. С. 80–96; Елютина М. Э., Филиппова С. В.. Традиции и инновации в сфере похоронного дела // Вестник СГТУ. 2010. № 1. С.298-312; Разумова И. А., Барабанова Л. А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 1. С.42-60

<sup>19</sup> Моисеева Е. Н. Указ. соч. С. 13–22.

содержательно описав несколько кейсов и сравнив их между собой. Большим плюсом данной работы является использование американского сравнительного материала, а также обширная библиография и множество впервые введенных в оборот англоязычных источников.

Данный подход близок к предлагаемому диссертационному исследованию и позволяет рассматривать похоронное дело, прежде всего, как значимый институт современного российского общества.

3) **Сравнительно-исторический подход.** Европейские и североамериканские исследования похоронного дела серьезно отличаются от российских. Они опираются на продолжительную традицию и характеризуются разнообразием исследовательских подходов. Одно из наиболее значимых направлений в социальных исследованиях представлено работами антропологов и культурологов, использующих условный сравнительно-исторический метод. Это Г. Ладерман, К. Тамасон, Т. Уолтер, П. Джап, К. Гиттингс, Г. Мьютим, Дж. Ругг, П. Джап, Т. Лакер, Т. Ксельман и т.д.<sup>20</sup>

Несомненным плюсом использования сравнительно–исторического метода является возможность выявления темпоральных особенностей формирования института похоронного дела и специфики институционализации индустрии как социально-экономического феномена. Данный подход еще не использовался для анализа институциональных особенностей формирования российского похоронного дела, что позволяет говорить о потенциальных возможностях для его применения.

---

<sup>20</sup> Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 123–145; Tamason C. From mortuary to cemetery: funeral riots and funeral demonstrations in Lille, 1779–1870 // *Social Science History*. 1980. № 4 (1). P. 15–31; *Death in England* / Ed. P. C. Jupp, C. Gittings. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2000. P. 202–249; Mytum H. The Social History of the European Cemetery // *Handbook of Death & Dying* / Ed. C. D. Bryant. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003. P. 801–809; Laderman G. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*. New York: Oxford University Press, 2003. 245 p.; Laqueur T. *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 736 p.; Kselman T. A. *Death and the Afterlife in Modern France*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 436 p.

4) **Инфраструктурный подход.** Одно из направлений изучения похоронного дела заключается в выявлении социо-экономических последствий нормативного регулирования инфраструктуры похоронного дела (disposal of the dead bodies) и социальных практик. Это работы О. Балкана, К. Монте, Д. Фус, Т. Блайак, Д. Харрингтон, К. Крынски, С. Коппа и т.д.<sup>21</sup>.

В центре данных работ находится регулирование рынка ритуальных услуг в разных странах, муниципалитетах и других территориальных образованиях с позиции инфраструктуры (disposal of the dead bodies)<sup>22</sup>. Опыт данных исследований позволяет увидеть нормативное влияние на устройство похоронного дела и оценить взаимосвязь функционирования инфраструктуры и нормативной рамки возможностей.

В рамках инфраструктурного подхода есть и работы с особым акцентом на социальных и профессиональных практиках, характерных для тех или иных институциональных моделей похоронной индустрии. В них рассматривается профессиональная среда похоронного дела, социальное неравенство и проблемы бедности, проблемы стратификации и социальной репрезентации в ходе функционирования похоронного дела. Это работы Р. Майера, Б. Парсонса, Р. Смита, К. Сиала, Дж. Сандерса, Я. Шинья и другие<sup>23</sup>.

---

<sup>21</sup> Balkan O. Op. cit. P. 132-147; Blayac T., Bougette P., Montet C. Op. cit; Chevalier J. Morton F. State Casket Sales and Restrictions: A Pointless Undertaking? [Электронный ресурс] // NBER Working Paper No. 12012. 2006. URL: <http://www.nber.org/papers/w12012> (дата обращения: 12.05.2017); Foos D. State Ready-to-Embalm Laws and the Modern Funeral Market: The Need for Change and Suggested Alternatives // Michigan State Law Review. 2012. Vol. 2012 (2014). Issue 4. P. 1376–1418; Kopp S., Kemp E. The Death Care Industry: A Review of Regulatory and Consumer Issues // Journal of Consumer Affairs. 2007. № 41 (1). P. 150–173.

<sup>22</sup> Harrington D., Krynski K. The Effect of State Funeral Regulations on Cremation Rates: Testing for Demand Inducement in Funeral Markets // Journal of Law and Economics. Apr., 2002. Vol. 45, No. 1. P. 199–225; Harrington D. Markets Preserving Funeral Markets with Ready-to-Embalm Laws // The Journal of Economic Perspectives. Fall, 2007. Vol. 21, No. 4. P. 201–216.

<sup>23</sup> Mayer R. G. Embalming: History, Theory, and Practice // Handbook of Death and Dying / Ed. Clifton D. Bryant. Vol. 2, New York: McGraw-Hill, 2000, P. 589–606; Suzuki H. The Price of Death, the Funeral Industry in Contemporary Japan. Stanford: Stanford University Press, 2000. 280 p.; Smith R. G. E. Op. cit.; Seale C. Constructing Death: The Sociology of Dying and Bereavement. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. 248 p.; Sanders G. 'Late' Capital: Amusement and Contradiction in the Contemporary Funeral Industry // Critical Sociology. 2009. № 35 (4). P. 447–470; Idem. Branding in the American Funeral Industry // Journal of Consumer Culture. 2012. № 12(3). P. 263–282; Yamada S. Funeral Rites and Changing Perceptions of Death in Contemporary

Отдельно, в рамках данного подхода, стоит упомянуть цикл работ французской исследовательницы Паскаль Тромпетт, которая долгое время исследовала историю и развитие похоронного дела во Франции<sup>24</sup>. Тромпетт пыталась анализировать похоронное дело с учетом ретроспективного опыта формирования данного рынка, опираясь на акторно-сетевую теорию и наработки в области экономической социологии и политической экономии. Подобная методология позволила получить выводы, значимые для развития дискуссии в области исследования похоронного дела.

К одной из ключевых работ в рамках данного подхода можно отнести и цикл статей Тони Уолтера и его коллег из центра CDAS (Center of Death And Society, The University of Bath, UK), в которых они пытаются систематизировать и классифицировать похоронную индустрию в разных странах, проведя сравнительный анализ по ряду признаков<sup>25</sup>.

В этих работах Уолтер делает вывод о структурном влиянии нормативных ограничений на типы похоронной индустрии, а также о связи объектов инфраструктуры с возможностями для продвижения тех или иных похоронных услуг, что, несомненно, является крайне полезным наблюдением в рамках поставленной диссертационной проблемы.

Представленный обзор позволяет выделить значимые взаимосвязи, характерные для функционирования похоронного дела:

- историко-культурную укорененность конфигурации<sup>26</sup>

---

Japan // *Mortality*. 2004. 9, No. 1. P. 27–41; Whyte M. K. *Death in the People's Republic of China // Death Rituals in Late Imperial and Modern China* / ed. J. L. Watson, E. S. Rawski. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 289–316.

<sup>24</sup> Trompette P. *Political Exchanges in the French Funeral Market // Management & Organizational History*. 2011. № 6 (1). P. 3–35; Idem. *The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation*. P. 370–385; Trompette P., Lemonnier M. *Funeral Embalming: The Transformation of a Medical Innovation // Science and Technology Studies*. 2009. № 22 (2). P. 9–30.

<sup>25</sup> Walter T. *Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West // Mortality*. 2005. № 10 (3). P. 73–192; Idem. *Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies*. P. 23–145.

<sup>26</sup> Под «конфигурацией» понимается результат возможностей и ограничений для создания и управления инфраструктурными объектами похоронного дела. Например, запрет на открытие частных крематориев приводит к тому, что количество крематориев существенно ниже чем в местах где такие возможности есть.

инфраструктуры;

- зависимость конфигурации инфраструктуры от нормативного регулирования;
- наличие связи между материально-технической инфраструктурой и социальными взаимодействиями акторов похоронного дела.

Однако данные исследования имеют **ряд допущений**, которые мешают пониманию российского кейса:

(1) большинство разрабатываемых подходов отсылает к нормативному восприятию инфраструктур, подразумевая, что все они работают в рамках законодательства и следуют за ограничениями<sup>27</sup>.

(2) предполагается, что проблемы в работе инфраструктуры должны приводить к формированию альтернативных инфраструктурных объектов (а значит, и похоронных практик)<sup>28</sup>. В то же время не рассматривается встраивание проблем работы материально-технической инфраструктуры в поле неформальных практик; использование данных особенностей для достижения других целей различными группами акторов, участвующими в процессе захоронения.

Подводя итог, можно сказать, что существующие исследования достаточно убедительно показывают: материально-техническая инфраструктура играет основополагающую роль в функционировании похоронного дела и, как следствие, оказывает влияние на действия акторов, включенных в процесс похорон. Особенности ее конфигурации и принципы работы исторически и культурно укоренены, а ее актуальное состояние во многом формирует институциональный дизайн похоронного дела. Вместе с тем, проблемы в работе инфраструктуры практически не рассматриваются аналитиками в качестве определяющих

---

<sup>27</sup> Тони Уолтер считает, что, например, запрет на открытие моргов не приводит к появлению их теневых аналогов. Таким образом, рассматриваются только легальные практики, исключая латентные и неформальные, которые потенциально могут оказаться гораздо важнее представленных моделей.

<sup>28</sup> Как, например, в случае с французскими моргами и комнатами долгого прощания (*chambres funéraires*).

факторов, что делает такое исследование потенциально перспективным и значимым направлением исследования на российской эмпирической базе.

### **Объект и предмет исследования**

**Объектом исследования** является институт похоронного дела в России.

**Предметом исследования** выступает взаимодействие акторов в процессе осуществления похоронной деятельности.

### **Цель и задачи исследования**

**Цель исследования** состоит в том, чтобы выявить и описать влияние материально-технической инфраструктуры и особенностей ее работы на устойчивые социальные практики акторов похоронного дела в России.

#### **Задачи исследования:**

1) На основе анализа теоретических подходов к изучению похоронного дела концептуализировать основные категории («похоронное дело» и «материально-техническая инфраструктура похоронного дела»), как объекты социологического анализа;

2) Проанализировать особенности формирования института похоронного дела в России и обозначить роль материально-технической инфраструктуры в этом процессе<sup>29</sup>;

3) Проанализировать нормативные особенности работы похоронного дела и устройства инфраструктуры в современной России и артикулировать основные ограничения реализации законодательных предписаний;

4) На основе эмпирического исследования описать процедуру организации и проведения захоронения человека<sup>30</sup> в современной России,

---

<sup>29</sup> Необходимость подобного исторического анализа институтов, помимо исследователей похоронного дела, отмечается и классиками институциональной теории. Напр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 99.

<sup>30</sup> В рамках ритуала общегражданских или православных похорон, организуемых при участии родственников, как наиболее распространенных. См.: Елютина М.А., Филиппова С. В. Указ. соч. С.298-307.

выделить роль и основные особенности работы материально-технической инфраструктуры в этом процессе;

5) Выявить основные группы акторов, участвующие в процессе организации похорон, охарактеризовать их особенности и практики взаимодействия;

б) Описать основные стратегии исправления проблем в работе материально-технической инфраструктуры похоронного дела и обозначить значение выявленных стратегий в деятельности основных групп акторов.

### **Гипотезы диссертационного исследования**

**Гипотеза 1:** чтобы произвести захоронение в ситуации структурных проблем и несовершенств похоронного дела, его акторы вынуждены локально исправлять возникающие сложности и для этого взаимодействовать друг с другом;

**Гипотеза 2:** проблемы в работе материально-технической инфраструктуры похоронного дела в России существуют длительное время, что привело к формированию устойчивых и воспроизводящихся социальных практик среди его акторов. Подобные практики в значительной степени определяют институциональный дизайн похоронного дела в современной России.

### **Методологическая и теоретическая основа**

Проверка выдвинутой гипотезы осуществлялась через социологическую адаптацию инфраструктурного подхода в социальной теории, который развивается в рамках антропологии и этнографии инфраструктур (С. Стар, Б. Ларкин)<sup>31</sup>, а также применяется для исследования похоронного дела (П. Тромпетт, Т. Уолтер).

Нормативность инфраструктурного подхода была дополнена

---

<sup>31</sup> Star S. The Ethnography of Infrastructure // American Behavioral Scientist. 1999. Vol. 43. P. 377-393; Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 327-343; Edwards P. Op. cit. P. 185-225; Angelo H., Hentschel C. Interactions with Infrastructure as Windows into Social Worlds: A Method for Critical Urban Studies: Introduction // City. 2015. Vol. 19. P. 306–312.

теоретическими положениями С. Грэхэма и Н. Трифта<sup>32</sup>, а также работами по социологии ремонта Т. Данта и К. Хенке<sup>33</sup>, которые позволяют рассматривать практики ремонта (устранения ограничений функциональности, проблем, сбоев и некоторых дисфункций инфраструктуры) как социальное действие, в результате которого происходит активная коммуникация, обмен статусами, знанием, ресурсами.

Концепциями, применимыми к объяснению институционализации особенностей работы инфраструктуры для разных групп акторов, являются сразу несколько теоретических наработок. Среди них теория «неопределенности» Д. Старка для частного бизнеса; теория городских политических режимов К. Стоуна для группы представителей бюджетной сферы; обряды перехода Р. Герца для группы родственников. Практики взаимодействия с проблемным состоянием инфраструктуры в повседневной и социальной жизни на ранних этапах становления похоронного дела подкреплены работами по «обществу ремонта» С. Чуйкиной, Е. Герасимовой и Г. Орловой<sup>34</sup>.

Методология проведенного диссертационного исследования базируется на работах исследователей, апробирующих этнографический метод в изучении похоронного дела, прежде всего К. Велез-Запата, Х. Сузуки, и опирающихся на методологическую базу социологических и антропологических исследований

---

<sup>32</sup> Graham S., Thrift N. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24 (3). P. 1–25.

<sup>33</sup> Dant T. The Work of Repair: Gesture, Emotion and Sensual Knowledge // *Sociological Research Online* 2010. Vol. 15 (3). P. 1–22; Henke C. R. The Mechanics of Workplace Order: Toward a Sociology of Repair // *Berkeley Journal of Sociology*. 2000. Vol. 44. P. 55–81.

<sup>34</sup> Stark D. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2009; Hertz R. *Death and The Right Hand*. Routledge, 2004. 174 p.; Stone C. N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989; Idem. *Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach* // *Journal of Urban Affairs*. 1993. Vol. 15. № 1. P. 1-28; Fligstein N. *Markets as Politics: A Political Cultural Approach to Market Institutions* // *Amer. Soc. Rev.* 1996. Vol. 61. P. 65-73; Герасимова Е., Чуйкина С. *Общество ремонта* // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 2. С. 70–77; Ледяев В. Г. *Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования* // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70). С. 23-48; Орлова Г. *Апология странной вещи: “маленькие хитрости” советского человека* // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html> (Дата обращения: 12.05.2017); Старк Д. *Гетерархия: организация диссонанса* / пер. А. А. Куракина // *Экономическая социология*. 2000. № 1 (2). С. 7–36

организаций и институтов, в числе которых работы М. Буравого, П. Аткинсон, А. Бруни, Дж. Кассел, У. Корсаро, С. Деламонт и других<sup>35</sup>.

### **Эмпирическая база и исследовательский инструментарий**

Эмпирической базой для диссертационного исследования послужило полевое исследование в ряде регионов РФ (Калужская область, Тульская область, Орловская область, Курская область, Липецкая область, г. Старый Оскол, г. Москва и Московская область). В ходе выполнения исследования, осуществлялись описание и интерпретация профессиональной деятельности 5 ритуальных агентств данных регионов, а также других акторов, участвующих в интеракциях и осуществлении похоронной деятельности, в числе которых десятки кладбищ, моргов, производителей ритуальных принадлежностей и так далее.

Основной метод исследования – этнографическое участвующее наблюдение в качестве работника похоронной бригады и партнера управляющего похоронным агентством. Включенное наблюдение началось 20 октября 2015 года и продолжалось до ноября 2017 года; суммарно 100 дней наблюдений. Все данные фиксировались в полевой дневник, который содержит 452 записи. Записи велись согласно базовым рекомендациям по ведению этнографических дневников<sup>36</sup>. Основной массив записей и наблюдений посвящен организации и исполнению процедуры похорон.

Данные полевых записей кодировались и анализировались согласно методике П. Аткинсона и Д. Сильвермана, которая включает в себя разбивку наблюдаемых явлений на участвующих акторов; выполняемые ими действия; видимую и приписываемую им логику действий; анализ контекста полевой

---

<sup>35</sup> Atkinson P. *The Ethnographic Imagination*, London: Routledge. 1990. 195 p.; Bruni A. *Access as Trajectory: Entering the Field in Organizational Ethnography* // *Management*, 2006. Vol. 9 (3). P. 129–144; Burawoy M. *Revisits: an outline of a theory of reflexive ethnography* // *American Sociological Review*, 2003. Vol. 68 (5). P. 645–679; Corsaro W. A. *Something old and something new: the importance of prior ethnography in the collection and analysis of audiovisual data* // *Sociological Methods and Research*. 1982. Vol. 11 (2). P. 145–166; Delamont S. *Ethnography and participant observation* // *Qualitative Research Practice* / Eds. C. Seale, G. Gobo J. F. Gubrium and D. Silverman. London: SAGE Publications. 2004. P. 205-217.

<sup>36</sup> Emerson R. M. *Writing Ethnographic Fieldnotes*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 320 p.

ситуации; объективация наблюдателя; рефлексия<sup>37</sup>. Примеры подобных записей полевого дневника и их анализа можно увидеть в приложении к диссертационной работе.

Дополнительные методы исследования включали в себя интервью в форме этнографического разговора с участниками социальных интеракций, которые позволяли прояснять характер некоторых действий. Также использовались данные интернет источников: в фокус исследования попали данные из активного общения изучаемых акторов в рамках обмена сообщениями в социальных сетях и профессиональных группах агентов похоронного дела WhatsApp и Viber, что позволило обогатить базу изучаемых случаев.

В работе использованы архивные источники – Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный архив Московской области (РГАМО), архивные данные других исследователей, данные из открытых источников. Это помогло реконструировать процесс институционализации похоронного дела в России, увидеть роль инфраструктуры и особенности ее работы на разных этапах.

Эмпирические данные дополнены качественным анализом нормативно-правовых актов Российской Федерации, связанных с проблемами развития и функционирования похоронного дела в России, а также другими нормативными документами, в том числе доступной статистикой по изучаемой проблеме.

Использование такого широкого инструментария и расширенной эмпирической базы позволило генерализировать полученные выводы, выходя за региональные рамки и узкое этнографическое описание конкретных организаций.

### **Научная новизна**

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующих результатах проведенного исследования:

---

<sup>37</sup> Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*, London: Sage, 2006. 428 p.; Idem. *A Very Short, Fairly Interesting, Quite Cheap Book about Qualitative Research*, London: Sage, 2007. 168 p.; Atkinson P., Hammersley M. *Ethnography and participant observation* // *Handbook of Qualitative Research* / Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 248-260

1) Проанализированы российские и зарубежные исследования похоронного дела и выявлены основные направления и подходы к его изучению, включая инфраструктурный, институциональный, управленческий, историко-сравнительные подходы. Это позволило сформулировать ключевые исследовательские категории, к числу которых относятся «инфраструктура», «проблемы в работе инфраструктуры» ...и увидеть потенциальные теоретические допущения в исследованиях похоронного дела, а также потенциальные предложения по их устранению;

2) На основе архивных материалов и открытых источников проанализированы особенности формирования института похоронного дела в России, выделены основные институциональные этапы: церковно-государственная модель (до революции 1917 года); переходная модель (1920-ые года); государственная модель, нормализующая кризисное состояние инфраструктуры (с 1930-ых по 1980-ые года); частно-государственная модель (начиная с 1990-ых годов).

3) Удалось обозначить роль материально-технической инфраструктуры в процессе институционализации похоронного дела; выявить правила и практики развития инфраструктуры, получившие свое закрепление через неформальную экономику и «культуру ремонта»;

4) Проанализированы нормативные особенности работы похоронного дела и устройства инфраструктуры в современной России; описаны основные ограничения реализации законодательных предписаний, в числе которых: запрет на частную похоронную инфраструктуру, недостаточное финансирования инфраструктуры со стороны местных органов самоуправления, бесхозная инфраструктура и проблемы ее легализации;

5) Описана процедура организации и проведения захоронения человека, выделена роль материально-технической инфраструктуры в этом процессе; определены основные особенности работы инфраструктуры, которая характеризуется сбоями и дисфункциями;

б) Выявлены основные группы акторов, участвующих в процессе организации похорон - родственники умершего, частные похоронные агенты и работники похоронной отрасли, деятельность которых финансируется из бюджета. Описаны особенности каждой из этих групп и практики взаимодействия между ними, в том числе симбиотические экономико-хозяйственные формации между представителями бюджетной сферы и частными агентами.

7) Описаны основные стратегии исправления проблем в работе материально-технической инфраструктуры похоронного дела. Дана содержательная интерпретация значения данных проблем инфраструктуры при организации похорон для каждой из групп акторов.

#### **Положения, выносимые на защиту**

- Проблемы в работе материально-технической инфраструктуры похоронного дела на раннем этапе формирования института похоронного дела привели к формированию устойчивых социальных практик;
- Проблемы в работе инфраструктуры намеренно поддерживаются представителями локальной / муниципальной власти, так как позволяют осуществлять контроль над нанятыми работниками и частными агентами;
- Исправление проблем в работе инфраструктуры является услугой и профессиональным знанием частных агентов похоронного дела;
- Проблемы в работе инфраструктуры привели к формированию особых ритуальных практик, в которых исправление данного состояния сопряжено с трудностями «обряда перехода»;
- Проблема в работе материально-технической инфраструктуры является институциональной характеристикой похоронного дела в современной России.

#### **Теоретическая и практическая значимость работы**

В диссертационном исследовании продемонстрирована ограниченность используемого инфраструктурного подхода в исследованиях похоронного дела и

аргументирована необходимость учета особенностей режимов работы инфраструктуры и ее влияния на социальные практики, связанные с похоронным делом. Подобный вклад в разработку проблемы стал возможным благодаря авторской адаптации теоретических положений социологии ремонта к нормативному инфраструктурному подходу в изучении похоронного дела.

Кроме того, сам инфраструктурный подход ранее не применялся к исследованию российской модели похоронного дела, поэтому возможность его применения и полученные результаты представляют интерес для академического сообщества, в том числе, и для будущих сравнительных исследований, в настоящее время упускающих из внимания российскую специфику.

В рамках сбора данных было проведено первое крупномасштабное мульти-методное эмпирическое исследование похоронного дела в современной России, основанное на этнографическом подходе в рамках качественной социологии. Впервые удалось реализовать длительное участвующее наблюдение за работой похоронных компаний, описать основные практики и стратегии акторов, участвующих в процедуре организации и проведения похорон.

Полученные в работе результаты, с одной стороны, могут быть использованы для решения структурных проблем похоронной отрасли в современной России, а с другой - дают возможность обнаружения новых феноменов, связанных с особенностями работы инфраструктуры и практиками, которые формируются вокруг ее состояния уже за пределами похоронного дела (например, при анализе коммунальной инфраструктуры, исследованиях культуры и практик ремонта, анализе теневой экономики и ремесленного производства).

Практическая значимость разрабатываемой в данном диссертационном исследовании проблемы заключается в том, что результаты исследования демонстрируют масштабы структурных проблем института похоронного дела, акцентируя проблемы на специфических социальных, культурных, экономических функциях работы материально-технической инфраструктуры, а не только на вопросах коммодификации ритуала или проблемах нормативного регулирования.

### **Апробация результатов исследования**

Результаты проведенного диссертационного исследования представлены на следующих семинарах, лекциях и конференциях:

#### **Международные конференции:**

1. 27-28.04.2017. Living infrastructures. Конференция в ВолГУ. Доклад «Идеальные поломки: рынок ритуальных услуг в современной России»
2. 02.03.2017. Transmortality International: Materiality and Spatiality of Death, Burial and Commemoration 2017. г. Люксембург. Доклад: «Death care industry in modern Russia: the breakdown and repair of infrastructure as a power».
3. 09.06.2018. CDAS Conference – Death and politics. United Kingdom, Bath. Доклад: «Death care industry in modern Russia».
4. 27.05.2018. MAG 2018. «Ideal breakdowns: infrastructure and funeral market in modern Russia». Украина, г. Львов.

#### **Научные семинары и лекции:**

1. 9.10.2017-10.10.2017. Гостевая лекция и семинар для магистров. "Death care in Russia: How infrastructure produces power and ritual?". Aleksanteri Institute, Helsinki, Finland.
2. 20.11.2017. Семинар "Ideal breakdowns: funeral market and infrastructural quest game". Европейский Университет в Санкт-Петербурге.
3. 12.12.2017. Лекция в рамках семинара «Социология рынков»: "Infrastructure of Death: How is the funeral business in different countries organized?". Лаборатория экономико-социологических исследований, НИУ ВШЭ (Москва).

Результаты проведенного диссертационного исследования представлены в следующих публикациях:

#### **Монография:**

1. 2018. Сергей Мохов. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. Common

place: Москва, 360 p. ISBN 978-999999-0-43-1.

**Англоязычные статьи в международных журналах (Scopus):**

1. Mokhov S., Sokolova A. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia. Mortality, 2019. doi.org/10.1080/13576275.2019.1588239

**Статьи в списке рекомендованных журналов ВШЭ, включая международные базы данных:**

1. Мохов С. В. Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс // Социология власти. 2016. Т. 28. № 4. С. 83-103.

2. Мохов С. В., Зотова В. Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21-36.

3. Мохов С. В. Управляя неопределенностью и стигмой: региональных рынок ритуальных услуг в этнографических заметках // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 1. С. 28-50.

4. Мохов С. В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3. С. 171-187.

5. Мохов С. В. «Идеальные поломки»: инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146-160

6. Мохов С. В. Похоронная индустрия в сравнительной перспективе: роль инфраструктуры в создании национальных моделей // Социологический журнал. 2017. № 4. С. 51-68

**Структура исследовательской работы**

Диссертация состоит из введения, трех основных глав и заключения, а также содержит список использованной литературы и приложение, в котором

раскрываются содержательные характеристики информантов и проведенной полевой работы.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; описывается сложившаяся научная проблема; раскрывается степень научной разработанности затрагиваемой проблематики; приводятся объект, предмет и цель исследования; излагаются задачи, поставленные перед автором; формулируются гипотезы; демонстрируется используемая в работе методология и методы, а также эмпирическая база и временные рамки, которые охватывает исследование. Кроме того, во вступительной части работы излагаются положения, выносимые на защиту, научная новизна и значимость проведенного исследования.

Первая глава посвящена теоретико-методологическим аспектам изучения похоронного дела. Проведен анализ изучения похоронного дела как объекта социального исследования: выявлены основные подходы, концепции и ограничения исследования похоронного дела; также представлены основные модели похоронного дела в разных странах. Проведена концептуализация и операционализация основных понятий, в том числе связь похоронного дела с материально-технической инфраструктурой и ее состоянием. Обосновываются выбранный инструментарий и парадигма исследования.

Во второй главе диссертации производится анализ развития и становления похоронного дела в России. Выявлены причины появления проблем и дисфункций в работе похоронного дела, а также стратегии и принципы нормализации данного состояния. Описаны базовые характеристики похоронного дела как особой формы хозяйственно-экономической деятельности; выявлена роль похоронного дела как социального института и составной части социальной структуры российского общества.

В третьей главе приводятся методика сбора данных и общие принципы проведенной полевой работы, а также анализ нормативной базы похоронного дела в современной России; фиксируются основные принципы работы похоронного дела как института; описывается процедура проведения похорон с позиции инфраструктуры; выявляется роль участия каждой группы акторов в этом

процессе, а также основные стратегии исправления сбоев в работе инфраструктуры похоронного дела. В третьей главе формулируются и верифицируются основные гипотезы о работе инфраструктуры на похоронное дело и учете данных режимов в работе похоронного дела.

В заключении резюмируются реализованные в ходе написания работы этапы и формулируются основные выводы исследования. В разделе «Приложения» раскрываются содержательные характеристики информантов и особенности проведенной полевой работы.

# Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению похоронного дела и инфраструктуры

## 1.1. Смерть как объект исследования в социальных науках

В социальных науках широко распространена ситуация, когда исследовательская проблема изучается сразу с нескольких дисциплинарных позиций. Это приводит к тому, что процесс исследовательской работы осложняется многообразием конкурирующих методов, концепций, понятийного аппарата и парадигм<sup>38</sup>. В этом случае исследование похоронного дела и похоронных практик не является исключением.

Начать можно с того, что темой смерти, в силу ее сензитивности и многообразия поставленных проблем, занимаются антропологи, психологи, социологи, культурологи и представители других дисциплинарных полей. По меткому выражению Леви-Стросса, тема смерти настолько глобальна, что говорить о смерти значит то же самое, что говорить о жизни<sup>39</sup>. Поэтому похоронные практики как нечто, напрямую сопряженное со смертью, могут быть проанализированы с самых разных сторон. В дополнение к этому, исследование похоронной деятельности осложняется и отсутствием четкого определения того, чем вообще является «похоронное дело» (рынок ритуальных услуг, похоронная индустрия, похороны или другие синонимичные категории), как некая специфическая область человеческой деятельности. Чему необходимо отдать приоритет при исследовании похорон - традиционному ритуалу, или религии, или экономике, или политике?

Таким образом, процедура захоронения человека, как главная функция похоронного дела и как объект исследования, оказывается на пересечении различных дисциплинарных дискурсов – экономики, социологии, психологии,

---

<sup>38</sup> Ausburg T. *Becoming Interdisciplinary: An Introduction to Interdisciplinary Studies*. 2nd edition. New York: Kendall/Hunt Publishing, 2006. 197 p.

<sup>39</sup> Леви-Стросс К. *Печальные тропики*. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 56

культурологии и ряда других<sup>40</sup>. И именно поэтому ревизия научной дискуссии о похоронном деле требует анализа различных дисциплин и предметных полей.

Достаточно долгое время похороны являлись классической темой для культурных антропологов, изучающих символическую структуру общества - религию, мифы и представления о загробной жизни. При этом до середины XX века, исследования смерти в социальных науках были сопряжены исключительно с изучением похоронных обрядов в первобытных обществах. Смерть и похоронные ритуалы становились объектом исследования для Э. Тайлора, Дж. Фрезера, дюркгеймианской школы (самого Э. Дюркгейма, М. Мосса, Р. Герца) и их продолжателей - антропологов середины XX века - А. Ван Геннепа, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, Э. Эванса-Притчарда<sup>41</sup>.

Результат подобных научных изысканий позволил установить, что смерть не является индивидуальным актом, она всегда включает в себя других активных социальных субъектов; что похороны — это социальный процесс, где умерший всего лишь один из элементов и при этом не обязательно центральный.

Дальнейшие исследования в рамках открытого функционалистского подхода привели к росту интереса к теме смерти уже со стороны смежных дисциплинарных полей, прежде всего, набирающей академический вес психологии. Психологический подход нашел отражение в ранних работах Р. Лифтона, Э. Олсона, Э. Беккера, З. Баумана и многих других, разрабатывающих личностный взгляд индивида на процесс умирания, проблемы страха смерти, переживания горя и так далее<sup>42</sup>. Подобный переход темы смерти от антропологии

---

<sup>40</sup> Huntington R., Metcalf P. *Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual*. Cambridge University Press, 1985. 230 p.

<sup>41</sup> Фрезер Дж. *Золотая ветвь: исследование магии и религии*. М.: АСТ, 1998. 784 с.; Тайлор Э. Б. *Первобытная культура*. М.: Политиздат, 1989. 573 с.; Radcliffe-Brown R. A. *The Andaman Islanders: A Study in Social Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922; Hertz R. *A Contribution to the Study of the Collective Representation of Death // Death, Mourning, and Burial: A Cross-cultural Reader / Ed. A. C. G. M. Robben*. Malden: Blackwell, 2004. P. 197–212; Van Gennep A. *The Rites of Passage // Ibid.* P. 213-223; Минеев В. В. *Социальные аспекты смерти (Философско-антропологический анализ): Дисс. ... д-ра филос. наук*. Красноярск, 2004. 413 с.

<sup>42</sup> Bauman Z. *Mortality, immortality, and other life strategies*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 216 p.; Becker E. *The Denial of Death*. New York: The Free Press, 1973. 336 p.; Lifton R.J.,

к психологии произошел в силу необходимости объяснения роли аффективных эмоций скорби в контексте похоронных практик, на которые классическая антропология не могла однозначно ответить. Исследователям становится очевидным тот факт, что похороны не могут изучаться отстраненно, как набор символических действий, без учета сензитивности темы.

В дополнение к этому, в послевоенное время широко обсуждается этическая / идеологическая сторона ранней этнографической работы исследователей - происходит так называемый пост-колониальный переворот. Все это достаточно быстро привело к кризису полевой антропологии и, как следствие, переходу от изучения первобытных сообществ к более сложно устроенным социальным структурам, таким как современные западные социумы. Как итог, это вполне логично обнажило проблему концептуального аппарата исследования смерти<sup>43</sup>.

Кризис осложнился и другими структурными изменениями. Так, со второй половины XX века, социальные исследователи смещают акцент с ритуала погребения на сам процесс умирания человека (с «пост-смерти» к «до-смерти») – этому способствует растущая медиализация общества, появление и крайне бурное развитие хосписного движения, а также вопросов биоэтики<sup>44</sup>. Происходит теоретический скачок от ритуальной стороны смерти и похорон к изучению самого процесса умирания и медицинской культуры и сообщества - тематика смерти становится объектом исследования для медицинских социологов и антропологов, которые формируют свой язык и свои концепции.

Справедливо будет отметить, что тема смерти и похорон, как особой деятельности человеческого сообщества, в это же время перешла и в сферу интереса историков. Пионерскими работами в этой области стали книги Филиппа

---

Olson E. *Living and Dying*. New York: Praeger, 1974; Zilboorg G. *Fear of death* // *The Psychoanalytic Quarterly*. 1943. Vol. 12. P. 465–475.

<sup>43</sup> Rosaldo R. *Grief and a Headhunter's Rage* // *Death, Mourning, and Burial: A Crosscultural Reader* / Ed. A.C.G.M. Robben. Malden: Blackwell, 2004. P. 167–178; Fabian J. *How Others Die: Reflections on the Anthropology of Death* // *Ibid*. Pp. 49-62.

<sup>44</sup> Doka K. J. *The Death Awareness Movement: Description, History and Analysis* // *Handbook of Death and Dying*. Vol. 1: *The Presence of Death*. Thousand Oaks, CA: Sage Reference, 2003. P. 50-56

Арреса по истории европейской ментальности смерти и Джеффри Горера об отношении к смерти в англо-саксонском мире XIX – XX веке, которые постарались в жанре мета-теоретизирования описать европейскую историю смерти<sup>45</sup>. Данные работы на долгое время заложили основы парадигмы «отрицания смерти» и «табуирования смерти» в западном обществе.

Нельзя не упомянуть и прорывное исследование Уильяма Уорнера, вышедшее в середине XX века, в котором он описал американское общество с позиции символического обмена между сообществом живых и мертвых<sup>46</sup>. С этого времени смерть попадает и в оптику социологов, первично оформляя поле будущей дисциплины «социологии смерти». Среди основных разрабатываемых тем данной области можно выделить проблемы эвтаназии, биополитики, коммеморативной и национальной политики современных государств, проблемы социальной репрезентации через моральные практики<sup>47</sup>.

Таким образом, начиная уже с 70-ых годов XX века, тематика смерти оформляется в виде нескольких отдельных дисциплинарных полей, которые приобретают зонтичную структуру по отношению друг к другу, но при этом сохраняя собственную автономность в виде отдельных парадигм, концепций и методов. Поэтому говорить о каком-то одном и едином подходе в исследовании смерти не приходится<sup>48</sup>. В наше время, исследования смерти условно объединяются под общим названием *death studies* с отдельными внутри-дисциплинарными журналами, такими как *Omega*, *Mortality*, *Death Education*,

<sup>45</sup> Gorer G. *Death, Grief, and Mourning*. N.Y.: Doubleday, 1965; Аррес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / под общ. ред. Оболенской С.В. М.: «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992; Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1989. С. 114–135.

<sup>46</sup> Уорнер У. Живые и мертвые / пер. с англ. Николаев В. Г. Москва — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000.

<sup>47</sup> Huntington R., Metcalf P. Op. cit.; Parsons T., Fox R.C., Lidz V.M. *Death in American Experience // The “Gift of Life” and Its Reciprocation / Eds. Mack A. New York, Schocken, 1973. P. 1–49; Schafer C. Biography, Authenticity and Personalised Post-Mortem Practices in Aotearoa/New Zealand // Ethnos, 2016. Vol. 81. Issue 5. P. 759-791; Woodthorpe K. Public Dying: Death in the Media and Jade Goody // *Sociology Compass*, 2010. Vol. 4. P. 283-294; Walter T., Littlewood J., Pickering M., *Death in the News: The Public Invigilation of Private Emotion // Sociology*, 1995. Vol. 29, № 4. P. 579-596.*

<sup>48</sup> Кан С., Мохов С. Интервью-дискуссия: «Death studies и западная антропология» // *Археология русской смерти*. 2016. №1. С. 13-30

Near-death Experience<sup>49</sup>.

Если мы обратимся к российскому контексту формирования условного *death studies*, то можем зафиксировать определённое отставание от международной дискуссии. Долгое время в России смерть изучалась исключительно в рамках религиозной и антропологической философии, которая до сих пор остается на лидирующих позициях. Так, за последние несколько десятилетий из печати вышли такие знаковые тематические работы, как книга Татьяны Мордовцевой «Идея смерти в культурфилософской ретроспективе», монография Андрея Демичева «Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию», программная статья Владимира Варавы «Современная российская танатология (опыт типологического описания)», а также многие другие<sup>50</sup>.

В социоантропологическом ключе с темой смерти, так или иначе, можно связать целый ряд научных публикаций фольклористов и культурных антропологов. Главным образом, объектом исследования в них становится традиционный погребальный обряд, практики поминовения и плача - начиная с классических работ Д. Зеленина и заканчивая современными исследованиями Е. Сафронова, М. Алексеевского<sup>51</sup>. Методы и объясняющие конструкции схожи с ранними антропологическими работами западных коллег и скорее ориентированы на описание, фиксацию и интерпретацию ритуальной части похорон.

Смерть рассматривалась также и историками, которые акцентировали свое внимание на культурологическом и институциональном анализе особенностей

---

<sup>49</sup> Doka K. J. Op. cit. P. 50-56

<sup>50</sup> Не один год работала Ассоциация танатологов Санкт-Петербурга, до сих пор активно действует научный семинар в рамках Института философии РАН, посвященный изучению иммортализма. Причиной подобного интереса к смерти в фокусе литературы и философии видится сильная национальная школа. Смерть является одной из главных тем для русской религиозной философии. Для Николая Бердяева это единственный способ узнать «жизнь вечную», для Владимира Соловьева смерть это основа мышления «сверхчеловека», центральной идеей космистов и последователей Николая Федорова и вовсе стала идея бессмертия и физического воскрешения людей. Возможно, именно подобное богатое идейное наследие объясняет философско-литературный уклон в исследованиях смерти у русскоязычных авторов.

<sup>51</sup> Алексеевский М. Похоронные причитания Владимирской области: к вопросу о специфике фольклорной традиции Центральной России // Российская провинция: история, традиции, современность. Рождественский сборник. Ковров, 2008. вып. 15. С. 243–248; Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М.: «Индрик», 1994

советской смерти — это работы А. Соколовой, С. Малышевой, С. Еремеевой<sup>52</sup>. Вместе с тем, культура советской смерти изучалась и западными исследователями – Кэтрин Вердери написала ряд работ о значении мертвых тел в постсоветских странах, Нина Тумаркин анализировала культ войны и выявила влияние массовых смертей на советскую повседневность, Кэтрин Мерридейл рассматривала политику и практики памяти в послевоенный период<sup>53</sup>.

Таким образом, исследование смерти в российской академической среде малочисленностью методологических подходов и полевых исследований заметно отличается от бурного развития *death studies* в западной академии.

Однако представленные выше работы, как западных, так и российских коллег, направлены скорее на изучение смерти в контексте обращения с мертвым телом (то есть похорон), как культурного, религиозного и психологического феномена.

Вместе с тем, необходимо признать, что различия в похоронных практиках касаются не только ритуальной или обрядовой части, но и инфраструктурной составляющей организации похорон. Например, того, как устроены кладбища и места прощания; кто проводит похороны; каковы уровень кремации и развитие катафального транспорта. При этом различия фиксируются не только между культурно-отличными сообществами, что вполне объяснимо, но и в рамках достаточно гомогенных ареалов<sup>54</sup>.

Можно с уверенностью утверждать, что представленные выше работы не

---

<sup>52</sup> Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202; Малышева С. Ю. «Братские могилы» и «вражеские могильники»: символическое означивание массовых захоронений в Советской России / СССР 1920-х – 1940-х годов // *Soviet and Post Soviet Review*. 2017. Т. 44. № 3. С. 233–263; Её же. Проблематика смерти в социально-гуманитарных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 1043–1053.

<sup>53</sup> Merridale C. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia* New York and London: Viking Penguin Books. 2002. 403 p.; Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books of HarperCollins. 1994. 242 p.; Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. 1999. NY: Columbia University Press, 185 p.

<sup>54</sup> Walter T. *Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies*. P. 23–145.

отвечают на вопросы, выходящие за пределы символических представлений, эмоциональных переживаний и ритуальных практик, а именно вопросы о функционировании похоронного дела и его неотъемлемой части - инфраструктуры.

## **1.2. Похоронное дело как объект социологического изучения**

Здесь следует обратиться уже непосредственно к исследованиям, связанным с изучением похоронного дела не с позиции ритуала / обряда / символической структуры, а уже как социальной институции, как особого вида государственного и локального хозяйствования. В этом случае похороны рассматриваются как процесс, во многом определяемый экономической, политической и культурной логиками. Подобный подход позволяет очистить концептуальный аппарат исследования от ранее описанных сопряженных тем – психологии горя, ритуала, сензитивности темы, табуированности и многого другого. В этом ключе аналитическая традиция исследования проблемы имеет своих исследователей и свои парадигмы, которые можно обозначить следующим образом:

1. сравнительно-исторический подход;
2. управленческий подход;
3. институциональный подход;
4. инфраструктурный подход

(1) **Сравнительно-исторический подход.** Начиная с 1980-ых годов, институциональные особенности организации похорон становятся объектом изучения культурных и социальных исследователей, использующих сравнительно-исторический метод. Это М. Уильямс, Г. Ладерман, К. Тамасон, Т. Уолтер, П. Джап, К. Гиттингс, Г. Мьютим, Дж. Ругг, П. Джап, Т. Лакер, Т. Ксельман и т.д.<sup>55</sup>.

---

<sup>55</sup> Williams M. J. A Social History of Embalming // Handbook of Death & Dying / Ed. C. D. Bryant. Thousand Oaks: Sage Publications. P. 879–892; Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 23–145; Tamason C. From mortuary to cemetery: funeral riots and funeral demonstrations in Lille, 1779–1870. P. 15–31;

Комплекс этих работ объясняет темпоральные особенности формирования института похоронного дела через вписывание в более масштабные социальные процессы. Подобный взгляд позволяет увидеть специфику трансформации и самих похоронных ритуалов, уже как институционального продукта похоронной индустрии (как социально-экономического феномена), а не смены «ментальностей» или последствия экзистенциального «страха смерти».

Данный подход раскрывает историко-экономический контекст формирования похоронного дела в Европе и США в XIX веке. Важными составляющими контекста можно считать изначальную низкую маржинальность похоронной продукции, острую конкуренцию между агентами и постоянный ограниченный спрос, которые заставляют похоронных агентов многократно поднимать стоимость аксессуаров и атрибутов<sup>56</sup>. Подобная специфика отношений создает в XIX веке расширенную систему похоронной инфраструктуры, в

---

Strocchia S. T. *Death and ritual in renaissance Florence*. The Johns Hopkins University Press, 1992. 336 p.; Rugg J. *From Reason to Regulation: 1760–1850*. P. 202–249; Mytum H. *Op. cit.* P. 801–809; Laderman G. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*; Laqueur T. *Op. cit.*; Kselman T. *Op. cit.*; Korpiola M., Lahtinen A. *Cultures Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe*. Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2015. 272 p.; Harding V. *The Dead and the Living in Paris and London, 1500–1670*. Cambridge University Press, 2002. 360 p.; *Grave Matters: Death and Dying in Dublin, 1500 to the Present* / Eds. L. M. Griffith, C. Wallace. Four Courts Press, 2016. 252 p.; Ahren E. *Death, Modernity, and the Body: Sweden 1870–1940*. Rochester Studies in Medical History. Rochester, N.Y.: University of Rochester Press, 2009. 215 p.

<sup>56</sup> У нас нет достаточных данных для того, чтобы объективно судить о прибыльности бизнеса изготовителей гробов и сопутствующих аксессуаров, а также о темпах развития и профессионализации отрасли. Однако из некоторых дошедших до нас документов мы можем сделать вывод, что похоронное ремесло было не самым выгодным. Так, похороны в XVIII-XIX веках приносили около 30% прибыли от их общей стоимости, при этом сама сфера оставалась крайне высоко конкурентной. Например, в конце XVII века в Амстердаме количество частных гробовщиков/могильщиков насчитывалось около 300, мы так же знаем об уровне смертности в это время. Клар Гиттингс делает из этих цифр вывод, что около 300 предпринимателей конкурирует приблизительно за 5 тысяч похорон в год. То есть на каждого похоронного дельца в год приходится не более чем 15–20 похорон, включая даже низкомаржинальные услуги (например, исходя из записных книг гробовых мастеров, большинство похорон являлись похоронами представителей низших социальных слоев, при которых заказывался только гроб). Это позволяет сделать вывод о невысоком экономической целесообразности данного ремесла, что подтверждается и нотариальным описанием имущества гробовщиков. См.: Gittings C. *Death, Burial and the Individual in Early Modern England*. Routledge, 1984. 269 p.; Harding V. *The Dead and the Living in Paris and London, 1500–1670*. Cambridge University Press, 2002. 360 p.

которую встраиваются кладбища<sup>57</sup>, фабрики и заводы похоронных аксессуаров.

Инфраструктуризация похоронного дела становится инструментом увеличения коммерческих предложений похоронных компаний. Похоронные компании получают возможность предлагать к покупке не только гроб, но и множество сопряженных услуг – от услуги по уходу за могилой до бальзамации и специализированного транспорта<sup>58</sup>.

Инфраструктуризация похоронного дела приводит и к формированию специфической потребительской корзины услуг и товаров. Например, Гарри Ладерман показывает, что рождение американского «похоронного дома» (funeral home)<sup>59</sup> обязано попытке снизить издержки в похоронных услугах и перевозке мертвого тела, а также процессу кластеризации (объединению) инфраструктуры в рамках одного крупного объекта. Ладерман также показывает, как сосредоточение всех похоронных услуг в одном месте приводит к развитию специфических американских ритуальных практик, таких как прощание с телом в открытом гробу, активное внедрение бальзамации и т.д.<sup>60</sup>.

Работы культурных антропологов также показывают, что усложнение структуры похоронного дела и активное вмешательство государства в XIX веке приводит к формированию различных институциональных моделей и вариаций похоронного дела. Если до начала XIX века похороны в разных европейских

---

<sup>57</sup> В большинстве европейских стран с XVIII века начинается перенос кладбищ за городскую черту. См.: Mytum H. *Op. cit.* P. 801–809; Goody J., Poppi C. *Flowers and bones: Approaches to the dead in Anglo and Italian // Comparative Studies in Society and History.* 1994. Vol. 36, Issue 1. P. 146–175; Queiroz F., Rugg J. *The development of cemeteries in Portugal, 1755 – 1870 // Mortality.* 2003. Vol. 8. P. 113–128.

<sup>58</sup> В XIX веке, в процесс инфраструктуризации похоронного бизнеса вовлекаются ранее не существовавшие морги, залы прощания, катафальный транспорт, комнаты бальзамации. См.: *Grave Matters: Death and Dying in Dublin...*; Gittings C. *Death, Burial and the Individual in Early Modern England.* Routledge, 1984. 269 p.; Brown-May A., Cooke S. *Death, Decency and the Dead-House: The City Morgue in Colonial Melbourne // Journal of the Public Record Office of Victoria,* 2004; Fisher P. *Houses for the Dead: The Provision of Mortuaries in London, 1843–1889 // The London Journal.* 2009. Vol. 34, No. 1, March. P. 1–15

<sup>59</sup> Похоронный дом — это уникальный инфраструктурный объект, в рамках которого располагается похоронное бюро, катафалки, комната прощания, комната бальзамации, часовня, салон продажи похоронных атрибутов и так далее.

<sup>60</sup> Laderman G. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*

странах практически не администрировались, то постепенно похоронные рынки приобретают отличный друг от друга институциональный дизайн – в зависимости от того, как именно государство вмешивается в похоронное дело, ограничивая те или иные возможности создания инфраструктуры<sup>61</sup>.

Таким образом, исследователи наглядно показывают, что инфраструктура является неотъемлемой частью формирования похоронного дела, как феномена модерна. В этом ключе, инфраструктура похоронного дела выступает как фактор, оказывающий активное влияние на социальный процесс, создавая рамки возможностей для исполнения ритуальных практик и являясь необходимым экономическим ресурсом. Ограничения или же стратегии поддержки инфраструктуры похоронной индустрии производят разные институциональные модели похоронной индустрии.

Но какие модели и как они функционируют в современном мире? На это дают ответы уже исследователи современного похоронного дела.

(2) **Управленческий подход** осуществляется в нескольких ключевых направлениях. Первый из них характеризуется в рамках изучения функционирования муниципальной власти, при этом объяснения включают широкий круг вопросов - социальной структуры или феномена власти. Это работы Д. Акеля, О. Балкана, К. Монте, Д. Фус, Т. Блайак, Д. Харрингтон, К.

---

<sup>61</sup> Эдвин Чадвик, один из общественных деятелей XIX столетия, сравнивает похоронный рынок Лондона с рынками погребальных услуг во Франции, Германии и даже в Бостоне и делает полезные для нашего исследования выводы. Например, он отмечает, что в Бостоне реализуется практика лицензирования всех работающих гробовщиков и контроль со стороны местных властей, и это положительно влияет на рынок: в городе работает только необходимое количество специалистов, поэтому цены в несколько раз ниже, чем в Лондоне, где предложение в несколько раз превышает спрос. Во Франкфурте похоронные услуги защищены обязательствами государства, которое гарантирует каждому гражданину место на кладбище. В Берлине, согласно данным Чадвика, местные городские власти ограничивают рынок, выбирая ключевых поставщиков для осуществления похоронной деятельности, по крайней мере, там, где это касается социальных обязательств города. Чадвик рассматривает регулирование похоронной сферы как безусловное преимущество. Chadwick E. Report on the Result of a Special Inquiry into the Practice of Interment in Towns [the “Burials Report”], London, 1843. 48 p. URL: <https://archive.org/details/reportonsanitary00chaduoft> (дата обращения: 12.05.2017).

Крынски, С. Коппа и так далее<sup>62</sup>. В центре изучения данных работ находится регулирование рынка ритуальных услуг в разных странах.

Согласно выводам исследователей, продукты и услуги похоронных компаний напрямую зависят от рамки возможностей, которая формируется на базе инфраструктуры и ее регулирования. Например, как утверждает Давид Харрингтон, предписание иметь комнаты для бальзамации в определенных американских штатах прямо влияет на уровень кремации в этих же штатах – похоронным домам не выгодно продавать кремацию, так как нужно окупать затраты на инфраструктуру<sup>63</sup>.

В рамках данных работ, услуги, предлагаемые похоронными компаниями и проблемы рынка ритуальных услуг, рассматриваются не как следствие недостаточного (или неправильного) регулирования, а как вполне устоявшаяся практика и структурная особенность в рамках сложившихся институциональных моделей.

(3) **Инфраструктурный подход.** Часть работ акцентирует внимание на социальных практиках, характерных для тех или иных институциональных моделей похоронной индустрии<sup>64</sup>. Здесь стоит сказать об уже ранее упомянутой французской исследовательнице Паскаль Тромпетт, которая долгое время исследовала историю и развитие рынка ритуальных услуг во Франции<sup>65</sup>. Тромпетт пыталась анализировать похоронное дело с учетом ретроспективного опыта формирования данного рынка. Она отмечает, что модель французского похоронного дела обязана долговременной борьбе между муниципалитетами,

---

<sup>62</sup> Balkan O. Op. cit. P. 132-147; Blayac T., Bougette P., Montet C. Op. cit.; Chevalier J. Morton F. State Casket Sales and Restrictions: A Pointless Undertaking?; Foos D. Op. cit.; Harrington D., Krynski K. Op. cit. P. 199–225; Harrington D. Op. cit. P. 201–216; Kopp S., Kemp E. Op. cit. P. 150–173.

<sup>63</sup> Harrington D., Krynski K. Op. cit.. P. 199–225; Harrington D. Op. cit. P. 201–216

<sup>64</sup> Mayer R. G. Op. cit. P. 589–606. Suzuki Hikaru. Op. cit.; Smith R. G. E. Op. cit.; Seale C. Op. cit.; Sanders George. 'Late' Capital: Amusement and Contradiction in the Contemporary Funeral Industry. P. 447–470; Idem. Branding in the American Funeral Industry. P. 263–282. Yamada S. Op. cit. P. 27–41; Whyte M. K. Op. cit. P. 289–316.

<sup>65</sup> Trompette P. Political Exchanges in the French Funeral Market. P. 3–35; Idem. The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation. P. 370–385. Trompette P., Lemonnier M. Op. cit. P. 9–30.

центральной властью и церковью за право создания и развития похоронной инфраструктуры. В результате этой борьбы была выработана концессионная модель, которая строго регламентирует количество похоронных агентств в каждом муниципалитете, а также качество и стоимость услуг. Однако самое важное – приводит к появлению определенных похоронных ритуалов на базе вариаций инфраструктуры.

Британский исследователь Тони Уолтер попытался систематизировать и классифицировать похоронную индустрию в разных странах<sup>66</sup>. В своих работах Уолтер делает вывод о структурном влиянии нормативных ограничений на типы похоронной индустрии и о связи объектов инфраструктуры с возможностями для продвижения тех или иных похоронных товаров. Например, поздняя урбанизация и успешный проект национального строительства в скандинавских странах привели к слабому развитию сопутствующих услуг в похоронном деле, а американский подход, наоборот, отличается весьма разветвлённой сетью похоронных агентов, что обязано широкими возможностями к консолидации и объединению акторов.

Суммируя наблюдения западных исследователей, можно утверждать, что принципы функционирования похоронной инфраструктуры оказывают ярко выраженный социальный эффект и приводят к формированию устойчивых социальных практик между акторами похоронного дела.

**(4) Управленческий подход в российской академической среде.** В сравнении с подобными успехами западного исследовательского сообщества, русскоязычные исследования похоронной индустрии весьма немногочисленны и не столь выразительны в своих выводах. В русскоязычной исследовательской среде исследования похоронного дела, как правило, связаны с управленческим подходом, что уже отмечалось во введении. Этот подход нашел отражение в

---

<sup>66</sup> Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West. P. 73–192. Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 23–145.

работах М. Годуна, Т. Зульфугарзаде, С. Рожкова, Р. Грачева, Г. Сюткина и некоторых других<sup>67</sup>.

В подобных исследованиях похоронная отрасль определяется как хозяйственный субъект государственного регулирования, поэтому центральным объектом становится законодательство. По мнению исследователей, причина всех проблем похоронного дела кроется в противоречивости формулировок нормативных актов, расхождении в интерпретации одних и тех же терминов, а также высоком коррупционном потенциале местных муниципальных законодательных актов.

Однако здесь выявляется парадоксальность используемых выводов и инструментов со стороны исследователей, применяющих данный подход. Так, если западные исследователи выступают как сторонние наблюдатели и пытаются понять, что лежит в основе поведения агентов похоронной сферы – как потребителей, так и продавцов, - то российские исследователи скорее служат проводником государственной управленческой политики (или частного бизнеса) в целях повышения прозрачности отношений в похоронном деле.

**(5) Институциональный подход в российской академической среде.** Другой слабостью подхода является интерпретация рынка ритуальных услуг исключительно как регулируемой хозяйственной деятельности, а не как самобытной социально-экономической структуры со своей историей и устоявшимися практиками, имеющий также и символическую сторону. В результате это приводит к тому, что любые структурные проблемы рассматриваются исключительно как попытки агентов рынка воспользоваться

---

<sup>67</sup> Абелев М. Ю., Рожков С. В., Зульфугарзаде Т. Э. Указ. соч. С. 137–140. Грачев Р. Гражданско-правовое регулирование рынка ритуальных услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2012. 25 с.; Баранский Я. Новые подходы к профессиональной подготовке специалистов для похоронной сферы // Похоронный дом. 2007. № 1–2. URL: <http://www.funeralportal.ru/article.php?ObjectId=482> (Дата обращения: 15.11.2017); Черинко Е. Д. Указ. соч.; Сюткин Г. Н. Основы ритуально-похоронного дела...; Его же. Организация ритуально-похоронного дела; Его же. Ритуально-похоронные услуги...

несовершенством закона. Подобный взгляд неспособен объяснить логику неформальных практик и показать взгляд на проблему «изнутри»<sup>68</sup>.

Небольшим блоком исследовательских работ о функционировании рынка ритуальных услуг являются редкие работы социологов, также уже упомянутые во введении диссертации. Среди них первично можно выделить статьи Елютиной М.А. и Филипповой С.В.<sup>69</sup>, Разумовой И.А. и Барабановой Л. А.<sup>70</sup>, а также диссертацию Е. Моисеевой «Экономико-социологический анализ рынка ритуальных услуг в России» (2013)<sup>71</sup>. Моисеевой удалось провести большую работу и выявить основные характеристики рынка ритуальных услуг, содержательно описав несколько кейсов и сравнив их между собой.

Однако данные работы сконцентрированы на исследованиях коммерциализации ритуала, пытаясь объяснить сложности и проблемы похоронного дела его неоднозначностью, табуированием, закрытостью рынка и многими другими тяжело поддающимися верификации аспектам ритуальной деятельности человека.

**Подводя итог обзору исследований** похоронного дела, можно заключить следующее:

**Во-первых**, похоронное дело в российской академической среде в настоящее время не концептуализировано: не выявлены его основные характеристики, не описаны ключевые отличия от зарубежных аналогов, не предложен развитый язык аналитического описания. Существующие фрагментарные описания не складываются в комплексное видение феномена. Отсутствие комплексного видения затрудняет и научное исследование похоронного дела, и выработку практических решений в данной области.

**В то же время** исследователи западных моделей похоронной индустрии довольно убедительно показывают, что характер связей акторов похоронного

---

<sup>68</sup> Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview // The European Electronic Newsletter «Economic Sociology». 2012. Vol. 13 (2). P. 4–12.

<sup>69</sup> Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство для социальной стратификации. С. 80–96; Елютина М. Э., Филиппова С. В. Указ. соч. С.298-312

<sup>70</sup> Разумова И. А., Барабанова Л. А. Указ. соч.

<sup>71</sup> Моисеева Е.Н. Указ. соч.

дела является продуктом особенностей конфигурации инфраструктуры. Западные коллеги также показали, что исследование похоронного дела как института возможно только в рамках комплексного подхода, позволяющего зафиксировать многомерность и многозначность похоронного дела как особой формы деятельности человека.

Однако **главной слабостью** подобного взгляда является отсутствие научного знания о том, **каким образом состояние и принципы работы инфраструктуры** похоронного дела влияют на практики взаимоотношений между акторами.

Именно это позволяет сделать вывод о необходимости более детального рассмотрения особой роли инфраструктуры в рамках формирования института похоронного дела в современной России. Данная задача требует концептуализировать похоронное дело и его инфраструктуру как объект именно социологического исследования.

Собственно, **мы можем определить похороны как социальное действие**, в ходе которого осуществляется взаимодействие различных акторов, главная цель которого — это осуществление похорон. Реализация данной деятельности невозможна без использования специальной инфраструктуры: такой, как морги и трупохранилища, катафальный транспорт, место и способ захоронения. В качестве групп акторов следует выделить:

- частный бизнес (или коммерческие акторы похоронного дела), который осуществляет процедуру захоронения и предоставляет ритуальные услуги;
- государство, в том или ином представительстве, как законодательного и регулирующего актора;
- потребителей (родственников умершего человека)

Следующий логичный шаг концептуализации – выявить связи между данными акторами, для того чтобы позднее уже выявить возможную роль инфраструктуры<sup>72</sup>.

Решение этой проблемы предложил Тони Уолтер<sup>73</sup>. По его мнению, на то, как будут организованы связи между группами акторов похоронного дела в конкретной стране/регионе и каковы будут его функции, в основном влияют два фактора: местное ограничивающее законодательство и возможность создавать и поддерживать частным компаниям собственную похоронную инфраструктуру.

(1) **Местное ограничивающее законодательство.** Оно предписывает не только нормы регулирования похоронной сферы, но и оказывает влияние на характер услуг, их стоимость и модели конкуренции. Например, Дэвид Харрингтон и Джарет Требер продемонстрировали, как разрешение/запрет на частное кладбище в бизнес-структуре похоронных домов приводит к росту/снижению стоимости услуг в различных штатах. Если власти штата в рамках борьбы с монополиями запрещают похоронным домам иметь еще и свое кладбище – растут издержки и, следовательно, цены услуг. Исследователи говорят о пользе укрупнения похоронных домов. Тот же Дэвид Харрингтон и Кристофер Крынски говорят о связи комнат для бальзамации и уровня кремации в штатах<sup>74</sup>. Даниэль Саттер с коллегами, в дополнение к этому, показал, каким образом регулирование онлайн-торговли гробами приводит к недобросовестной конкуренции и навязыванию дополнительных услуг. Согласно его наблюдениям – запрет на онлайн-торговлю гробами приводит к снижению конкуренции между похоронными домами за эту услугу и к падению ее качества<sup>75</sup>.

---

<sup>72</sup> Например, будет ли это похоронный дом (funeral home), то есть автономное учреждение со своим моргом и залом прощания или только посредническое похоронное агентство, которое только продает перекупленные гробы.

<sup>73</sup> Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West. P. 73–192. Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 23–145.

<sup>74</sup> Harrington D., Treber J. Cemeteries and Mortuaries: Better Together or Apart? // Regulation. Winter 2012–2013. P. 40–52; Harrington D., Krynski K. Op. cit. P. 199–225. Harrington D. Op. cit. P. 201–216.

<sup>75</sup> Sutter D. Casket Sales Restrictions and the Funeral Market // JL Econ. & Policy, 2006–2007. Vol. 3. P. 219–224.

Поэтому справедливо будет подчеркнуть, что нормативные ограничения со стороны государства приводят к формированию разных услуг и влияют на их качество.

2) **Возможность частных компаний создавать и поддерживать собственную похоронную инфраструктуру.** Прежде всего – частные морги, кладбища и крематории. На протяжении XX века вместе с процессом медиализации этот фактор становится определяющим – отныне мертвое тело практически всегда хранится в морге до момента похорон. Агенты похоронного рынка в XX веке, в целях минимизации затрат, стараются предоставлять все похоронные услуги разом – произвести гроб, бальзамировать тело, предоставить катафалк и крематорий или кладбище в рамках одного похоронного агентства. Джероми Саломоне называет этот процесс «кластеризацией»<sup>76</sup>. Акторы похоронного рынка стремятся не конфликтовать друг с другом, а вступать во взаимовыгодные отношения, чтобы снижать издержки.

На основе этих факторов, Тони Уолтер выделяет несколько нормативных моделей:

1. **Частная модель.** В рамках данной модели у похоронного бизнеса имеются практически безграничные возможности создавать и развивать собственную инфраструктуру: морги, похоронные дома, залы прощания, и даже кладбища. Частный бизнес может также строить крематории, колумбарии и парки памяти. В пределах похоронного дома могут одновременно функционировать комнаты бальзамирования, траурный зал, небольшая часовня, комната хранения тел<sup>77</sup>.

---

<sup>76</sup> Salomone J. J. Op. cit. P. 576–581.

<sup>77</sup> Часть бизнеса многих похоронных домов (как в США, так и во всем мире) принадлежит крупной корпорации SCI (Service Corporation International). Она была основана в 1962 году, когда местный похоронный директор и владелец маленького морга в Хьюстоне Роберт Уолтрип организовал сеть из 4 похоронных домов. Он заметил, что можно снизить издержки, если нескольким похоронным домам пользоваться услугами одного бухгалтера, обмениваться катафалками, получить скидки на закупку гробов и т.д. Сейчас SCI контролирует (или объединяет) около 3000 похоронных домов, 160 крематориев и 500 кладбищ в США, и еще 250 в Австралии, Пуэрто-Рико и некоторых странах Европы. В SCI трудится около 30 тысяч человек. То есть в рамках одной крупной институции сотрудничают и похоронные менеджеры, и производители ритуальных принадлежностей.

Частная модель похоронного рынка привела к широкому развитию бальзамирования и техник косметического ухода за телом — в центре похоронного процесса оказывается тело и его внешний вид. Похоронные компании вместе с правом на собственную инфраструктуру получили, по сути, и монопольное право на тело, манипуляции с которым превратили в профессиональное знание. Американской модели обязано жизнью и широкое распространение дорогих катафалков и шикарных гробов. Инфраструктура создала ритуальную практику.

**2. Церковная модель.** В рамках данной модели кладбища находятся под административным управлением местной церковной общины. Эта модель распространена в Скандинавских странах: граждане платят в течение жизни налог на нужды местной церковной общины (иногда и отдельный похоронный налог, как в случае с Финляндией). Из этих денег после смерти оплачиваются все необходимые для похорон услуги — то есть арендуется место на кладбище, организовывается церемония прощания, поминальный ужин и т. д. По сути, похоронные услуги покрываются почти полностью самой церковью за счет прижизненного налога. Дополнительно оплачиваются государством услуги государственного морга.

Это привело к тому, что похоронные компании достаточно сильно ограничены в возможностях и поэтому крайне слабо развиты. В типичные услуги похоронного агентства входит заказ билетов для родственников, поиск и бронирование гостиниц для гостей, встреча их в аэропорту, кейтеринг продуктов и похоронная логистика, флористика, организация онлайн-трансляции прощания.

В отличие от США, скандинавские похоронные компании вообще не имеют дела с мертвым телом — они не участвуют ни в его перевозке, ни в хранении, ни в захоронении. Анна Бремборг прямо называет похоронный рынок Швеции “*professionalization without dead bodies*” — буквально «профессионализация в отсутствие мертвых тел»<sup>78</sup>.

---

<sup>78</sup> Bremborg A. Op. cit. P. 270–285

**3. Государственная модель.** В рамках данной модели инфраструктура похоронной индустрии главным образом принадлежит государству и местным муниципалитетам. По мнению Т. Уолтера, к числу таких стран относится Германия, Италия и особенно Франция.

Согласно этой модели, похоронное дело находится практически под контролем местных муниципалитетов, которые локально регулируют похоронную сферу, отвечают за содержание и развитие кладбищ. Частные похоронные компании предлагают только услуги катафалка, ритуальные принадлежности, услуги обслуживания кладбищ.

Подобные инфраструктурные ограничения в рамках государственной модели приводят к тому, что активно развиваются альтернативные предложения, связанные с кремацией или альтернативной инфраструктурой<sup>79</sup>.

**4. Смешанные модели.** Для Великобритании и некоторых стран Европы характерна смешанная модель, когда объекты похоронной инфраструктуры как находятся под ведомством муниципалитетов, так и принадлежат частному бизнесу. Например, крематории могут быть частные, а могут принадлежать местным органам власти.

Англия является отличным примером смешанной модели. Как правило, частная похоронная компания забирает тело умершего в государственный морг, затем отпевает и либо хоронит на церковном англиканском кладбище, либо кремирует в муниципальном или частном крематории. Как отмечает Тони Уолтер, английская смешанная модель одновременно и секулярная, и религиозная, и частная, и муниципальная.

---

<sup>79</sup> Например, *chambres funéraires* – просторные залы, в которых тело может находиться несколько дней (даже не в гробу, а прямо в постели), в течение которых родственники прощаются с покойным. В *chambres funéraires* имеется все необходимое для проживания близких родственников умершего. В таких комнатах есть аудио- и видеосистемы, душевые и гостинные комнаты и даже маленькие кухни. См.: Vlayac T., Bougette P., Montet C. Op. cit.; Серьезные проблемы развития подобной модели стали очевидны для многих государств в последние десятилетия. Как отмечают эксперты, эта модель меняется в сторону первого типа — частного. Причем повсеместно — как в Германии, так и во Франции. Среди главных объектов критики — отсутствие гибкого подхода к клиентам и чрезмерная бюрократизация.

Однако, в этих данных построениях есть **два существенных допущения**, которые **мешают концептуализировать** роль инфраструктуры и применить это для эмпирического материала диссертационного исследования:

(1) Уолтер отсылает не просто к идеальным типам, а к нормативному их виду, априори подразумевая, что все они реализуются в рамках работающего закона. Соответственно игроки похоронного рынка всегда следуют за институциональными ограничениями. Уолтер считает, что, например, запрет на открытие моргов не приводит к появлению их теневых аналогов. Таким образом, рассматриваются только легальные практики, исключая латентные и неформальные, которые потенциально могут оказаться гораздо важнее представленных моделей.

(2) Предполагается, что проблемы в работе инфраструктуры должны приводить к формированию альтернативных инфраструктурных объектов (а значит и похоронных услуг), как, например, в случае с французскими моргами и комнатами долгого прощания.

Тем не менее, очевидно, что проблемы в функционировании инфраструктуры могут приводить и к другим последствиям, не приводящим к альтернативам, иначе бы мы видели подобные решения в российском случае.

Таким образом, делая обобщения, можно сказать, что в рамках представленных исследований достаточно убедительно показано, что инфраструктура играет структурообразующую роль в похоронном деле. Однако, представленные модели не позволяют нам концептуализировать и операционализировать роль различных проблем функционирования инфраструктуры, как в российском случае. Это является главным упущением представленных подходов.

Для того, чтобы ответить на вопрос диссертационного исследования и выявить социальный эффект сбоя инфраструктуры похоронного дела, необходимо концептуализировать инфраструктуру и ее техническое состояние, как социального актора и перевести на язык социальной теории.

### 1.3. Концептуализация инфраструктуры похоронного дела и принципов ее работы как социологических категорий

Каким образом инфраструктуру и принципы ее работы можно концептуализировать как объекты социологического исследования в исследовании похоронного дела?

Собственно, особый взгляд на инфраструктуру, как объект социологического исследования, вырастает из общей и достаточно укорененной ориентированности антропологии и качественной социологии на материальные объекты как воплощение социальных и символических идей исследуемого сообщества. Материальные объекты исследуются, прежде всего, в рамках изучения сообществ - в археологии, истории, культурной антропологии. Например, в теории дарообмена М. Мосса, именно материальные предметы дара выступают объектами исследования<sup>80</sup>.

Даниэль Миллер полагает, что интерес к материальным артефактам в социальных науках опирается на широкий круг европейской мысли — теорию власти М. Фуко, работы о технологии Б. Латура, работы о философии культуры Г. Зиммеля, теорию практики П. Бурдьё, идею материальности практики К. Маркса, феноменологию М. Мерло-Понти, идею действенности искусства А. Гелла<sup>81</sup>. Виктор Вахштайн полагает, что ранние разработки материальности можно обнаружить в работах таких социологов как П. Бурдьё, И. Гофман, Э. Гидденс, Т. Хэгерstrand и Г. Гарфинкеля<sup>82</sup>. О роли и смысле вещей говорит и Г. Блумер в цикле статей о символическом интеракционизме<sup>83</sup>. Материальная культура является и одним из ключевых концептов в марксизме, в котором она понимается как продукт экономических и властных отношений в дихотомической паре «базис – надстройка». Ориентация на материальность проявляется и в работах классиков

<sup>80</sup> Мосс М. Опыт о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. С. 134-286

<sup>81</sup> Miller D. Materiality: An Introduction // Materiality. Durham: Duke University Press, 2005. P. 1-51

<sup>82</sup> Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории. С. 94-115.

<sup>83</sup> Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.

антропологии, таких как М. Дуглас, исследующей представления о чистоте и запретах; и в работах историка И. Копытоффа, разрабатывающего в рамках нового исторического подхода концепцию «биографии вещей»<sup>84</sup>. Таким образом, материальные объекты, в той или иной степени, присутствуют в гуманитарных науках, в том числе и социологии, достаточно давно.

Однако новый и отчасти более глубокий исследовательский интерес материальность получает, начиная с конца 1970-ых годов, с так называемого «онтологического поворота» или «материального поворота». За почти полувековой период особая роль материальности попадает в объектив десятка самых различных направлений исследований - начиная от темных онтологий, акторно-сетевой теории, исследования тела и заканчивая non-human studies и объектно-ориентированной онтологией<sup>85</sup>.

Одним из ключевых утверждений для этой парадигмы является особое внимание к технической стороне социальной жизни, которое позволяет увидеть переплетение материальных и нематериальных объектов при организации социального действия<sup>86</sup>. Несмотря на множество различий и противоречий, существующих между ключевыми концепциями «нового взгляда» на материальность и социальное (например, между философией Г. Хармана и, например, постоянно меняющимися взглядами Б. Латура), можно утверждать некоторые стратегические принципы, которые их объединяют и имеют значение для данной диссертационной работы. Так - материальные объекты обладают метакоммуникативной функцией, а значит, могут конституировать различные

---

<sup>84</sup> Kopytoff I. The cultural biography of things: commoditization as process // The social life of things. Commodities in cultural perspective / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64-92; Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. под ред. С.П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц., 2000. 286 с.

<sup>85</sup> Вахштайн В. Социология вещей и "поворот к материальному" в социальной теории // Социология вещей / ред. В.С. Вахштайн. М.: Издательский дом "Территория будущего", 2006. С. 7-43; Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 311 p.

<sup>86</sup> Larkin B. Op. cit. P. 327–343; Angelo H., Hentschel C. Op. cit. P. 306–312.

режимы взаимодействия акторов в самых различных ситуациях<sup>87</sup>. Материальные объекты могут связывать/разрывать (mode of entangling / disentangling) различные интеракции, а значит, они могут создавать и влиять на социальные интеракции<sup>88</sup>.

В рамках поставленного исследовательского вопроса для нас не имеет значения степень сложности споров между различными взглядами на материальность и социальное, так как в центре исследования находятся не сами объекты, как онтологии, а их социальное осмысление различными акторами. Поэтому для нас имеет значение только базовая аксиома / принцип того, что материальные объекты учитываются при организации социального действия.

Переходя непосредственно к инфраструктуре, можно отметить, что как область изучения она была открыта социальными исследователями около четверти века назад. За это время инфраструктура успела стать серьезным направлением исследований, о чем свидетельствует большое число тематических публикаций, конференций, а также отдельный выпуск журнала «Cultural Anthropology» в 2015 г<sup>89</sup>.

Инфраструктурный подход быстро нашел применение во многих исследованиях. Так, социологам и антропологам с помощью этнографического метода довольно успешно удалось показать, например, как строительство автомобильной дороги способно изменить жизнь целого города<sup>90</sup>; как развитие электролиний сыграло ключевую роль в создании национальных государств<sup>91</sup>; как появление метро и железной дороги привело к рождению нового типа городского

---

<sup>87</sup> Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.

<sup>88</sup> Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. L.: Routledge, 2004. 188 p.; Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение Том 4. № 1. 2005. С. 94-115.

<sup>89</sup> Infrastructure // Cultural Anthropology 2015. URL: [https://culanth.org/curated\\_collections/11-infrastructure](https://culanth.org/curated_collections/11-infrastructure) (Дата обращения: 12.02.2017)

<sup>90</sup> Harvey P., Knox H., *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015, 203 p.; Hughes T. P. *The Evolution of Large Technological Systems // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* / Eds. Bijker W. E., Hughes T. P., Pinch T. J. . Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 51–82

<sup>91</sup> Bear L. *Lines of the Nation: Indian Railway Workers, Bureaucracy, and the Intimate Historical Self*. New York: Columbia Univ. Press. 2007.

жителя — пассажира<sup>92</sup> и многое другое<sup>93</sup>. Приведенные ранее исследования похоронного дела также достаточно иллюстративно показывают, что инфраструктура имеет влияние на то, как будет выглядеть процесс похорон.

По мнению Брайна Ларкина, инфраструктура способна помочь увидеть властные механизмы контроля и подавления, так как представляет собой техническое воплощение идеи «политического». Ларкин полагает, что мы должны задаться вопросом — как, кто и при каких условиях может пользоваться инфраструктурой, как общественным благом<sup>94</sup>? Этот взгляд нашел применение в целом ряде работ, например, о связи биополитики и трубопровода в Индии<sup>95</sup>, о роли дороги в рыночных отношениях в постсоциалистических странах и др<sup>96</sup>. Инфраструктура — это совокупность технологий, воплощенных в объектах и воплощающая идею «общего блага»<sup>97</sup>.

Можно говорить, что в настоящее время существуют, как минимум, два основных подхода к исследованию инфраструктуры: антропологический (Н. Ананд, П. Харви и Н. Нокс, Т. Хьюджес)<sup>98</sup> и в рамках социальных исследований и философии технологий (STS) (П. Эдвардс, С. Хампфри)<sup>99</sup>. Строгое размежевание этих подходов весьма условно, поскольку они разделяют ряд базовых принципов,

---

<sup>92</sup> Huhne S. The Birth of the Urban Passenger: Infrastructural Subjectivity and the Opening of the New York City Subway // *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 2015, vol. 19, no. 2–3, P. 313–321.

<sup>93</sup> Appel H. C. Walls and white elephants: oil extraction, responsibility, and infrastructural violence in Equatorial Guinea // *Ethnography*. 2012. Vol. 13. P. 439–65; Carse A. Nature as infrastructure: making and managing the Panama Canal watershed // *Soc. Stud. Sci.* 2012. Vol. 42 (4). P. 539–63; Humphrey C. Ideology in infrastructure: architecture and Soviet imagination // *J. R. Anthropol. Inst.* 2005. Vol. 11(1). P. 39–58

<sup>94</sup> Larkin B. *Op. cit.* P. 327–343.

<sup>95</sup> Anand N. Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai // *Cultural Anthropology*, 2011, vol. 26. no. 4. P. 542–564.

<sup>96</sup> Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility // *Mobilities*. 2012. vol. 7. no. 4. P. 459–465.

<sup>97</sup> Edwards P. *Op. cit.* P. 185–225; Как отмечает Олег Хархордин: «Запутанный клубок современных социотехнических проблем очень трудно разделить на социальные и технические элементы. Дело в том, что сегодня политика воплощена в самом устройстве технологий: например, политические решения начала XX века повлияли на организацию промышленной инфраструктуры». См.: Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. Указ. соч.

<sup>98</sup> Anand N. *Op. cit.* P. 542–564; Harvey P., Knox H. *Op. cit.*; Hughes T. P. *Op. cit.* P. 51–82.

<sup>99</sup> Humphrey C. *Op. cit.* P. 39–58; Edwards P. *Op. cit.* P. 185–225.

опираются на общий корпус текстов (в силу их немногочисленности), часто взаимодействуют друг с другом.

Основу данных подходов закладывает работа Сьюзан Стар об этнографии инфраструктуры, формулирующая базовые принципы фиксации участия подобных материальных объектов в социальной жизни сообщества<sup>100</sup>. Сама инфраструктура понимается ей как «система субстратов» - то есть в прямом смысле слова трубы, дороги, насосы, электролинии. Стар отмечает сложности исследования инфраструктуры, которая воспринимается как «черный ящик» - невидимая, существующая по умолчанию, материальная структура. Принципы, заложенные Стар, развивает в 2010 годах Нихил Ананд, чьи работы по исследованию трубопровода существенно дополняют идеи Стар<sup>101</sup>. В данных работах инфраструктура универсализируется и описывается как производное прагматической и технократической культуры, тем самым инфраструктуре отказывается в субъектности.

Третий подход, назовем его «гибридный» (Б. Ларкин, С. Трифт, Н. Грэхам)<sup>102</sup>, разделяется представителями различных предметных полей, использующих наработки этнографического и STS подхода для анализа конкретных состояний инфраструктуры в исследованиях культуры и сообществ, городских исследованиях и так далее. Для данного подхода знаковой является статья 2013 года Брайана Ларкина «Поэтика и политика инфраструктур»<sup>103</sup>. В этой работе представлен обзор локальных антропологических исследований, полемизирующих с текстами и подходами Стар и Ананда. Данная статья показывает последствия широких обобщений информации о принципах работы инфраструктур и провозглашает определенный релятивизм.

Можно утверждать, что новые работы наиболее продуктивны, так как характеризуются более тонким и сложным исследовательским регистром по отношению к принципам работы инфраструктуры в различных сообществах.

---

<sup>100</sup> Star S. L. Op. cit. P. 377-391

<sup>101</sup> Anand N., Op. cit. P. 542-564.

<sup>102</sup> Graham S., Thrift N. Op. cit.. P. 1-25.

<sup>103</sup> Larkin B. Op. cit. P. 327-343.

Например, Ян Чипчейз убедительно описал структуру «обществ ремонта», в которых осуществляется отличное от прагматического взгляда на мир, понимание рабочего / сломанного состояния материальных объектов<sup>104</sup>. Галина Орлова, Софья Чуйкина и Екатерина Герасимова, изучая советское общество и значение ремонтных практик для советской повседневности, также отмечают, что ремонт имел гораздо большее символическое и социальное значение, чем только рационализированное исправление технического состояния материального объекта<sup>105</sup>.

**Что дает использование инфраструктурного подхода для исследования похоронного дела?** Можно начать с того, что он позволяет рассматривать похоронное дело как социотехническую (инфраструктурную) сеть<sup>106</sup>. С одной стороны, это совокупность моргов, трупохранилищ, кладбищ, помещений для прощания с телом, катафального транспорта и т.п. С другой стороны, это индивиды и институциональные акторы, встроенные в сеть материальных артефактов и не действующие за ее границами. Это коммерческие агенты рынка ритуальных услуг, медсестры моргов, представители силовых структур, местных органов исполнительной власти. Схожие подходы в своих работах использовали Бриан Парсонс и Паскаль Тромпетт, исследуя локальные рынки ритуальных услуг, о значении инфраструктуры в формировании похоронной индустрии пишет Тони Уолтер и многие другие авторы<sup>107</sup>.

Наиболее продуктивным для исследования инфраструктуры похоронного дела мне видится использование как раз третьего, «гибридного» подхода. Дело в том, что онтология инфраструктуры как социотехнической сети не объясняет

---

<sup>104</sup> Chipchase J. Informal repair culture [Электронный ресурс] // Personal blog. 2016. URL: <http://janchipchase.com/content/presentations-and-downloads/informal-repair-cultures> (дата обращения: 12.05.2017).

<sup>105</sup> Герасимова Е., Чуйкина С. Указ. соч. С. 70–77; Орлова Г. Указ. соч.

<sup>106</sup> Callon M., Caliskan K. *New and Old Directions in the Anthropology of Markets*, N.Y.: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. 2005

<sup>107</sup> Walter T. *Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies*. P. 23–145; Trompette P. *The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation*. P. 370–385; Parsons B. *Yesterday, Today and Tomorrow. The Lifecycle of the UK Funeral Industry // Mortality*. 1999. Vol. 4 (2). P. 127–145.

полностью способы и правила ее функционирования. Стивен Грэхэм и Найджел Трифт, обращаясь к Хайдеггеру и развивая введенное им понятие «подручности», отмечают, что только в испорченном состоянии материальный объект переходит из состояния «подручности» в состояние «наличности», т.е. становится видимым в качестве объекта<sup>108</sup>.

Именно когда что-то выходит из строя, теряет свою привычную функциональность, мы получаем возможность увидеть роль объекта в социальных взаимоотношениях. При этом Грэхэм и Трифт полагают, что видимым объект делает даже не сама по себе поломка, а способы ее устранения. Собственно, процесс устранения подобных проблем и является социальным явлением, которое инфраструктура порождает сама по себе и которое в итоге попадает в поле зрения исследователя<sup>109</sup>. В рамках обозначенного предмета, объекта и проблемы исследования это значит, что устранение проблем в работе инфраструктурных объектов является изучаемой социальной практикой<sup>110</sup>.

Однако описания и фиксации подобных практик недостаточно для социологической интерпретации данных практик, их укорененности, оценивания самими участниками действия. Поэтому подобный инфраструктурный подход требует социологической адаптации, которая бы смогла объяснить укорененность данных практик, их нормализацию и институционализацию.

Таким образом, вышеобозначенная оптика позволяет зафиксировать следующие исследовательские категории:

**Похоронное дело:** социотехническая сеть, состоящая из инфраструктуры и людей, взаимодействие между которыми обеспечивает захоронение умершего человека. Похоронное дело не может функционировать без инфраструктуры.

**Инфраструктура похоронного дела:** объекты социальной инфраструктуры, участвующие в выполнении главной функции похоронного дела – захоронении умершего человека, без которых оно невозможно. В рамках

<sup>108</sup> Graham S., Thrift N. Op. cit. P. 1–25.

<sup>109</sup> Paradoxical infrastructures: Ruins, retrofit, and risk / C. Howe, J. Lockrem, H. Appel, E. Hackett, D. Boyer, R. Hall, ... // Science, Technology, & Human Values. Vol. 41 (3). P. 547-565

<sup>110</sup> Dant T. Op. cit. P. 1–22; Henke C. R. Op. cit. P. 55–81.

диссертационной работы к объектам похоронной инфраструктуры будут причислены только объекты материально-технической инфраструктуры, то есть такие объекты как зал прощания, место хранения мертвого тела (морг или трупохранилище), кладбище или крематорий, способ перевозки тела (катафальный транспорт), место прощания, место захоронения.

**Проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела:** невозможность или ограничение возможности осуществления захоронения человека. При этом необходимо учитывать, что именно акторы определяют свои ожидания от работы инфраструктуры, то есть проблемность носит эмический характер, а значит не является сконструированной категорией<sup>111</sup>.

**Институционализация похоронного дела:** процесс закрепления отношений между акторами похоронного дела в формальные и неформальные институты в виде различных документов, норм, правил и практик, знаний, а также ритуалов<sup>112</sup>.

Выбранная исследовательская оптика, а также поставленная проблема исследования, цели и задачи диссертационной работы позволяют определить дальнейшие шаги:

- 1) Проанализировать особенности формирования института похоронного дела в России и обозначить роль материально-технической инфраструктуры в этом процессе<sup>113</sup>;
- 2) Проанализировать нормативные особенности работы похоронного дела и устройства инфраструктуры в современной России и

---

<sup>111</sup> Поэтому я предлагаю рассматривать представления информантов и участников интеракций о функциональности объектов как отправную точку в определении рабочего/поломанного состояния.

<sup>112</sup> *«Институционализация имеет место там, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах».* См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

<sup>113</sup> Необходимость подобного исторического анализа институтов, помимо исследователей похоронного дела, отмечается и классиками институциональной теории. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 99

артикулировать основные ограничения реализации законодательных предписаний;

3) На основе эмпирического исследования описать процедуру организации и проведения захоронения человека<sup>114</sup> в современной России, выделить роль и основные особенности работы материально-технической инфраструктуры в этом процессе;

4) Выявить основные группы акторов, участвующие в процессе организации похорон, охарактеризовать их особенности и практики взаимодействия;

5) Описать основные стратегии исправления проблем в работе материально-технической инфраструктуры похоронного дела и обозначить значение выявленных стратегий в деятельности основных групп акторов.

---

<sup>114</sup> В рамках ритуала общегражданских или православных похорон, организуемых при участии родственников, как наиболее распространенных. Елютина М.А., Филиппова С.В. Указ. соч. С.298-307.

## **Глава 2. Материально-техническая инфраструктура на ранних этапах формирования института похоронного дела в России**

Анализ современного состояния инфраструктуры похоронного дела в России будет неполным без понимания особенностей его институционализации во временной перспективе - на подобную необходимость указывают ранее уже приводимые исследования похоронного дела в рамках инфраструктурного подхода. Рассмотрение процесса формирования похоронного дела необходимо в силу нескольких факторов:

а) **Контекст.** Исторический контекст позволяет выявить укорененность социальных практик, специфику работы и состояние инфраструктурных объектов, логику отдельных акторов в этом процессе и их закрепление в виде институтов. Исследователи инфраструктур особенно подчеркивают контекст в оформлении принципов работы инфраструктуры<sup>115</sup>.

б) **Модели институционализации.** Исследователи похоронного дела отмечают роль исторического процесса в институционализации похоронного дела. Среди факторов, укорененных в подобном историческом контексте – нормативные ограничения, влияние процесса секуляризации, урбанизации, социальной структуры<sup>116</sup>. В рамках различных моделей похоронного дела, представленных Уолтером, эти факторы уже были расписаны выше. Уолтер выделяет церковную модель, государственную модель, частную и смешанные модели. Данные модели формируются из принципа владения инфраструктурой, что создает их конфигурации, а также нормативных ограничений.

Возможность проследить переходы от одной модели к другой позволяет оценить процесс институционализации похоронного дела. Применяя данный принцип к российскому материалу, мы получаем возможность выявить причины

---

<sup>115</sup> Edwards P. Op. cit. P. 185-225; Необходимость подобного исторического анализа институтов, помимо исследователей похоронного дела, отмечается и классиками институциональной теории см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 99

<sup>116</sup> Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 23–145; Trompette P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation. P. 370–385; Parsons B. Op. cit. P. 127–145.

появления и укоренения сбоев в работе инфраструктуры похоронного дела, а также проследить нормализацию данного состояния в практиках.

Для анализа использовались данные из открытых источников, а также архивные данные Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива Московской области (РГАМО), изученные в рамках работы над проектом 7-78-10208 «Дефекты рынка ритуальных услуг как социокультурная угроза в современной России» 2017-2019 г. под руководством А. Соколовой.

### **2.1. Похоронное дело в Российской империи: церковно-государственная модель**

До конца XIX века похороны в России представляли собой слаборазвитое городское ремесло<sup>117</sup>, поэтому говорить о начале институционализации можно лишь применительно к поздней Российской империи (1890-1917 г.).

До Великой Октябрьской революции большая часть кладбищ управлялась церковью или местными религиозными/национальными общинами. Небольшие церковные кладбища были бесхозными, их благоустройством практически никто не занимался. Так, погосты не имели генерального плана создания и развития, дренажной системы, подъездной инфраструктуры и т.д. Исключение составляли только крупные некрополи больших городов, на которых хоронились представители аристократических семей. Подавляющее большинство мест захоронений, согласно терминологии Джулии Ругг, являлось именно погостами, а не городскими кладбищами<sup>118</sup>.

---

<sup>117</sup> Froianov I. I., Dvornichenko A. I., Krivosheev I. V. The introduction of Christianity in Russia and the pagan traditions // *Russian Traditional Culture* / Eds. Balzer M. M. Routledge, 2015. P. 3–15; Kaiser D.H. Death and dying in early modern Russia // *Major Problems in Early Modern Russian History* / Ed. Kollman N.S. Garland, London, 1992. P. 217–258; Vlasov V. G. The Christianization of the Russian peasants // *Russian Traditional Culture* / Ed. Balzar M. M. Sharpe, London, 1992. 320 p.

<sup>118</sup> Например, Джеймс Керл полагает, что кладбища — это «парки и другие открытые пространства, специально используемые для размещения умерших людей, но ни в коем случае не места культа, такие как церковные погосты». См.: Curl J. S. *A celebration of death* (2nd ed.). London: Batsford, 1993. 304 p.; О необходимости подобного разделения говорит и Джулия Ругг. См.: Rugg J. *Churchyard and cemetery*. P. 444.

В подобной бесхозности была своя организационная и культурная логика. Так, согласно церковному представлению о функциях захоронения, индивидуализация могил не требуется – мир находится в процессе скорого ожидания воскресения всех мертвых в результате Второго Пришествия. Поэтому сами захоронения достаточно быстро исчезали и сменяли друг друга; мемориальная культура была развита слабо, посещение кладбища не носило коммеморативную функцию<sup>119</sup>.

В сравнении с кладбищами, процедура захоронения была организована незначительно лучше. Похоронные практики также испытывали серьёзное влияние церкви и государственного церемониала. Так, были установлены чины погребения, по которым умершему полагался определенный набор действий и атрибутов – все согласно его статусу и сословию. Их исполнение весьма строго соблюдалось<sup>120</sup>. Продолжая вышесказанное - несмотря на то, что церковь администрировала кладбища и исполняла похоронный церемониал, возможности для похоронного ремесла все же существовали – прежде всего, это касалось производства и продажи гробов и похоронных аксессуаров<sup>121</sup>.

В начале первого десятилетия XX века похоронные бюро появляются практически во всех крупных городах Российской империи. Например, в городе Новониколаевске открывается похоронное бюро Г.Ю. Булышко. В конце 1910-х годов открывается «Общедоступное бюро похоронных процессий» А.К. Володина,

---

<sup>119</sup> Это подтверждается и описаниями провинциальных некрополей, составленными по велению великого князя Николая Михайловича. К сожалению, работа над «Русским провинциальным некрополем» была прервана Первой мировой войной. См.: Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» Великого князя Николая Михайловича. СПб.: Издательство: Дмитрий Буланин. 2012. ГАУО. Ф. 84. ОП. 1. Д. 1530. Л.6.

<sup>120</sup> Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи XVIII — начала XX века // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 200–207.

<sup>121</sup> Первые упоминания о гробовом ремесле в России относятся еще к XVII веку: «кладут мертвого в гроб. Таковые продаются у них открыто во многих частях города; они срублены из целых деревьев и различной величины», — сообщает один из путешественников, посетивших Московию XVII века. Мы можем заключить, что гробы являлись предметами активной торговли. К сожалению, более подробной информации о том, кто были первые гробовщики и как они зарабатывали, у нас нет. Дэвид Кайзер, опираясь на немногие архивные документы, полагает, что гробы делали плотники, столяры и мебельных дел мастера, как это было и в Европе. См.: Kaiser D.H. Op. cit.. P. 217–258..

которое расширяет объем услуг<sup>122</sup>. Похоронные бюро открывают в Киеве, Могилеве, южных городах Российской Империи, в Сибири.

Судя по редким архивным документам, похоронное дело развивается достаточно медленно и лишь к концу XIX века приобретает устоявшиеся формы небольшого городского ремесла. К моменту распада Российской империи, оно не успевает пройти путь профессионализации - в похоронных бюро не работал постоянный персонал за исключением владельца мастерской – как правило, персонал нанимался под каждые конкретные заказы. Мы знаем, что гробовые мастерские зачастую являлись семейным небольшим ремеслом и наследовались, так же, как и в Европе. Крупных агентств практически не было. Это позволяет нам заключить, что стандартное похоронное бюро занималось производством / перепродажей похоронных аксессуаров и арендой катафального транспорта<sup>123</sup>.

К началу Октябрьской революции в Российской империи не было ни одного крематория, если не считать небольшой военной крематорий во Владивостоке для кремации граждан Японской империи, погибших во время русско-японской войны. Аналогичная ситуация была характерна и для развития моргов и других инфраструктурных объектов, участвующих в захоронениях. Например, морги в

---

<sup>122</sup> История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. 1. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. 390 с.

<sup>123</sup> К сожалению, мы ничего не знаем о прибыльности похоронного дела в это время. Однако тот же Животов упоминает о 80 бюро в Санкт-Петербурге в 1895 году и о том, что похорон по первому классу в неделю происходит не более 10. Зная данные о смертности и количестве жителей, мы получаем по 25 похорон на одно агентство в месяц. Это много по сравнению с Европой. Но мы не знаем, сколько похорон обходилось покупкой одного только гроба без каких-либо других услуг. Животов пишет о высоком уровне конкуренции среди гробовщиков: *«Умер зажиточный купец. Вдова плачет; приближенных никого нет, кроме прислуги. Гробовщик, получив согласие вдовы, поспешил немедленно принести гроб, свечи и катафалк. Покойника уложили, гробовщик ушел. Через час является другой гробовщик, присланный прислужгой. Вдова почти без чувств. Гробовщик, не задумываясь, перекладывает покойника в свой гроб, ставит свои атрибуты и выносит все вещи конкурента. Часа через два является первый гробовщик и проделывает тоже самое, но он не успел окончить операцию, как явился противник. Произошла драка с кровоизлиянием. И все это над неостывшим еще трупом, в присутствии полубесчувственной от горя вдовы!»*. Я полагаю, что высокий уровень цен на похоронные принадлежности имел те же причины, что и в Европе — высокая конкуренция и небольшое количество заказов с высокой маржинальностью, выполняемых похоронным агентством. См.: Животов Н. Н. Петербургские профили: в 4 вып. СПб.: типо-лит. А. Винеке, 1895. Вып. 3. Среди факельщиков: шесть дней в роли факельщика. 28 с.; Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. Сборник очерков. СПб.: РИА «Ферт», 1994. 223 с.

системе земской медицины были предусмотрены только в самых крупных больницах<sup>124</sup>, большинство мертвых тел хранилось до момента захоронения дома. Как правило, похороны совершались в первые сутки после похорон.

Таким образом, с институциональной позиции, похоронное дело в Российской империи напоминает скорее церковно-муниципальную (государственную) модель, описанную Тони Уолтером. В ее рамках, государство делегирует местным религиозным / этническим общинам право на управление похоронной инфраструктурой. Эта инфраструктура достаточно слабо развита и как правило представляет из себя многочисленные погосты. Частные похоронные агенты ритуального рынка перепродают необходимые аксессуары и имеют сравнительно немного шансов для расширения / укрупнения своей деятельности.

Можно выделить несколько характеристик социальной структуры Российской империи, которые лежат в основе причин, оказывающих влияние на формирование данной модели. Главная – это слабость процесса национального строительства в Российской империи, где наблюдался высокий уровень сегрегации и компактное этно-религиозное расселение. Поэтому похоронное дело не представляет угрозы для социальной и национальной стабильности и не является инструментом национальной консолидации. В дополнение к этому, в Российской империи фиксируется высокая смертность<sup>125</sup>, слабое развитие среднего класса<sup>126</sup>, низкий уровень урбанизации, укорененность традиционного

---

<sup>124</sup> Смирнова Е. М. Становление системы здравоохранения в российской провинции. 1775 - 1914 гг. (по материалам региона Верхней Волги): Дисс. ... доктор истор. наук: 07.00.02. Ярославль, 2017. 470 с.

<sup>125</sup> Кваша Е. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55..

<sup>126</sup> Российская империя оставалась долгое время преимущественно аграрной страной. Производство сельскохозяйственной продукции давало 51% национального дохода, в то время как промышленность — всего 28%. Остальное приходилось на торговлю и транспорт. Население оставалось малообеспеченным. Средний класс в Российской империи был представлен в основном городским мещанством, которое стало заметным слоем населения лишь на рубеже XIX и XX веков. К началу Первой мировой войны национальный доход на душу населения был в 10 раз меньше, чем в США, в 7 раз меньше, чем в Британской империи, и в 5 раз меньше, чем во Франции.

уклада жителей империи<sup>127</sup>. Это дает суммарный эффект, который не способствует развитию и укрупнению похоронного дела.

В качестве промежуточного вывода можно утверждать, что похоронная инфраструктура в Российской империи была практически не сформирована, а частное похоронное дело развито только в крупных городах. В результате инфраструктура (главным образом погосты) поддерживается церковными общинами в рамках внутренней церковной логики обустройства данного пространства.

Однако, подобные выводы не позволяют выявить наличие структурных проблем в работе похоронной инфраструктуры, а также их влияние на характер связей агентов похоронного дела. Скорее мы можем заключить, что на данном этапе институционализации похоронного дела в России подобной проблемы не существовало в явной форме.

## **2.2. Кризис инфраструктуры и его институциональные последствия в 1920-1930-е гг.**

Похоронное дело серьезно трансформируется, начиная с Великой Октябрьской Социалистической Революции – именно с этим периодом связывается появление многочисленных описаний о проблемах в работе похоронной инфраструктуры. Происходит это в силу сразу нескольких причин.

Одним из первых документов, принятых новой властью, стал декрет II Всероссийского съезда Советов «О земле»<sup>128</sup>. Согласно ему, монастырские и

---

<sup>127</sup> Процесс урбанизации в Российской империи шел крайне медленно: города находились на больших расстояниях, мобильность населения была низкой. В начале XIX века только 9% подданных Российской империи жили в городах, к середине века эта цифра выросла до 20%. В 1857 году в России насчитывалось 519 уездных и губернских городов, 122 безъездных города и 50 посадов, в 1914 году — 541 губернский и уездный город, 137 безъездных городов и 51 посад. По типу экономики российский город в начале XX века оставался аграрным, то есть зависящим от окружающих его деревень и поставок продовольствия из них. Борис Миронов полагает, что только короткий период в середине XIX века город и деревня в экономическом, социальном и административном плане были разделены, но в конце XIX века начинается процесс деурбанизации, который только усилился в советское время. См.: Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 259–276; Его же. Русский город в 1740–1860-е годы. — Л., 1990. 271 с.

<sup>128</sup> Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос.изд-во полит.литературы, 1957.

церковные земли переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. К церковным землям относились не только монастыри, храмы и хозяйственные постройки, но и кладбища, которые, по сути, были национализированы в рамках данного декрета. Из церковно-муниципальной модели, согласно классификации Тони Уолтера, произошла трансформация в государственную.

Следующее нормативное изменение, статья 921 декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах», касалась уже не только мест захоронения, но и самого похоронного церемониала<sup>129</sup>. Большевики отменили чины погребения, православная церковь и иные конфессии отстранялись от похоронных дел. Упразднялась оплата мест на кладбище, а расходы на похороны отныне оплачивались советами депутатов по месту смерти граждан. Все частные похоронные предприятия с их аппаратом и основными ресурсами подлежали передаче местным советам до 1 февраля 1919 г.

Таким образом, новое советское государство национализировало похоронное дело со всей его инфраструктурой, установило государственную монополию, запретив частный похоронный бизнес, а также ввело механизм ресурсного обеспечения / поддержки этой инфраструктуры за счет государственного субсидирования.

Новые принципы достаточно быстро стали реализовываться. Например, в Новгороде вышеуказанный декрет был приведен к исполнению сразу же в конце декабря 1918 г., когда в ведение городского совдепа были приняты два частных похоронных бюро, а также все бывшие церковные кладбища. Похоронный подотдел коммунального хозяйства г. Перми был создан 23 ноября 1919 г., также получив в ведение все городские кладбища, морги и похоронные бюро города<sup>130</sup>. В исторических очерках о Новосибирске упоминается, что в начале 1920-х годов гражданин М.Н. Шубский обратился в коммунальный отдел с просьбой о

<sup>129</sup> Декрет СНК «О кладбищах и похоронах» // Там же. Т. 4. 1968. С. 163—164.

<sup>130</sup> Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941 гг.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. 344 с.

регистрации своего заведения. Однако «его ходатайство отклонили, а вопрос решили по-революционному просто: заведующему городскими зданиями старшему технику Клементьеву поручалось принять все имущество похоронного бюро Шубского со штатом служащих и рабочих в ведение коммунального отдела по акту»<sup>131</sup>.

Согласно новой городской политике, старые погосты и городские кладбища советская власть планировала превратить в открытые, парковые пространства – то есть провести первичные хозяйственные действия в отношении погостов. Для этого планировалось провести пешеходные дорожки, озеленить территорию, открыть круглосуточный доступ, перепланировать пространство согласно новым нормам, а также провести другие инженерные работы. Можно заключить, что данные действия ставили под собой цель превратить церковные погосты в полноценные городские кладбища, которые бы стали объектом инфраструктуры муниципального похоронного дела<sup>132</sup>.

Однако уже на этом этапе национализация и монополизация похоронной инфраструктуры сталкивается с целым рядом хозяйственных проблем. Так, достаточно быстро становится понятно, что превратить старые кладбища в составной элемент городского обустроенного пространства не удастся. Обслуживание этих инфраструктурных объектов требует затрат большого количества ресурсов (финансовых и людских), которых у советской власти нет – необходимые средства для организации бесплатных социалистических похорон составляют и без того довольно большую статью затрат для коммунального хозяйства<sup>133</sup>.

Как следствие, кладбища и сопутствующая инфраструктура похоронного дела быстро приходят в упадок. Как отмечает историк Игорь Орлов в своей книге

<sup>131</sup> История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). С. 349-364.

<sup>132</sup> Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV — начала XX вв. как социокультурное явление. М., 2000. 292 с.; Козлов В. Ф. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920—30е гг.). // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М., 1991. 263 с.; Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. 2-е изд. М.-Спб.: Центрполиграф, 2011. 797 с.

<sup>133</sup> Ежемесячный дефицит бюджета составлял в 1923—1924 годах 3000 рублей золотом (ГАМО. Ф. 4550. Оп. 8. Д. 638. Л. 6.)

о коммунальном хозяйстве раннего СССР: «В мае 1920 г. на заседании 2-го Новгородского губернского съезда работников коммунального хозяйства констатировалось, что «кладбища оказались... в неисправности, дороги не расчищались, мостки поломаны, деревянные заборы требовали ремонта». Согласно докладу о деятельности отдела, зачитанному на заседании 1-го Пермского губернского съезда работников коммунального хозяйства в сентябре 1920 г., «к этому моменту кладбища находились в ужасном положении, так как на поверхности земли было сложено не похороненными свыше 200 трупов»<sup>134</sup>.

Проблема осложнялась и банальной нехваткой профессионально-кадровых ресурсов. Анна Соколова также отмечает: «проблема переполненности основных московских кладбищ существовала всегда, однако, в 1919—1920 годах этот фактор наряду с проблемами логистики и снабжения — отсутствие гробов, лошадей, транспорта, лопат и ломов, могильщиков — существенно усугубил похоронный кризис в городе. (Л. 1, 1 об.; Оп. 8. Д. 632, Л. 2 об.)»<sup>135</sup>.

Подобное положение дел подтолкнуло Главное управление коммунального хозяйства к разработке нового декрета о похоронном деле: теперь уже об обратной срочной демунципализации похоронного дела. Согласно проекту декрета, в исключительном ведении отделов коммунального хозяйства оставались лишь кладбища, которые сдавались в аренду, а также единичные морги и пока еще не построенные крематории. В свою очередь, кооперативам и частным гражданам предоставлялось право организации погребальных братств, похоронных бюро и магазинов по продаже принадлежностей для похорон<sup>136</sup>.

Это принесло некоторые краткосрочные результаты и похоронный кризис был преодолен. Однако возвращение частного бизнеса в похоронную сферу достаточно быстро было свернуто уже в течение следующих нескольких лет,

<sup>134</sup> Орлов И. Б. Указ. соч.

<sup>135</sup> Соколова А. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920—1930-х годов // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 74—94.

<sup>136</sup> Орлов И. Б. Указ. соч.; Merridale С. Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia // Mortality. Vol. 8. № 2. May 2003. P. 176—188

вместе с окончанием программы НЭПа. Как итог, похоронные бюро были возвращены обратно в ведение местных коммунальных хозяйств<sup>137</sup>.

Как и следовало ожидать, контролирующие коммунальную инфраструктуру органы принимали похоронные бюро в нагрузку обратно без особого энтузиазма. Согласно архивным документам, кладбища и социальная функция по погребению постоянно перебрасывается из сферы ответственности одного коммунального органа к другому в попытках снизить издержки на содержание.<sup>138</sup> Например, из числившихся в городах РСФСР к 1928 г. 3276 предприятий 2164 относились к предприятиям общего пользования и всего 10 из них относились к похоронным бюро. Эти цифры позволяют оценить количество бесхозных объектов в похоронном деле, характерное для 1920-ых и 1930-ых годов.

Из-за подобного постоянного переделегирования похоронной функции от одного органа к другому, муниципальные службы не могли исполнять свои обязанности.<sup>139</sup> Подобные случаи фиксируются во всех городах СССР. Игорь Орлов отмечает, что архивные документы позволяют увидеть, что в 1939 г. *«кладбища, в культурном содержании которых заинтересованы миллионы населения, во многих городах, не говоря уже о селах и деревнях... загажены, не благоустроены, чем вызывают справедливое недовольство трудящихся»*<sup>140</sup>.

Архивные свидетельства позволяют сделать вывод, что причинами подобной устойчивой бесхозяйственности является все то же отсутствие ресурсов для поддержания затратного похоронного дела при отсутствии доходной части - модель социальных похорон оказывается крайне убыточной. Как отмечает Анна Соколова: *«при декларированном доступном и равном для всех способе погребения, отсутствии платы за места на кладбищах (Декрет о кладбищах) похороны сами по себе не могли приносить доход. Установка и изготовление*

<sup>137</sup> Похоронное дело стало частью большой коммунальной инфраструктуры наравне с банями, свалками и скотобойнями. К примеру, в 1924–1925 гг. в состав образованного в Екатеринбурге «Коммунального треста» входили, помимо автотранспортного предприятия, скотобойни, бани, гостиницы, парикмахерские, так же и похоронное бюро.

<sup>138</sup> ГАМО Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

<sup>139</sup> Соколова А. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920—1930-х годов. С. 74—94.

<sup>140</sup> Орлов И. Б. Указ. соч.

*надгробий также не были доходными, поскольку уровень благосостояния населения, как и государственный атеизм, препятствовали развитию спроса на эти услуги»<sup>141</sup>.*

В дополнение к этому справедливо будет отметить, что многие кладбища, так и не дождавшись переоборудования в парковое пространство, и вовсе целенаправленно уничтожались и приводились в бесхозное состояние новой советской властью<sup>142</sup>. В ходе антирелигиозной кампании большинство церковных некрополей были разграблены и закрыты. Ещё в 1925 году в музей общества «Старый Петербург» начали поступать со Смоленского кладбища Петербурга бронзовые и мраморные скульптурные детали, а также иконостасы закрытых церквей. Уничтожению подверглись и московские некрополи, являющиеся памятниками архитектуры. Старинные надгробные памятники отправляли на продажу как строительный материал. Из них *«делали поребрики для тротуаров, но чаще использовали повторно на действующих кладбищах для памятников „среднего класса“ советского общества»*. На месте Дорогомиловского кладбища был выстроен квартал домов для советской номенклатуры, а в XXI веке был выстроен небоскрёб «Башня 2000». Памятные знаки с сотни московских погостов ушли под новые советские мостовые<sup>143</sup>. Бывшие кладбища закрывались, а освободившееся пространство превращалось уже в городские парки и скверы. В Нижнем Новгороде из Петропавловского кладбища сделали Парк Кулибина, а из бывшего Печёрского кладбища сделали сквер для прогулок. Подобные могильные парки возникали по всему советскому союзу – в Казани, Перми, Новосибирске<sup>144</sup>.

---

<sup>141</sup> Соколова А. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920—1930-х годов. С. 74—94.

<sup>142</sup> Инструкция о порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников: утв. Постоянной комиссией при Президиуме ВЦИК по вопросу культов 16.10.1931 // Законодательство о религиозных культах, 1971; Рыженко В. Г. Пространство советского города (20-е – 50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова, Д. А. Алисов; отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004. 292 с.

<sup>143</sup> Козлов В. Ф. Указ. соч.; Шокарев С. Ю. Указ. соч.; Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Указ. соч.

<sup>144</sup> История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). С. 349-364.

Похоронно-инфраструктурный кризис советская власть пыталась решить с помощью развития системы крематориев. Однако уже в 1930-е годы советские руководители начали терять интерес к кремации как к эффективному идеологическому оружию, в дополнение к этому массовое строительство крематориев требовало также довольно крупных инвестиций<sup>145</sup>.

Поэтому за первое десятилетие советской власти было возведено всего два крематория – Донской крематорий в Москве и городской крематорий в Санкт-Петербурге. За период 1930-ых годов и вовсе не было возведено ни одного нового крематория, а сама кремация стала уделом партийных и государственных деятелей. Простые же советские граждане предпочитали погребение в земле. Точку на кремационном движении поставила война. В послевоенное время у государства не нашлось ресурсов для строительства дорогостоящих крематориев. Сама кремация к тому же стала ассоциироваться с печами концентрационных лагерей и ужасами Второй мировой войны<sup>146</sup>.

Представленный выше контекст устройства и работы похоронного дела в раннем СССР, позволяет утверждать следующее:

(1) К моменту начала Великой Отечественной войны частное похоронное дело на территории СССР было уничтожено; инфраструктура перешла в сферу ответственности государства, однако на ее поддержание и развитие не хватало средств, что быстро привело к ее упадку. Например, значимое количество кладбищ было физически уничтожено или никто не занимался поддержанием их состояния; похоронные бюро были переведены под ведомство коммунальных служб; производство гробов и похоронных аксессуаров не было налажено<sup>147</sup>.

<sup>145</sup> Encyclopedia of Cremation / Ed. Lewis H. M. Routledge, 2005. 488 p.; Бартель Г. О введении кремации в СССР // Коммунальное дело: ежемес. журн. ГУКХ НКВД. 1925. № 15–16. С. 28–33.

<sup>146</sup> Интерес к кремации возобновился в 1970-е годы на волне общих попыток реформирования похоронной сферы. Однако действительно мощным трендом кремации не стала. К моменту распада СССР в многомиллионной стране действовало всего 5 крематориев.

<sup>147</sup> Например, в январе 1938 года на заседание президиума городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Новосибирска выносятся для обсуждения следующая тема: «О состоянии похоронного дела в городе». В первом же абзаце постановления сформулированы следующие выводы: «*Похоронное дело находится в преступно запущенном*

(2) В дополнение к этому коммунальные службы принялись саботировать исполнение своей социальной функции по захоронению и поддержанию инфраструктуры в силу нехватки профессиональных и финансовых ресурсов. Как итог, работа похоронной инфраструктуры стала испытывать системные проблемы, когда использование инфраструктуры стало связываться с постоянно возникающими трудностями.

### **2.3. Проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела в послевоенном СССР: адаптация агентов и практик**

В ходе второго этапа развития похоронного дела с СССР кризисное состояние похоронной инфраструктуры становится не просто системным, но и закрепляется в практиках советской погребальной культуры и взаимоотношениях между акторами похоронного дела.

Начать стоит с того, что серьезные инфраструктурные разрушения ВОВ<sup>148</sup> привели не только к продолжению прямого уничтожения некрополей, но и оборвали эпизодические попытки советских властей стабилизировать похоронную сферу. Дело в том, что ресурсы необходимые на восстановление коммунальной инфраструктуры, после ВОВ тратятся сообразно следующим приоритетам: сначала восстанавливается жилой фонд, канализация, социальная инфраструктура. Кладбищам, моргам, ритуальным принадлежностям в этой системе приоритетов отводится второстепенная роль<sup>149</sup>.

---

*состоянии: охрана кладбищ, контроль за захоронением почти отсутствуют; кладбища не огорожены, не благоустроены, а имеющиеся на центральном кладбище мастерские по обслуживанию нужд захоронения не отвечают элементарным требованиям, содержатся в антисанитарном состоянии. Катафалк, линейки, лошади, сбруя и одежда служителей при похоронных процессиях по своему состоянию совершенно не удовлетворяют требований. На кладбищах нет правил о захоронении и содержании кладбищ». См.: История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). С. 349-364.*

<sup>148</sup> Кропачёв С. А. Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив: Ежемесячное научно-популярное издание. 2010. № 1 (121). С. 164–191; Хлынина Т. П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С.56-68

<sup>149</sup> Из архивных данных мы узнаем, что в ходе ВОВ, кладбища центральной России не только физически страдают от прямых боевых действий, но и подвергаются разграблению и разорению со стороны советских граждан. Так, деревянные кресты используются в качестве дров для

Де-факто похоронная сфера никак не контролировалась властями, о чем существует достаточно большой корпус свидетельств<sup>150</sup>. Поэтому уже с конца 1930-ых годов и вплоть до 1960 годов похоронная сфера становится, по сути, сферой ответственности самих советских граждан. Приобрести памятник, купить гроб, венки, заказать катафалк через официальные представительства коммунальных служб становится недоступным благом для большинства жителей СССР<sup>151</sup>. Каждая семья самостоятельно искала доступные варианты – обращалась к мастерам по изготовлению гроба, занималась подготовкой места погребения, зачастую самостоятельной установкой и изготовлением памятников.

Как итог, в это время распространяется практики бриколажа<sup>152</sup> – то есть самостоятельного изготовления любых похоронных аксессуаров из подручных материалов<sup>153</sup>. Так, памятники изготовлялись из обрезков труб, старых механических деталей, металлических перекрытий и т.д. Для новых памятных знаков зачастую использовались старые дореволюционные надгробные плиты, которые массово перешлифовывались под новые надгробия.

Зачастую ограды, памятники и гроб делались в столярных цехах предприятий, где трудился умерший человек. Как отмечает российский культуролог Павел Кудюкин – *«жизнь от яслей до гроба»* зависела целиком от предприятия, на котором трудился человек<sup>154</sup>. Именно предприятия

обогрева домов. В 1942 г. администрация осажденного Ленинграда принимает декрет, согласно которому требует от местного похоронного треста «Похоронное дело» остановить уничтожение кладбищ. См.: Merridale C. *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. P. 240..

<sup>150</sup> См.: Дневник К. Измайлов [Электронный ресурс] // Электронный корпус дневников “Прожито”. URL: <http://prozhito.org/> (Дата обращения: 12.05.2017); Merridale C. *Night of Stone. Death and memory in twentieth-century Russia*. P. 240; Соколова А. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920—1930-х годов. С. 74—94.

<sup>151</sup> Там же.

<sup>152</sup> Фр. «bricoleur» - мастер на все руки, занимающийся починкой и созданием вещей из подручного материала. См.: Леви-Стросс К. *Первобытное мышление*. М., 1994. С. 126-130.

<sup>153</sup> Бриколаж в других аспектах повседневной жизни см.: Лебина Н. *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

<sup>154</sup> Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира // СССР: Жизнь после смерти / под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 44–55

компенсировали рыночный дефицит советской экономики и похоронного дела, в частности, предоставляя материальные ресурсы для проведения похорон<sup>155</sup>.

В рамках поставленной диссертационной проблемы данный факт имеет структурообразующее значение, так как объясняет контекст появления и укоренения большинства неформальных практик похоронного дела. Можно утверждать, что в послевоенные годы в СССР действовала обширная сеть теневой кустарной экономики, которая производила все необходимые материальные артефакты для похоронной сферы. Похоронная неформальная экономика функционировала также, как и в других сферах услуг – с помощью промысловой кооперации<sup>156</sup>, которая продолжала существовать в СССР до конца 1950-х годов и компенсировала постоянный дефицит товаров народного потребления<sup>157</sup>. Необходимо отметить, что практики бриколажа поддерживались официальной властью, которая считала, что тратить железо, бетон, дерево на похоронные нужды расточительно в условиях жесточайшей экономии и мобилизации для промышленного подъема страны: *«Речь идет не о том, чтобы сейчас, в военное время, воздвигать лишь особо памятные монументы – речь идет о создании памятников из подручного материала»*<sup>158 159</sup>.

---

<sup>155</sup> Закрепление бриколажа как нормы, является той причиной, почему уже в каждом регионе СССР сложились свои визуальные формы надгробий. Например, в рамках полевой работы, мне удалось зафиксировать, как в одном регионе Тульской области на кладбищах распространены однотипные формы оград. Они состояли из сваренных между собой шестеренок, напоминавших какую-то часть большого станка. В ходе интервью с местными жителями удалось установить, что все ограды варились из украденных на соседнем заводе деталей – это были не шестеренки, а специальные металлические прокладки, лишь формой напоминавшие шестеренки.

<sup>156</sup> Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал, 2005. № 4. С. 117-131.

<sup>157</sup> Вахитов К. И. История потребительской кооперации России. Учебное пособие М., 1998. Часть 1. 400 с.

<sup>158</sup> Афанасьев К. Архитектурные проекты на выставке «Героический фронт и тыл». // Архитектура СССР. 1944. Вып. 6. С. 22-23

<sup>159</sup> При этом поминальная символика советского времени вполне осознанно копировала деревянное зодчество Русского Севера: пирамидки, столбцы, тектоничность форм, глобцы. Один из ведущих архитекторов того времени А. Чалдымов так отзывался об этом стилистическом обращении: *«Обычный столб, символ захоронения одного человека, потом перекрытие, потом крест или икона. Эта форма вызывается не только соображениями эстетики, но и тектоники. Поэтому, когда пришлось думать о форме звезды, понадобилось уделять внимание как "устроить" этот основной элемент композиции. Как дать ей чистую форму»*. Из стенограммы совещания по проблемам мемориальной архитектуры. 3-5 июня 1946

Практики бриколажа являлись нормой в советской культуре, что не раз отмечалось исследователями. Советская материальная культура предполагала субъект-субъектные отношения между вещью и потребителем, что сказывалось на постоянном взаимодействии с вещью и поиске новой функции для нее<sup>160</sup>. Таким образом, переводя этот вывод на диссертационную проблему, можно утверждать, что проблемы в работе инфраструктуры и практика взаимоотношения с ней через бриколаж, имеет структурные корни и вписывается в общий советский культурный контекст и социальные практики.

В послевоенное время массово распространилась практика установки могильных оград. Кладбища, пребывающие в бесхозном виде, никем не обслуживались – поэтому место на погосте никаким юридическим правом не было закреплено. Для его сохранности, в качестве материального свидетельства своих прав на могилу, люди стали устанавливать ограды. Здесь так же важно отметить, что на месте массово уничтоженных старых кладбищ после войны стали возникать новые захоронения. Несмотря на то, что формально кладбища должны соответствовать определенным санитарным нормам, официально регистрироваться, иметь план развития и базовые инженерные коммуникации<sup>161</sup> – эти правила не соблюдались. Можно утверждать, что 90% кладбищ в послевоенный период возникают стихийно, выбор могил на них происходит согласно локальным представлениям хоронящих о хорошем месте для погребения. Зачастую места для захоронения находятся в непосредственной близости от жилых домов, совпадая по границам с другими инфраструктурными объектами<sup>162</sup>. Среди основных факторов, которые оказали влияние на институциональное закрепление послевоенной погребальной культуры бриколажа можно назвать массовую миграцию сельского населения в города, и как следствие

---

года // Советское изобразительное искусство и архитектура 60-70 -х годов. Сб. статей. М: Наука, 1979. С. 254-258

<sup>160</sup> Герасимова Е., Чуйкина С. Указ. соч. С. 70–77.

<sup>161</sup> Санитарные правила по устройству и содержанию кладбищ [Электронный ресурс]: Утв. Всесоюзной государственной санитарной инспекцией 20 декабря 1948 года. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

<sup>162</sup> ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 236.

преобладание традиционной культуры, а также разрыв семейных связей. Крестьянское население, переехавшее в города, не рассматривало организацию похорон ни как рыночное благо, ни как одно из социальных обязательств государства. Для представителей традиционной культуры, похороны (а также все вопросы, связанные с похоронной инфраструктурой) — это вопрос коллективного участия и взаимопомощи<sup>163</sup>. Такой взгляд органично встроился в бесхозяйственность поствоенной похоронной сферы и способствовал укоренению сбоев в работе похоронной инфраструктуры.

Попытки вмешательства советской власти в стихийность функционирования похоронного дела предпринимаются в начале 1970-ых годов. За два десятилетия появляется несколько новых нормативных документов, в больших городах открываются специализированные похоронные магазины (однако, с большим товарным дефицитом). Старые похоронные бюро в рамках коммунальных трестов становятся похоронными кластерами — открываются новые цеха, приобретаются катафальные автомобили<sup>164</sup>.

---

<sup>163</sup> Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИНИОН РАН, 1999. 231 с.; Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993. 310 с.; Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: народная культура (история и современность). Т. 3. Семейный быт. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 231—265; Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 355—361.

<sup>164</sup> Послевоенная советская инфраструктура похоронного дела не только не смогла организовать выпуск гробов, похоронных аксессуаров, но и не смогла за долгие годы создать и специальный ритуальный транспорт для своих граждан. СССР была единственной страной, в которой в качестве катафалков использовались грузовые автомобили. Самыми распространенными похоронными экипажами стали автомобили ПАЗ и ЕрАЗ, которые переделывались под нужды похоронных комбинатов — в их салон добавлялись специальные места для гроба и дверца в багажном отделении грузовика. Использование грузовиков в качестве траурных машин выглядит вполне логично — в СССР не было развито владение личным автомобилем, сама автокультура находилась в зачаточном состоянии, а само советское государство больше всех в мире производило автобусов и грузовиков. Вдобавок к этому плохое качество дорог и длинные расстояния дополнили потребности жителей в подобных авто. Siegelbaum L. Cars for comrades. The life of the Soviet automobile. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008; Пенсионеры ритуальной службы // Грузовик-пресс. URL: <http://www.gruzovikpress.ru/article/2659-pensionery-ritualnoy-služby/> (Дата обращения: 01.06.2018).

В начале 1960-ых годов также разрабатываются новые санитарные требования для открытия и содержания кладбищ<sup>165</sup>. В этих документах, однако, носящих скорее рекомендательный характер, содержатся требования к размерам могил, их расположению, а также весьма общие правила к санитарным условиям открытия и закрытия кладбищ. Например, в инструкции 1977 года, советские власти пытаются представить первые проекты потенциальных новых некрополей<sup>166</sup>. На подобных планах, будущее «простое советское кладбище» включает в себя такие строения, как дом общественных панихид, зеленые сады, цветники, декоративные бассейны. Нам не известно ни одного проекта успешно реализуемого по этим правилам, но, тем не менее, сам факт их появления довольно примечателен.

В 1979 году появляется дополненная инструкция Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР о «Порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР». Согласно этому документу, *«непосредственное предоставление гражданам услуг и продажу похоронных принадлежностей производят салоны-магазины (магазины) специализированного коммунального обслуживания»*, а также рекомендуют *«ориентировать преимущественно на строительство крематориев и экономичные способы захоронения после кремации. Органы похоронного обслуживания должны разъяснять населению санитарно-гигиенические, экономические и другие преимущества кремации по сравнению с захоронением гроба в могилу»*<sup>167</sup>. Это первый советский документ, который попробовал провести централизацию похоронного дела и определить, чем должны заниматься похоронные бюро, какую инфраструктуру включать в себя и как в итоге должны происходить «простые советские похороны».

---

<sup>165</sup> Санитарные правила устройства и содержания кладбищ [Электронный ресурс]: утв. Минздравом СССР 01.11.1960 N 343-60. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

<sup>166</sup> СанПиН 1600-77. Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения., М. 1994

<sup>167</sup> Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР: утв. утв. Приказом Минжилкомхоза РСФСР от 12.01.1979 N 25 // М.: Стройиздат, 1980

В этой инструкции впервые вводится и понятие «агент похоронной службы», которое затем перейдет в нормативную рамку уже в постсоветской России. Согласно этому определению – *«агент похоронной службы является штатным сотрудником салона-магазина (магазина) специализированного обслуживания. Его обязанностями является предоставление на дому услуг по организации похорон и обеспечение заказчика похоронными принадлежностями»*. Если сравнивать с функциями похоронного директора в тех моделях, что были описаны в главе ранее, разница становится очевидна. В советской модели похоронный агент является именно связующим звеном между коммунальной инфраструктурой (или ресурсами, такими, например, как похоронные принадлежности) и заказчиками похоронных услуг. Новые правила включали в себя описания распорядка движения траурной процессии, оркестра, катафалка, рекомендации по обустройству мест захоронения и даже советы о том, как лучше располагать цветы, венки и фотографии около могил.

С конца 1960-ых годов происходят и другие изменения. Так, система здравоохранения СССР впервые ставит целью массовое строительство моргов. Здания моргов возводятся в рамках районных больниц, зачастую не имея необходимой планировки и даже элементарных холодильников. Следующие серьезные изменения происходят уже в 1980-ые годы. 5 февраля 1987 года, особым указом Президиума Верховного Совета СССР, в стране было разрешено создание частных торговых и производственных кооперативов. Данный указ стал логичным продолжением начавшейся либерализации рыночных отношений (так годом ранее появилась возможность для индивидуальной предпринимательской деятельности)<sup>168</sup>. Эти документы касались только самых общих принципов рыночного устройства и, конечно, в них не было ничего конкретного о похоронном деле. Однако сама возможность легального оказания частных услуг логично коснулась и переустройства рынка ритуальных услуг. Уже в этом году, в

---

<sup>168</sup> Постановление Совмина СССР от 05.02.1987 N 162. "О создании кооперативов по производству товаров народного потребления" [Электронный ресурс] // Справочно-правовой портал Bestpravo.com. URL: <http://russia.bestpravo.com/ussr/data02/tex12121.htm> (Дата обращения: 14.05.2018)

Москве, по инициативе Исполкома Моссовета и Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома был создан первый в Москве кооператив похоронных и ритуальных услуг «Кристалл».

На базе советской гаражной экономики<sup>169</sup> в городах появились многочисленные похоронные кооперативы и ритуальные компании<sup>170</sup>. Так, например, в Москве уже за первые десять лет количество таких компаний увеличилось в несколько раз и достигло 50 легальных агентств<sup>171</sup>. Материальной базой для создания и развития подобных кооперативов стала ранее описанная система бриколажа и теневого / кустарного производства похоронных принадлежностей<sup>172</sup>. На базе многочисленных заводов, гаражных обществ, столярных мастерских, которые десятилетиями производили ритуальные принадлежности для нужд населения, стали возникать первые легальные частные структуры по производству гробов, оград, памятников и прочей похоронной атрибутики.

Многие кооперативы появлялись не только на базе бывших гаражных производств, но и на основе стремительно распадающейся советской коммунальной инфраструктуры. По сути, произошла легализация теневого производства похоронной атрибутики и оказания похоронных услуг<sup>173</sup>.

---

<sup>169</sup> Постановление Совета министров РСФСР № 1475 «Об организации кооперативов по строительству и эксплуатации коллективных гаражей — стоянок для автомобилей индивидуальных владельцев» разрешало организацию гаражно-строительных кооперативов по образу существовавших жилищных и дачных кооперативов. См.: Селеев С., Павлов А. Гаражники. Москва: Страна Оз, 2016. 160 с.

<sup>170</sup> Ритуальные страсти [Электронный ресурс] // Профсоюз работников ритуальных служб : [сайт]. 17.12.2005. URL: <http://prof-ritual.ru/arkhivy/arkhiv-novostey/news-view-2/> (Дата обращения: 14.05.2018)

<sup>171</sup> ЗАО «Покой» [Электронный ресурс] // Коммерсант.RU [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/22585> (Дата обращения: 14.05.2018)

<sup>172</sup> Однако, необходимо отметить, что речь не идет об изучении экономических явлений, а скорее дарообмене, что снижает рациональную составляющую данных практик и повышает социальную переменную.

<sup>173</sup> Например, *«Активное участие в развитии кооперации оказывают предприятия и организации города, представляя кооперативам помещения, оборудование, транспорт. На базе Уралвагонзавода создано 27 кооперативов, которыми произведено продукции за 9 месяцев т.г. на 1 млн. руб. При НТМК 21 кооператив с объемом 14,9 млн.руб. При тресте "Тагилстрой" - 13 с объемом 2,2 млн. При "Уралхимпласте" - 6 с объемом 0,93 млн. руб., при ВМЗ - 8 с объемом 0,83 млн. руб. и т.д. Из 165 кооперативов производят товары и оказывают услуги населению*

Несмотря на легализацию рыночных отношений, похоронная инфраструктура по-прежнему оставалась в руках государства (советов / муниципалитетов) – похоронным кооперативам было разрешено только проводить похороны, а также выпускать ритуальную атрибутику. Таким образом, местные органы по-прежнему находились перед необходимостью содержания разрастающейся громоздкой и затратной инфраструктуры, средств на управление которой у них нет.

Однако даже возможность создания частных похоронных компаний серьезно не изменила похоронную сферу и не привела к ее бурному развитию, равно как и к росту качества услуг. Кладбища оставались в бесхозном состоянии, а продукция рынка ритуальных услуг хоть и покрывала товарный дефицит, но все же не соответствовала минимальным нормам качества<sup>174</sup>.

Интерпретируя вышеописанные факты, можно прийти к заключению данной главы. В целом, это достаточно уникальный контекст, который еще не описывался и не интерпретировался западными исследователями похоронного дела. Например, контекст, при котором отсутствуют возможности для развития частного похоронного дела, но государство не справляется с функциями похоронного дела<sup>175</sup>. И поэтому особенно ценно, что кейс советского похоронного дела показывает, как подобные проблемы в работе замещаются и интерпретируются как допустимая «норма».

**Мы можем утверждать,** что проблемы в работе советской похоронной инфраструктуры привели к формированию и закреплению неформальной сети производителей похоронных принадлежностей и самостоятельному

---

*только 52 кооператива ("Мечта" при Ленинском райпищеторге 103 т.р. - по приему стеклопосуды; "Наш дом" при ДСК - 95 т.р. - ремонт квартир, "Реквием" при ЖКХ - 149 т.р. - организация похоронных услуг)». Источник: Справка о работе кооперативов г. Нижний Тагил за 9 месяцев 1989 г. [Электронный ресурс] // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. [сайт]. URL: [http://historyntagil.ru/history/2\\_8\\_12.htm](http://historyntagil.ru/history/2_8_12.htm) (Дата обращения: 14.05.2018)*

<sup>174</sup> Лексин В. Н. Умереть в России. С. 124-161; Рожков С. Ю., Зульфугарзаде Т. Э. Указ. соч.

<sup>175</sup> Тот же Тони Уолтер отмечает, что у западных исследователей имеется очевидная проблема в недостатке контекстуального понимания функционирования института похоронного дела в социалистических странах. Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies. P. 123–145.

обслуживанию объектов инфраструктуры со стороны советских граждан, о чем у нас имеется достаточный корпус свидетельств. В свою очередь, подобное положение дел привело к институциональному оформлению неформального характера похоронного дела и бесхозности его инфраструктуры, что в итоге становится одной из ее структурообразующих черт.

В самой советской культуре, практики бесхозности / «постоянного ремонта» / «поломанных вещей» достаточно хорошо описаны социологами и антропологами, изучающими советскую повседневность, однако они не касались похоронной сферы<sup>176</sup>. Таким образом, приведенные выше выводы и примеры вполне логично дополняют имеющееся ранее понимание советского общества, что важно в дальнейших интерпретациях. Например, Софья Чуйкина и Екатерина Герасимова анализируют советские практики ремонта и находят их буквально во всех аспектах повседневности, заключая в итоге, что советское общество – *«это общество ремонта»*. *«Простой советский человек»* чинит все – от водопровода, машины и детских игрушек до одежды, он не выбрасывает пустые молочные бутылки и находит им новое применение (например, превращая их в горшочки для растений)<sup>177</sup>. Как отмечают авторы: *«сами практики покупок провоцировали дальнейшие социальные и экономические интеракции в неформальной сфере –*

<sup>176</sup> Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.; Вальтер Б. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997. 221 с.; Лебина Н., Чистиков А. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. 339 с.; Gronow J. Caviar with champagne: common luxury and the ideals of the good life in Stalin's Russia (Leisure, Consumption and Culture). Oxford, 2003. 256 p.; Hessler J. A social history of Soviet trade: trade policy, retail practices and consumption, 1917-1953. Princeton, 2004. 366 p.

<sup>177</sup> При этом, подобное отношение к материальности отмечается и в других сообществах. Например, Альфред Зон-Ретель, описывая Неаполь 1920-х годов отмечает: *«В Неаполе все технические сооружения обязательно сломаны. Если здесь и встречается что-либо исправное, то лишь в порядке исключения или по досадной случайности. Постепенно начинаешь думать, что эти вещи так и производятся, уже сломанными»*. Для неаполитанца состояние поломки окружающих его вещей является чем-то абсолютно нормальным и даже желанным. *«Неаполитанец обижается, если у него ничего не ломается»*. См.: Зон-Ретель А. Идеальные поломки. М.: Издательство «ООО GRUNDRISSE», 2016. 108 с.; О значении ремонта для локальных сообществ пишет и Стивен Джексон, см.: Jackson S. "Repair". Theorizing the Contemporary, Cultural Anthropology [website] / September 24, 2015. URL: <https://culanth.org/fieldsights/720-repair> (Дата обращения: 12.02.2017); Idem. Rethinking Repair // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / Eds. T. Gillespie, P. J. Boczkowski, K. A. Foot, Cambridge, Mass.: MIT Press. 2014. P. 221–240.

обмены, продажи, ремонты, переделки, дарения, посылки родным и родственникам, передачу дефицитных вещей по наследству, то есть вещи способствовали горизонтальной и вертикальной коммуникации и интеграции в обществе. Происходило вовлечение вещей в сеть социальных отношений в качестве посредников и активных участников»<sup>178</sup>.

Исследователи отмечают, что подобные практики становятся возможными благодаря принципиально отличному от западной прагматической культуры отношению к материальным вещам. Эти же феномены подмечает и Ревекка Фрумкин: *«Изобилие советов наподобие изготовления различных отверток из гвоздя предполагает у читателя не только немалый опыт, но еще и обширный набор инструментов: надо уж быть и вовсе не от мира сего, чтобы не понимать, что гвоздь — штука очень прочная, а расплющить его до жала отвертки можно, имея лишь хоть маленькие, но тиски. Или мощные пассатижи. Так реконструируется и адресат всех этих советов — это умелец, быть может — из числа радио- и фотолюбителей, чаще — квалифицированный рабочий или инженер с производства»*<sup>179</sup>. Справедливо отметить, что за самой советской практикой ремонта стоит и вполне рациональное экономическое поведение — отремонтировать вещь оказывалось дешевле, чем вложиться в покупку нового бытового предмета, которая к тому же все равно требует определенной доработки.

Галина Орлова заключает, что *«когда узнаешь, что после нехитрых манипуляций негодная зубная щетка превращается в отличный крючок для полотенец, стиральная машина одновременно является идеальным приспособлением для стерилизации банок, а вышедшая из строя батарейка, если ее стукнуть кувалдой или положить на печь, проработает еще несколько часов, приходит понимание, что дефектность вещи — это всего лишь иллюзия, которую беспощадно разоблачают знания и действия умелого хозяина»*<sup>180</sup>. Таким

<sup>178</sup> Герасимова Е., Чуйкина С. Указ. соч. С. 70–77.

<sup>179</sup> Фрумкина Р. Рефлектирующий абориген // Знамя. 2005. № 2. С. 167-174

<sup>180</sup> Орлова Г. Указ. соч.

образом, само знание о том, как и что можно сделать с вещью, чтобы она «заработала» является особым профессиональным навыком, который наделяет человека статусом и даже ресурсом, превращая ремонт в особую социально-коммуникативную практику.

Подобные интерпретации позволяют нам утверждать, что советская культура оказывает общий нормализующий эффект на любые материальные поломки и, в том числе, на проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела. Как итог, сами практики ремонта и исправления проблем в работе становятся не просто социальными действиями по обмену ресурсами, статусом, знаниями, но и служат для поддержания самой социальной структуры и связей внутри нее.

Олег Хархордин и Ольга Бычкова, анализируя практики поддержания работоспособного состояния коммунальной инфраструктуры, также отмечают ситуативность в коллективных практиках ремонта инфраструктуры, заключая, что подобные проявления говорят о принципиально ином понимании «общего блага», что так же может быть применено к объяснению феномена существования сбоев инфраструктуры похоронного дела, в которой подобные проблемы решаются ситуативно, когда касаются каждого из участников лично, а не системно<sup>181</sup>.

**В качестве выводов второй главы выступают следующие утверждения.**

Как было продемонстрировано ретроспективным анализом похоронной индустрии в России, эта отрасль развивалась достаточно специфично. Там, где в ходе обслуживания похоронной индустрии государством вскрылись очевидные проблемы затрат и окупаемости, местные власти передали в управление частным компаниям кладбища и другую инфраструктуру. В логике советской коммунальной модели местная власть предпочла самоустраниться, позволив советским гражданами самостоятельно обслуживать инфраструктуру похоронного дела.

Приведенные ранее материалы позволяют объяснить причины появления и нормализации проблем в работе инфраструктуры похоронного дела в России в

---

<sup>181</sup> Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. Указ. соч.

период с 1920-ых годов до 1980-ых. Приведенные материалы достаточно иллюстративно показали, как системные проблемы в работе инфраструктуры привели к формированию специфической модели похоронного дела, в которой постоянные дисфункции в работе инфраструктуры в определенной степени компенсировались теневым кустарным производством и различными неформальными практиками, то есть приобрели вид устойчивых социальных институтов.

Как итог, советское общество сформировалось как «общество ремонта», где материальные объекты постоянно выходят из строя, а для починки используется привлечение разветвленной сети акторов, что в итоге приводит к формированию полноценной системы обмена ресурсами, знаниями, статусами, то есть устойчивых неформальных институций.

Таким образом, теперь мы можем посмотреть на полевой материал, собранный в ходе эмпирического исследования похоронного дела в современной России и попытаться понять, как проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела воспроизводятся в рамках отдельных институций похоронного дела.

## Глава 3. Похоронное дело в современной России

Исследовательским вопросом, вынесенным во главу диссертационного исследования, является совокупность устойчивых социальных практик, которые включают в свою основу проблемное состояние работы похоронной инфраструктуры. Для это мы последовательно рассмотрим сам процесс организации / проведения похорон, а также проанализируем логику и степень участия каждой из групп акторов.

### 3.1. Дизайн эмпирического исследования

Эмпирической базой для диссертационного исследования является проведенное полевое исследование в нескольких регионах РФ с суммарным населением более 5 миллионов человек (Калужская область, Тульская область, Орловская область, Курская область, Липецкая область, г. Старый Оскол, г. Москва, Московская область).

В ходе включенного наблюдения, которое выступает одним из основных методов изучения рынка ритуальных услуг<sup>182</sup>, мной осуществлялось описание и интерпретация профессиональной деятельности 5 ритуальных агентств данных регионов. Это небольшие, по локальным меркам, частные компании, каждая из которых проводит не более 40 похорон в месяц (крупной считается компания, проводящая более 100 похорон в месяц). Я участвовал в повседневной работе агентств как рядовой член похоронной бригады (забирал умерших людей с места смерти, доставлял их в морг, копал могилы, производил погрузку гроба и т.д.), а также в качестве партнера владельцев компании.

В рамках полевой работы меня интересовало, прежде всего, влияние инфраструктурных факторов на социальные интеракции, выраженные в дискурсах и действиях ключевых акторов похоронного дела по отношению друг к другу. Область рассматриваемых интеракций ограничена. Я рассматривал только

---

<sup>182</sup> Suzuki H. Op. cit.; Vélez-Zapata C. P. Contributions of Anthropology to the Study of Organization: The Case of Funeral Home // Polyphonic Anthropology – Theoretical and Empirical Cross-Cultural Fieldwork / Ed.M. Canevacci. Reka: InTech, 2012. P. 93–110.

те действия, что помогали осуществлять захоронение умершего человека – например, решение проблемы получения тела в морге. Именно поэтому в фиксируемые ситуации попадают не только работники изучаемых агентств, но и другие сторонние акторы. Прежде всего – вышеупомянутые конкуренты, представители местной муниципальной и федеральной власти (работники моргов, администраторы кладбищ и т.д.), представители церкви, случайные участники похорон, члены похоронных бригад, родственники умерших и т.д.. Это позволяет говорить не только об этнографии работы похоронного агентства, а об описании и интерпретации всего похоронного дела с позиции включенного участника и наблюдателя.

Включенное наблюдение началось в октябре 2015 года и продолжалось до осени 2017 года. Количество дней, проведенных в полевой работе, равняется 100. По этическим причинам и по договоренности с информантами я не могу называть точные географические локации и места упоминаемых историй. Все информанты и участники описываемых историй анонимизированы.

Помимо включенного наблюдения мной проведено более 100 сессий этнографических разговоров<sup>183</sup> с более чем 40 участниками ритуального рынка. В ходе этих разговоров я не использовал технические средства записи в силу серьезных этических ограничений и требований к анонимизации информантов. Именно поэтому, я не имею возможности приведения прямых цитат информантов, только переложение разговоров. Формат общения с информантами (участниками ситуаций) можно назвать тематическими разговорами, которые проходят в рамках повседневных интеракций. Эти разговоры возникают зачастую спонтанно и имеют разную временную продолжительность. В рамках одного разговора это может быть диалог длительностью более 1,5 часов, в другом же случае – короткие, порой и вовсе минутные реплики по теме. Круг поднимаемых вопросов в подобных разговорах – личные биографии, профессиональные проблемы и взаимоотношения с коллегами, эмпатия по отношению к теме смерти,

---

<sup>183</sup> Романов П. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–148

слухи и истории регионального похоронного дела. Большинство участников этнографических разговоров — это мужчины среднего возраста от 28 до 45 лет, со средним образованием, работающие в сфере более 3 лет.

В исследовательский фокус попали около 130 различных неформальных ситуаций, в результате которых решались те или иные задачи, связанные с выполнением основной функции похоронного дела – обеспечением захоронения умершего человека. Все наблюдения и разговоры фиксируются в полевой дневник. В него записывается все, что я услышал, увидел и в чем принял участие в течение дня наблюдений. В дополнение к этому я веду быструю запись в блокнот, который у меня всегда с собой.

Согласно Ван Маанену, записи полевого дневника делятся на три основных типа: описание увиденной истории (*realistic*), исповедальные – моя собственная рефлексия (*confessional*), импрессионистские (*impressionist*) – связанные с методологическими проблемами и ограничениями использования полевого инструментария<sup>184</sup>. Часть записей включает в себя несколько типов. Объем дневника и вспомогательного блокнота на момент подготовки статьи составляет более 10 а.л., количество записей более 450.

Данные полевых записей кодировались и анализировались согласно методике П. Аткинсона и Д. Сильвермана, которая включает в себя разбивку наблюдаемых явлений на участвующих акторов; выполняемые ими действия; видимую и приписываемую им логику действий; анализ контекста полевой ситуации; объективация наблюдателя; рефлексия<sup>185</sup>. Примеры подобных записей полевого дневника и их анализа можно увидеть в приложении к диссертационной работе.

Проведенное исследование логично разделено на несколько основных блоков, которые помогут последовательно решить поставленные задачи:

---

<sup>184</sup> Van Maanen J. *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press. 1988. 236 p.

<sup>185</sup> Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*; Idem. *A Very Short, Fairly Interesting, Quite Cheap Book about Qualitative Research*; Spradley J. P. *Participant Observation*, New York: Holt, Rinehart and Winston 1980. 195 p.; Atkinson P., Hammersley M. *Op. cit.*

(1) В начале будет описана процедура проведения похорон в современной России и выявлена роль инфраструктуры в этом процессе; анализ проведения процедуры похорон позволяет рассматривать деятельность различных акторов похоронного дела как социальное действие;

(2) Затем определен и описан перечень основных проблем в работе инфраструктуры похоронного дела, которые влияют на процедуру захоронения;

(3) Описано восприятие и устранение данных проблем с позиции ключевых акторов. Так, анализ действий локальных политических акторов объясняет логику и причины поддержания проблем в работе инфраструктуры с позиции местных управленческих институций; анализ принципов работы частных похоронных агентов открывает понимание социального мира данной группы акторов, что, в свою очередь, делает доступным понимание мотивов и взглядов на проблемы в работе инфраструктуры третьей группы акторов - родственников умерших.

(4) В заключении концептуализировано влияние данных системных проблем в работе инфраструктуры на социальные практики похоронного дела в современной России.

### **3.2. Похоронное дело в современной России: нормативный контекст**

Перед тем как приступить к анализу полевого материала, необходимо очертить нормативную рамку, в которой происходит исполнение основных функций похоронного дела в современной России. Большинство исследователей указывают на несовершенство законодательного регулирования, которое задает правила игры в похоронном деле<sup>186</sup>.

После распада СССР, первым нормативным документом в похоронной сфере, стал федеральный закон №8 «О погребении и похоронном деле», принятый

---

<sup>186</sup> Сюткин Г.Н. Ритуально-похоронные услуги...; Его же. Основы ритуально-похоронного дела...

в 1996 году Государственной Думой второго созыва<sup>187</sup>. Анализируя данный документ, можно выявить следующий структурообразующий принцип.

По своей нормативной логике, новый федеральный закон закрепил сложившийся статус-кво в управлении похоронным делом. Согласно формулировке закона, рынок ритуальных услуг полностью является сферой ответственности и регулирования государства с акцентом на местном самоуправлении. В федеральном законе прямо сказано, что органы местного самоуправления самостоятельно регулируют «похоронное дело» на подотчетной для них территории<sup>188</sup>. Согласно декларируемым полномочиям, местные органы самоуправления могут обсуждать, создавать и принимать локальные нормативные акты, регулирующие похоронное дело. Централизованного регулирования, за исключением базовых принципов оказания социальных похорон, нет.

Федеральная власть и местные органы самоуправления могут создавать специализированные коммунальные службы в сфере похоронного дела (например, для поддержания кладбища или для оказания услуги социальных похорон населению). При этом похоронное дело не субсидируется из федерального бюджета, а остается одним из пунктов расходов для местной социальной политики<sup>189</sup>.

При этом, в федеральном законе отсутствуют четкие определения того, чем является похоронное дело, что такое похоронный дом или ритуальное агентство, кто такой агент ритуальных услуг, что входит в спектр похоронных услуг.

---

<sup>187</sup> О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12.01.1996 N 8-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // "Собрание законодательства РФ", 15.01.1996, N 3, ст. 146, "Российская газета", N 12, 20.01.1996.

<sup>188</sup> *«Организация похоронного дела осуществляется органами местного самоуправления. Погребение умершего и оказание услуг по погребению осуществляются специализированными службами по вопросам похоронного дела, создаваемыми органами местного самоуправления» (статья 25.2).*

<sup>189</sup> *«Финансовое обеспечение похоронного дела осуществляется за счет средств соответствующих бюджетов в соответствии со статьями 9, 10, 11 настоящего Федерального закона».* В ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ

Отсутствует и четкое предписание взаимодействия между частными и государственными агентами, порядок отношений между ним<sup>190</sup>.

Однако самый важный принцип, в рамках поставленного исследовательского вопроса, заключается в следующем – похоронная инфраструктура закрепляется в качестве государственной собственности и объекта государственного управления. Такие ключевые инфраструктурные объекты, как кладбища, морги и крематории находятся в собственности или управлении федеральной и муниципальной власти (в том числе за министерствами здравоохранения, как в случае с моргами и трупохранилищами)<sup>191</sup>.

Таким образом, частным бизнес-структурам разрешено только производить и сбывать похоронную продукцию, а также организовывать саму процедуру похорон – например, перевозку или церемонию прощания; возможно владеть и сдавать в аренду катафалки и оказывать услуги перевозки, а также выполнять услуги подряда и вступать в концессионные соглашения<sup>192</sup>.

Как итог, новый федеральный закон не только де-факто, но и де-юре закрепил уже сформировавшийся статус-кво – похоронное дело является сферой

---

<sup>190</sup> Похоронное дело: поговорим о терминах [Электронный ресурс] // Ассоциация похоронной отрасли [сайт]. URL: <http://appomo.ru/informacija/pohoronnoe-delo-pogovorim-o-terminah.html> (Дата обращения: 12.02.2018)

<sup>191</sup> Здесь необходимо небольшое пояснение. Согласно Федеральному закону, в России нельзя открывать частные кладбища – частные компании могут только обслуживать их в рамках ГЧП (государственно-частного партнерства). Потенциальное открытие частного морга сопровождается довольно серьезными бюрократическими и технологическими проблемами - так морг можно открыть только без возможности проведения вскрытия и выдачи заключения судебно-медицинской экспертизы, то есть, по сути, как трупохранилище. При этом существуют серьезные риски, что использовать его как трупохранилище будет невозможно, если в субъекте федерации, например, будет принято предписание направлять все тела на вскрытие. Справедливости ради стоит отметить тот факт, что частному бизнесу разрешено открывать и содержать крематории и колумбарии. Однако по факту, это так же весьма затруднительно – необходимо огромное количество согласований и разрешений. На момент написания диссертационного исследования в стране действует всего два полностью частных крематория. Для сравнения – их количество в США на 2017 год приближается к 2400 крематориев.

<sup>192</sup> Бусыгина И. С., Кытманов Н. А., Хазов Д.Ю. Сервис на рынке ритуальных услуг: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 126с.; Ларионов О. А. Регулирование деятельности социально значимой сферы услуг (вопросы качества обслуживания) / Под ред. Л.А. Михайловой. Москва: Изд-во Экономическое образование, 2013. 224 с.; Рожков С. Ю., Зульфугарзаде Т. Э. Указ. соч.

ответственности / управления местных органов самоуправления, так же, как и вся похоронная инфраструктура. Местные власти должны самостоятельно принимать управленческие решения в похоронной сфере исходя из регионального контекста. Частным агентам предписано выполнение смежных ритуальных функций.

По факту, это привело к тому, что вновь организованным местным органам самоуправления достались в хозяйственное наследство и долговую нагрузку две основные проблемы:

(1) С одной стороны, это похоронная инфраструктура, испытывающая проблемы в работе – бесхозные и стихийно развивающиеся кладбища, спорные объекты инфраструктуры, отсутствие дорог и связи между населенными пунктами (в случае эвакуации мертвых тел), отсутствие системы моргов и долгого хранения тела, отсутствие катафального транспорта и так далее.

(2) С другой стороны, необходимость исполнения похоронной функции, как элемента социальной политики государства.

Данная нормативная рамка, закреплённая Федеральным законом, получила свое логическое развитие за счет и некоторых других нормативных коллизий<sup>193</sup>.

(1) В современной России не существует никаких специальных требований к созданию частной ритуальной компании и вообще определения, чем является подобная компания<sup>194</sup>. Ранее мы говорили о сложностях концептуализации похоронного дела в силу широкого спектра оказываемых в сфере услуг. В случае России оказывается, что определить, кто является участником рынка ритуальных услуг, практически невозможно. Похоронную компанию может открыть любое физическое лицо, без специального образования и необходимых лицензий<sup>195</sup>. По факту это приводит к тому, что подавляющее большинство частных ритуальных

---

<sup>193</sup> Как и было отмечено, МСУ самостоятельно регулируют похоронное дело, поэтому количество локальных нормативных актов исчисляется тысячами. В рамках данной работы, я остановлюсь только на структурообразующих нормативных документах.

<sup>194</sup> Сюткин Г. Н. Основы ритуально-похоронного дела; Его же. Организация ритуально-похоронного дела

<sup>195</sup> Система лицензирования была упрощена в 2003 году редакцией Федерального закона от 10 января 2003 г. N 8-ФЗ

компаний имеют юридическую форму индивидуального предпринимателя, пользуясь упрощенным налогообложением, или же не зарегистрированы вовсе<sup>196</sup>.

При этом сама мультифункциональность похоронной сферы приводит к тому, что разные виды деятельности похоронного агентства должны попадать под разное налогообложение. Например, ритуальными компаниями обычно используется налогообложение по схеме ЕВНД (Единый налог на вмененный доход), как на «бытовые услуги». Но продажа ритуальных принадлежностей должна уже попадать под налогообложение, как розничная торговля. Однако по факту, никакого разделения нет, так же, как никто и не проверяет это соблюдение подобного деления<sup>197</sup>.

(2) Не существует специальных надзирающих и регламентирующих органов, которые бы контролировали агентов рынка ритуальных услуг, а также функционирование похоронной инфраструктуры. Подавляющее большинство нарушений в сфере ритуальных услуг попадает под административную ответственность. Поэтому, по признанию одного из информантов, полиция и прокуратура не занимаются подобными нарушениями<sup>198</sup>.

(3) Отсутствует система ГОСТов и требований к качеству услуг и товаров, так же, как и к функционированию похоронной инфраструктуры. Основные документы в этой области отнесены к разряду рекомендаций. Например, *«перевозка умерших к месту захоронения осуществляется специализированным транспортом. Допускается использование другого вида автотранспорта для перевозки умерших, за исключением автотранспорта, используемого для перевозки пищевого сырья и продуктов питания»* – формулировка

<sup>196</sup> Демина И. Д., Меркущенко С. Н. Указ. соч.

<sup>197</sup> Ритуальный услуги или розничная торговля? [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. [Сайт]. 2009. URL: <https://www.eg-online.ru/consultation/69464/> (Дата обращения 14.05.2018)

<sup>198</sup> Второй причиной политики «политики невмешательства» является потенциальный саботаж ритуальных агентств – в случае проверок, ритуальные агентства просто перестают выполнять свою работу, что приводит к недовольству родственников умерших людей и создает социальную напряженность. Отсутствие регулирования и четких требований к качеству услуг и продуктов приводит к тому, что похоронные компании имеют возможности для оказания давления на местные власти, что в итоге способствует сохранению статуса-кво.

«специализированный» не указывает на технические особенности такого транспорта и меры по их соблюдению<sup>199</sup>.

(4) Существуют нормативные особенности, напрямую связанные с функционированием инфраструктуры. Как уже неоднократно было отмечено, в России большинство кладбищ находятся вне кадастра, то есть как юридических объектов их не существует. На тех же кладбищах, что есть в кадастровом плане, нет четкой карты и порядка распределения мест захоронений – подобные инфраструктурные объекты развиваются хаотично. Таким образом, в России нет единой системы статистики и учета того, кто и где захоронен и нет органов и структур, отвечающих за функционирование объектов инфраструктуры (де-юре за это должны нести ответственность муниципалитеты). Ни одна официальная институция в России не даст ответ – сколько кладбищ существует на территории страны, сколько на них захоронено людей, и, самое главное – кто именно на них захоронен<sup>200</sup>.

Тот же принцип действует и в отношении кремированного праха человека – никакой статистики учета места нахождения праха нет. В дополнение к этому, между субъектами федерации отсутствует механизм обмена информации о захоронении и движении мертвых тел и останков.

Подобная система учета отсутствует даже при процедуре выдачи тела из морга. Согласно требованиям закона, выдать тело могут только родственнику или ответственному лицу. При этом не установлено, кто и каким образом должен определять родственные отношения между покойным и тем, кто пришел забирать

---

<sup>199</sup> Например, существует постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 84 г. Москва "Об утверждении СанПиН 2.1.2882-11 "Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения"". Из него следует, что основные требования к устройству кладбищ носят рекомендательный характер. Так же существует национальный стандарт «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения. ГОСТ Р 53107-2008» и, однако он не содержит конкретных определений и принципов отнесения услуги / товара к ритуальным. Согласно этому классификатору, ритуальными является любая услуга / товар, участвующая в процедуре захоронения.

<sup>200</sup> Моляренко О. А. Государственные практики конструирования статистических иллюзий... С. 104-120. Её же. Местные СМИ о проблемах муниципальных кладбищ. С. 142-164.

тело. По факту забрать тело из морга может кто угодно, предъявив обычный паспорт.

Как итог – государство не требует предоставлять информацию о том, что происходит с телом мертвого гражданина (*куда и кто* его везет, и *где* происходит захоронение). Отсутствие вообще какой-либо системы государственной статистики позволяет самим похоронным компаниям не вести никакой собственной системы учета и отчетности. Не существует никаких инструментов проверки числа захоронений, проовхимых конкретным ритуальным агентством.

Подводя итог **нормативному контексту работы похоронного дела**, можно заключить следующее:

(1) Законодательная база о похоронном деле закрепляет институциональный статус-кво советской модели коммунального управления. Подтверждается следующий принцип разделения функций основных агентов рынка ритуальных услуг – государство (МСУ, федеральные органы и т.д.) имеют монопольное право на инфраструктуру, а частным агентам разрешено организовывать перевозку мертвого тела, техническое выполнение самого захоронения, продажа похоронной атрибутики.

(2) В это же время, местным органам самоуправления необходимо поддерживать и развивать вверенную им инфраструктуру, которая испытывает множество системных проблем функционирования при отсутствии бюджетирования и возможности пополнения этого бюджета за счет похорон. Можно было бы предположить, что эффективный менеджмент со стороны местных органов самоуправления потенциально мог бы привести к выведению в сторону прибыльности данных инфраструктурных объектов (как, например, это происходит к сфере здравоохранения), однако, как это было показано в главах ранее, похоронное дело и его объекты инфраструктуры являются убыточными, если не администрируются частным бизнесом, который устанавливает высокомаржинальную цену на услуги и использование объектом инфраструктуры.

(3) Нормативная база позволяет активно и достаточно гибко пользоваться проблемами в работе инфраструктуры – например, отсутствующая система учета и статистики захоронений позволяет использовать и развивать стихийные и бесхозные кладбища; отсутствуют требования к организации и открытию ритуальных агентств, позволяющие им функционировать стихийно.

Установив подобную нормативно-институциональную рамку похоронного дела, следующим логичным шагом в исследовании видится необходимость прояснения отношений и связей между ключевыми акторами. Это позволит выдвинуть ряд гипотез о роли сбоев в работе инфраструктуры в отношениях между ключевыми акторами.

Для иллюстрации характера связей сначала мы рассмотрим процесс организации похорон поэтапно, с участием каждого объекта инфраструктуры, а затем опишем зафиксированные в ходе полевой работы стратегии взаимодействия для каждого актора.

### **3.2. Проблемы в работе инфраструктуры в процессе организации похорон: к попыткам описания**

Итак, с одной стороны мы имеем объекты инфраструктуры, которые контролируются представителями местной власти. С другой стороны, мы имеем частные похоронные агентства, которым необходимо произвести захоронение, прибегая к ограниченной функциональности объектов инфраструктуры, а также родственников умершего человека.

Используя полевые записи и обобщающие примеры, я покажу как взаимодействуют основные акторы и какие основные проблемы, требующие исправления, в ходе похорон возникают. Начнем с разбора процесса похорон.

Современные российские похороны проходят обычно в несколько этапов. **Первый** из них заключается в транспортировке мертвого тела от места смерти к месту сохранения до дня похорон. Здесь может быть несколько вариантов, в зависимости от места смерти – дома, на улице или в больнице. Согласно данным статистики, большинство россиян умирают дома. Это связано с постепенным

сокращением больничных коек и ориентацией больных на умирание в домашних условиях. Таким образом, первый этап – это момент смерти, фиксация данного события и выбор родственниками умершего человека ритуальной компании, которая доставит тело в морг.

Медики сознательно устраниаются от решения проблем с перевозкой, так как знают, что местные власти стремятся максимально снизить нагрузку на государственную инфраструктуру (автопарк и т.п.)<sup>201</sup>. По признанию информантов из числа врачей и частных ритуальных структур, у местных властей нет необходимых автомобилей для перевозки трупов. Для их покупки нужны большие средства, так как автомобили должны быть специально оборудованы в соответствии с санитарными требованиями. Нарушение правил перевозки влечет всего лишь наложение административной ответственности, к тому же полиция опасается, что систематические штрафы приведут к коллапсу местного похоронного дела, т.е. саботажу похоронными агентствами своей работы и, как следствие, росту недовольства населения.

После того, как тело попадает в морг, начинается **второй этап**. Возможен случай, что тело не отправили на вскрытие, и вместо морга оно могло оказаться, например, в частном трупохранилище. Частное трупохранилище — это объект похоронной инфраструктуры, почти всегда функционирующий без лицензий и соблюдения санитарных норм. Построить и затем эксплуатировать частное трупохранилище легально крайне сложно. Это требует значительных инвестиций, к тому же, количество трупов, не требующих вскрытия (только такие трупы

---

<sup>201</sup> Федеральным законом от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», регулирующим отношения, связанные с погребением умерших, не предусмотрено предоставление услуги по вывозу тел умерших в морг для проведения судебно-медицинской экспертизы, либо патологоанатомического вскрытия на безвозмездной основе, в связи с чем, взимание оплаты указанной услуги правомерно. На сегодняшний день вопрос отнесения услуги по транспортировке тела умершего в морг является **спорным**, в связи с чем, каждое публично-правовое образование самостоятельно решает, относить или не относить данную услугу в разряд ритуальных. См.: Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 18.09.2008 по делу № А56-2663/2008, Постановление Пятого Арбитражного апелляционного суда от 04.05.2010 по делу № А51-1959/2010 решение АС Калининградской области по делу № А21-7662/2012, статья 19 Федерального закона №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», приказ Минздравсоцразвития от 12.05.2010 №346н

можно сразу везти в частный морг), зависит не от реальных обстоятельств смерти, а от наличия или отсутствия неформальных договоренностей между медиками, полицией, сотрудниками морга и представителями ритуальных агентств. Поэтому создателям частных трупохранилищ проще, например, платить штрафы, а не получать все необходимые справки и разрешения. Без неформальных договоренностей они просто не могут прогнозировать спрос на свои услуги. Согласно полевым данным, в городе С. местная предпринимательница оборудовала частный морг в гараже, она периодически выплачивает штраф размером в пять тысяч рублей. Во многих городах, где работают подобные частные морги, зачастую тела хранятся прямо в катафальных автомобилях<sup>202</sup>.

Как правило, морг встроен в сеть ритуальных агентов – к каждому моргу «прикреплены» свои похоронные агенты. Из записей полевого дневника: *«Увидел, как частная служба перевозки трупов аффилирована с главным патологоанатомом городского морга. Полиция и медики знают об этом и стараются направлять на вскрытие максимально возможное количество трупов, чтобы фирма, приближенная к патологоанатому, получала как можно больше заказов на перевозку. Медики и полиция получают вознаграждение и за «слив», и за заключение о смерти, содержащее требование провести вскрытие. Ритуальное агентство, связанное с патологоанатомом, включит эти небольшие выплаты в стоимость перевозки».* (ПМА: март 2016)

После проведения вскрытия зачастую выясняется, что смерть наступила по естественным причинам. Тогда тело можно забирать и хоронить. Следующий шаг - нужно договориться о подготовке тела и принять решение о покупке гроба и других похоронных принадлежностей.

Формально готовить тело к похоронам сотрудники государственного морга должны бесплатно, однако в реальности из-за отказа платить неформальную мзду

---

<sup>202</sup> В Ижевске нашли нелегальный морг [Электронный ресурс] // АиФ - Удмуртия. [Сайт]. 06.04.2015. URL: <http://www.udm.aif.ru/incidents/1483525> (Дата обращения: 14.05.2018); В Севастополе закрыли нелегальный морг [Электронный ресурс] // Новости Севастополя. [Сайт] 01.04.2016. URL: <http://www.xn--80adaloviiibealubdkg2v.xn--p1ai/rus/view-news/V-Sevastopole-zakryli-nelegalnyj-morg/25291> Дата обращения [14.05.2018]

за подготовку тела к похоронам можно оказаться в ситуации, когда тело будет выдано с большим опозданием и в ненадлежащем виде. Например, в одном из муниципальных моргов при попытке получить тело и отказе родственников платить за «бесплатные» услуги я наблюдал ситуацию, когда тело выдали с задержкой в четыре часа. Родственникам пришлось платить за простой катафалка, похоронной бригаде и бригаде копщиков. Согласно требованиям нормативных документов Минздрава России, тело должно быть «подготовлено к выдаче», но что именно входит в эту подготовку и каковы необходимые процедуры, не оговорено<sup>203</sup>. Из полевого дневника: *«В соседнем морге сотрудники открыли частную ритуальную компанию прямо на территории морга и оказывают услуги по «подготовке и выдаче тела», бальзамированию, бритью, одеванию и т.д. В другом морге в соседнем городе санитарка морга Наталья также организовала ритуальное агентство, предлагая родственникам умершего «услуги на месте». Как правило, ее клиентами становятся жители сельских муниципалитетов, которых до попадания трупа в морг не успевают перехватить городские ритуальные компании».* (ПМА: июль 2016)

Таким образом, как и в случае с перевозкой тела в морг, статус акторов и набор предлагаемых родственникам услуг представляет собой уникальную для данного конкретного морга констелляцию обстоятельств и интересов.

**Третий этап** проходит уже в сам день похорон. Санитары морга выносят гроб с телом покойного и ставят его на некое подобие постамента. В течение 10–15 мин. родственники подходят к телу, прощаясь с усопшим. Затем гроб грузят в катафалк и везут к дому покойного для проведения еще одной процедуры прощания. Труп и родственники передвигаются между точками на маршруте в катафалке. Как правило, это обычная грузовая машина или автомобиль для

---

<sup>203</sup> В Приложении № 1 Правила приема, регистрации. Хранения и выдачи трупов в судебно-медицинских моргах Приказа Минздрава СССР от 09.07.1991г. № 182 «О введении в практику «Правил судебно-медицинской экспертизы трупа» пунктом 2.3.2. было установлено, что «трупы выдаются в гробу (или соответственно местным национальным обычаям), обмытыми и одетыми; гроб доставляется лицами, осуществляющими погребение.» П.2.3.2.1. «подготовка и выдача трупов для погребения входит в обязанности санитаров морга. Запаивание металлического(цинкового) гроба не входит в их обязанности» П.2.3.2.2. «Санитарам морга запрещается взимание платы за услуги, связанные с туалетом и выдачей трупа».

перевозки пассажиров. В день похорон он выполняет одну из главных функций ритуального агентства — доставить людей из одной точки в другую.

**Четвертый этап** - это кладбище. Из записей полевого дневника: *«Относительно места на кладбище может быть два варианта. Администрация поселения при посредничестве агента может дать под захоронение участок на старом кладбище без указания конкретного места («хороните, где найдете»).* В случае, если клиенты заинтересованы в «хорошем месте», агент дал контакты человека, который «сможет помочь с местом». Наблюдаю, как один из клиентов выбирал между новым городским кладбищем, зарегистрированным в кадастре, и старым сельским погостом без официального юридического статуса. На городском кладбище за хороший участок ему пришлось бы выложить немалую сумму (около 50 тыс. рублей), которую бы по бумагам провели как оплату ограды с установкой» (ПМА: август 2016). В регионе, где проходило полевое исследование, нет крематория и колумбария, поэтому конечной точкой любого похоронного маршрута является кладбище. Кладбище, как и морг, — ключевая точка похоронной инфраструктуры, место встречи разнообразных акторов и место отправления неформальных практик похоронного дела.

Использование кладбища в качестве объекта похоронной инфраструктуры типологически схоже с использованием морга. Как уже указывалось, ответственным за содержание и развитие кладбища являются местные органы исполнительной власти. В зависимости от заинтересованности администрации в управлении этим процессом «смотрителем кладбища» может быть сотрудник администрации, родственники главы поселения, друзья или деловые партнеры.

Иногда муниципалитеты неформально передают кладбища под управление ритуальным компаниям в обмен на регулярные выплаты и бартер: захоронение не востребовавшихся родственниками тел, содержание кладбищ, уборку и т.д. — т.е. выполнение функций социального государства вместо самих органов МСУ.

Отсутствие у кладбищ формального статуса, с одной стороны, выгодно для местных властей, с другой — создает массу сложностей. Одно из стихийных

кладбищ в регионе моего исследования лишилось подъездной дороги: оно было весьма популярно, так как располагалось недалеко от федеральной трассы, от которой к кладбищу вел проселок. После капитального ремонта трассы съехать на проселок к кладбищу стало нельзя: трассу отгородили отбойниками безопасности. Согласно генеральному плану развития территории, никакого кладбища рядом с дорогой не было, а земли, занятые кладбищем, были обозначены как земли сельхозназначения. Кладбище спустя какое-то время после завершения ремонта федеральной трассы продали агрофирме под размещение теплиц. Другая проблема — обслуживание и уборка кладбищенской территории. В моем присутствии глава сельского поселения безуспешно пытался решить проблему с поваленными деревьями на сельском кладбище. Формально кладбища не существовало, деревья и территория кладбища относились к лесхозу, подчиненному федеральным властям.

Кладбище является последним звеном в инфраструктурной цепочке, которая обеспечивает захоронение тела. Поминки, распространенные в России в качестве, возможно, единственного унифицированного похоронного ритуала, не включены в список услуг, которые оказывают акторы похоронного бизнеса. Похоронные компании могут помочь арендовать кафе и довезти до него родственников, однако такие услуги почти не востребованы.

Я могу сделать вывод, что описанная этапность похорон в целом характерна для большинства проводимых в современной России похорон: **(1) место смерти - (2) морг или место сохранения тела - (3) зал прощания / отпевания - (4) кладбище / крематорий.** Подобное утверждение имеет под собой основания благодаря сравнительному контексту нескольких регионов, дополнительному исследованию работы похоронного дела в Москве и Московском регионе, а также благодаря обширному пулу публикаций в СМИ.

Теперь, ознакомившись в этапностью похорон и некоторыми ключевыми сбоями в работе инфраструктуры, логично рассмотреть более детально этот процесс, остановившись подробно на возникающих сбоях в работе инфраструктуры.

Сама подготовка к похоронам обычно начинается в день смерти человека и продолжается все дни вплоть до самой процедуры погребения. Помимо выбора похоронных принадлежностей, на первом и втором этапе решаются явные инфраструктурные проблемы. Например, происходит поиск хорошего места на кладбище; принимается решение, как будет выполнен подвоз гроба с телом и его транспортировка до могилы; планируется и расписывается маршрут движения катафального транспорта; подготавливается место захоронения. Одна из главных задач представителя похоронной компании сделать так, чтобы в сам день похорон не произошло никаких накладок, и разорванная инфраструктурная цепочка замкнулась. На всех инфраструктурных точках похоронная процессия должна появиться вовремя – в морге, на месте прощания, на кладбище.

Здесь проявляется первая и самая важная черта российской инфраструктурной среды – это пространственность, а точнее – удаленность в пространстве друг от друга всех объектов. Морг, кладбище, место прощания могут находиться за несколько десятков километров друг от друга. Путь между основными точками инфраструктуры занимает большую часть времени похорон. Среднее время похорон (без учета поминок) по моим собственным наблюдениям равняется 3-3,5 часам, из которых не менее 2-х часов занимает процесс перевозки и погрузки/выгрузки гроба и тела. Остальное время равномерно распределяется между ожиданием, довольно быстрым отпеванием/прощанием и погребением в землю. Один из информантов, работающий в похоронном деле, объясняет это так. Во-первых, все похороны проходят в первой половине дня. В крайне редких случаях похороны проходят после полудня. На этом настаивают родственники умерших, и это согласуется с графиком работы большинства моргов. Во-вторых, плата взимается не за километраж, хотя он тоже учитывается, а за время. Поэтому именно время работы имеет принципиальное значение. За несколько часов можно провести несколько похорон или одни похороны, получив сопоставимую оплату. Разумеется, одна похоронная бригада предпочитает второй вариант, обслуживая максимум две похоронные церемонии в день.

Показателен тот факт, что в момент планирования похорон между родственниками и частными похоронными агентами обсуждается именно «время», как единица измерения похоронной услуги. То есть помимо оплаты гроба и других принадлежностей, оплачивается именно временной период, на который арендуется катафалк и похоронная бригада. Таким образом, само предварительное планирование похорон необходимо для корректного расчёта времени передвижения траурного кортежа<sup>204</sup>. Именно передвижение между объектами инфраструктуры стало основной услугой похоронных агентств.

В дополнение к этой пространственной особенности необходимо отметить и специфику российских похорон, которая состоит в стремлении следовать традиции исполнять погребение в течение трех дней. По сути, похоронное агентство должно в этот довольно короткий срок организовать весь комплекс похоронной логистики. Как правило, не хватает времени для организации каких-либо церемониальных действий: сам процесс подготовки к захоронению, решения инфраструктурных проблем и передвижения подменяет ритуал.

**Первая временная и пространственная точка**, с которой начинается инфраструктурная сборка похорон – это точное время выдачи тела в морге и его расположение. Этот момент всегда обговаривается заранее. Функцией похоронной компании является гарантия того, чтобы тело в морге было выдано вовремя (и желательно в удобное время) и без каких-либо косметических проблем у тела. Это одна из основных услуг, которую оплачивают родственники. Похоронная бригада обеспечивает подъезд катафального транспорта к воротам выдачи тела, вынос и погрузку гроба. Похоронная компания — это своего рода

---

<sup>204</sup> Интересен тот факт, что устранение проблемы удаленности объектов инфраструктуры друг от друга, Гарри Ладерман называет одним из главных достижений американской похоронной индустрии. Собственно, американский «похоронный дом» (funeral home) — это инфраструктурный результат решения этой проблемы, когда в одном месте находится зал прощания, морг, магазин необходимых похоронных принадлежностей, комната бальзамировки и даже часовня. В ряде штатов, похоронным домам разрешено иметь в собственности и кладбище. По мнению Гарри Ладермана, появление таких автономных объектов позволило индустрии сосредоточиться на развитии церемонии прощания, бальзамации и т.д. См.: Laderman G. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*; Idem. *The Sacred Remains: American Attitudes Toward Death, 1799–1883*. Yale University Press, 1996. 238 p.

посредник между моргом и родственниками, который обеспечивает «нормальную работу» этого учреждения.

Вокруг этой временной отметки выстраивается последующее расписание похорон – от того, во сколько выдадут (и выдадут ли вовремя) тело, зависит, во сколько его нужно будет привезти (и как везти) к месту отпевания или прощания, в какое время будет ждать бригада копачей на кладбище. Любые временные сдвиги приводят к серьезным издержкам. Из записей полевого дневника: *«Сегодня были на похоронах. Начались в 10 часов, а по факту закончились почти в 15:00, как опустили и закопали гроб. Час, если не больше, прождали у морга, потому что И. не хотел платить деньги моргу за выдачу тела. У них там опять конфликт. В итоге санитары использовали стандартную практику затягивания времени – говорят, что тело еще не готово. Чтобы было готово, и выдали вовремя – надо заплатить. Родственники ходили злые, потому что час сидели у морга, а в итоге все сдвинулось по времени. В конце концов плюнули – заплатили и получили тело. На кладбище так же пришлось снова заплатить, чтобы дали попрощаться с телом, а не быстро закопать как хотели копачи. Все спешат побыстрее все сделать».* (ПМА: март 2017)

Практика дороги/пути и похоронной процессии связывается с катафальным транспортом, как элементом инфраструктуры. Любая новая ритуальная компания начинает свое развитие с двух вещей – формирования необходимой сети информаторов и покупки катафального автомобиля. Из записей полевого дневника: *«Спрашиваю сегодня – что самое важное, что есть у ритуальной компании? На чем держится все и во что инвестируются средства? Получил хороший ответ – катафалк. Единственное, во что вкладывают свои деньги ритуальные компании. Производства своего нет, инфраструктуры нет, зданий нет (не считая офиса, где никто и никогда не бывает). Остается катафалк – лицо любого похоронного бюро. Как театр начинается с вешалки, так ритуалка с катафалка».* (ПМА: март 2017)

В сравнении с западными похоронными рынками, где катафальные автомобили сдаются в аренду и оказываются отдельные услуги по их найму, в

России существование ритуальной компании без катафалка невозможно. Современные российские катафалки это, как правило, большие пассажирские автобусы (Ford, Mercedes, Peugeot, Газель, ПАЗ) или другие автомобили с возможностью перевозки гроба. Грузовые автомобили, используемые, как катафалки, обязаны своим появлением СССР, когда не просто не существовало возможности не заказать специальный катафальный седан, но найти какую бы то ни было машину для перевозки гроба было довольно проблематично. Как правило, для этих целей использовались простые грузовые автомобили и автобусы. Отсутствие дорожного покрытия, тяжелые погодные условия делали даже потенциальную возможность использования катафалка-седана невозможной – на большинство кладбищ такой автомобиль просто не проедет<sup>205</sup>.

**Как итог,** в случае современной России, именно удаленность инфраструктурных объектов друг от друга и необходимость попасть к каждому объекту в заранее оговоренное время переводят режим похорон в процесс проблематичной транспортировки тела между этими объектами, придавая самому пути структурообразующую роль. Пространственная и временная характеристика инфраструктуры оказывается тесно связанной как со значением дороги/пути, так и с состоянием постоянных системных сбоев в работе инфраструктуры.

**Следующий пункт,** испытывающий серьезные проблемы функциональности — это кладбище. Взаимодействие с ним начинается с самого начала подготовки похорон. Равно, как и морг, кладбище является неотъемлемым пунктом похоронного маршрута, так как услуга кремации для большинства

---

<sup>205</sup> Анна Соколова приводит такой пример: *«Еще одна интересная деталь похоронного обряда в пос. Соколье связана с тем, что до 1997 года единственной дорогой, ведущей в него, была узкоколейная железная дорога. Чтобы доставить гроб с телом покойного на кладбище также пользовались железной дорогой: «молодая пара могла ехать и на пожарной машине. Почему? Потому, что у нас здесь дороги были ужасные. Вот наша дорога – асфальт – он с 97 года, она молодая. А когда не было этой дороги, у нас была железная дорога. Порой, знаете, бывало, как, едет паровозик, едет, например, за ним идет вагончик, а может за вагончиком быть платформа, на ней могут машины ехать, или с молодыми, или вот с похоронами. [В. И покойника так же везли?] И покойника также».* См.: Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда. С. 187–202.

жителей российских регионов не доступна<sup>206</sup>. От расположения кладбища, его доступности для катафального транспорта и режима функционирования зависит не просто итоговая стоимость похорон, но и весь сценарий похорон. Из записей полевого дневника: *«Один из первых вопросов, который задают ритуальщики при организации похорон – где будут хоронить человека? Это принципиальный момент сразу по нескольким пунктам. Понятно, что, во-первых, ритуальщики пытаются понять - можно ли заработать на посредничестве по продаже, поиску места захоронения и т.д. Но гораздо в большей степени – сколько туда везти по времени, как туда везти, как там копать могилу и т.д.»*. (ПМА: март 2017)

Самое главное на кладбище — это выкопать могилу и подготовить доступ к месту захоронения. Здесь возможно несколько сценариев. Если место новое, то есть захоронение осуществляется не в родственную могилу, то оно, как правило, находится на открытой площадке. Соответственно проблема подготовки могилы в данном случае осложняется только особенностями почвы и потенциальной возможностью затопления водой. В таком случае, родственникам необходимо найти и получить такое место, которое не будет размыто грунтовыми водами и паводками. В дополнение к этому, переведенные в разряд рекомендаций санитарные нормы в 2011 году позволяют копать могилу на любую приемлемую глубину. Место также должно быть свободно от деревьев, иметь свободный доступ, находиться ближе к проходу.

Во втором случае, если уже есть родственное захоронение, то сама подготовка места захоронения усложняется. Процесс копки могилы включает в себя первичный демонтаж рядом находящейся ограды, лавочки и других объектов, которые мешают с доступом к месту захоронения, а также рытье могилы. Процесс копки могилы, как отмечалось выше, может быть осложнен

---

<sup>206</sup> В исследуемом регионе отсутствует крематорий, колумбарные ниши и вообще культура, сопутствующая процедуре кремации. Нужно отметить, что в России один из самых низких уровней кремации среди европейских стран – всего в стране работает 16 крематориев, то есть 1 крематорий на 9 миллионов жителей страны. К примеру, в США их действует около двух тысяч крематориев, а уровень кремации растет с каждым годом. Так же стоит добавить, что официальной статистики по количеству захоронений и кремации в России не ведется.

особенностями почвы, температурного режима, «историей захоронения». Из записей полевого дневника: *«Сегодня копали могилу почти 5 часов. Начали рано утром, в шесть. Темно и холодно, не говоря уж о том, что кладбище далеко, и к нему не проедешь. С фонарями на лбу, начали очищать место – ограду переместили, чтобы можно было подойти. Потом ломом долбили верхний слой [...] Пока землю копали – кости какие то, железки и самая ужасная проблема могильщика – камень. Оказался большой булыжник, еле-еле достали, ушло на это еще час. Кости складывали рядом».* (ПМА: июль 2016)

Как уже отмечалось, большинство муниципальных кладбищ не находится на кадастровом учете, что по факту обозначает их бесхозный статус. За кладбищами попросту никто не ухаживает и не отвечает за то, что на них происходит. Как правило, даже старые и зарегистрированные кладбища не прошли инвентаризацию – не определены четкие границы захоронений и даже их количество. Таким образом, на большинстве кладбищ даже сами могилы расположены хаотично, не имеют четкого размера и границ, а доступ к ним может быть ограничен не только оградями, но и поваленными деревьями, бытовым мусором и просто особенностями ландшафта. Из записей полевого дневника: *«Парадоксально, но в процесс подготовки места погребения включается даже очистка дорожки до могилы. Пока дойдешь, можно сломать все ноги в оврагах, кочках, каких-то непонятных траншеях. Дорожек никаких нет. Повезло тем, кто хоронит по теплой и сухой погоде. В снег, в ливень – пройти невозможно. Два дня уходит только на то, чтобы подготовить не просто саму могилу, но и подход к ней. Наблюдаю как привезли специальный песок для того, чтобы посыпать дорожку – иначе родственники упадут по льду и снегу».* (ПМА: июнь 2016)

В ряде случаев мне удалось зафиксировать, как похоронная бригада транспортировала гроб с телом на собственных руках, потому что катафальный транспорт не мог проехать не только к могиле, но и к самому кладбищу, находящемуся в углублении леса, с опасностью забуксовать для автомобиля.

К другим инфраструктурным сбоям, которые может преподнести кладбище, относится и несколько весьма неожиданных моментов. Например, могила всегда копается под определенный гроб – имеет значение не только длина гроба, но и ширина колодки – то есть самой широкой части. Как уже отмечалось, в России не существует централизованного производства гробов равно, как и системы контроля их качества и соответствия ГОСТу. Поэтому зачастую гробы изготавливаются в весьма вольной форме. К тому же, зачастую на весьма невысокого человека покупается (или привозится и путается) длинный гроб. В ряде случаев я наблюдал, как бригада копачей вынуждена была докапывать могилу, потому что гроб попросту не влезал по ширине колодки или по длине гроба. Из записей полевого дневника: *«Хоронили мужчину, родственники прождали целый час на кладбище, пока докопают могилу. Причина банальна – гроб оказался не того размера и просто не влезает в могилу. По телефону сказали копачам один размер, а по факту вышел другой. Пришлось заново стенки ровнять, примерять, землю убирать и т.д.»*. (ПМА: июнь 2016)

Таким образом, практически все действия на кладбище должны находиться под строгим надзором для того, чтобы инфраструктура не вышла из-под контроля. Это относится не только к сфере ответственности похоронного агентства, которое взялось исполнять похороны, но и к родственникам, которые должны наблюдать за тем, как происходит процесс подготовки похорон. Между родственниками и похоронными компаниями существуют серьезное недоверие, основанное на убежденности клиентов похоронной индустрии о том, что, во-первых, их могут обмануть, а во-вторых, могут не досмотреть и пропустить что-то важное, что отразится на похоронах.

Кладбище не является чем-то уникальным в плане возможных инфраструктурных поломок. То же самое происходит и в морге, где холодильники выходят из строя, а пропускные мощности инфраструктуры не справляются с потоком мертвых тел. То же самое происходит и в момент перевозки тела с места смерти человека до морга, когда у государственных санитарных служб не хватает бензина и автомобилей для того, чтобы вывезти

тело вовремя. То же самое происходит и с установкой надмогильных памятников, когда земля осыпается и проваливается, потому что гроб был сделан из фанеры и под тяжестью земли быстро обвалился и т.д.

Собственно, подобный контекст и приведенные примеры позволяют утверждать, что в каждом конкретном случае организации похорон набор инфраструктурных сбоев уникален и спланировать его заранее невозможно – на сбой может оказать влияние даже погода. Однако, если все же попытаться структурировать и обобщить основные проблемы функциональности, получается следующее.

Основные инфраструктурные объекты похоронного процесса это:

- место смерти;
- морг и кладбище, находящиеся между собой на значительном удалении и имеющие проблемы доступа;
- место прощания / отпевания.

Соответственно, другим инфраструктурным объектом является дорога (проезд) и катафальный транспорт. Не менее важными инфраструктурными единицами являются бригада копачей, санитары морга, священнослужитель, администрация объектов (people infrastructure)<sup>207</sup>.

Основные проблемы / ограничения в работе материально-технической инфраструктуры:

- невозможность вовремя забрать тело из морга;
- опасность косметических недостатков у тела;
- затруднённый физический доступ к кладбищу;
- невозможность найти (купить / получить) место под могилу, подготовить захоронение из-за сложностей ландшафта (деревья, ограды);
- пронос гроба до места захоронения;
- сложность подбора похоронных аксессуаров (размер, стоимость).

---

<sup>207</sup> Simone A. People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // Public Culture. 2004. Vol. 16 (3). P. 407–429

**Важная черта похоронного дела** — окказиональность, случайность предлагаемых наборов услуг по операциям с мертвыми телами, отсутствие стабильного сценария работы этой деятельности, отсутствие устойчивых связей между акторами, многообразие, вариативность конкретных форм «смычки» моргов, перевозчиков, ритуальных агентов и представителей государства. Устройство похоронного дела как бы дублирует свойства похоронной инфраструктуры *per se*: несвязность, отделенность элементов друг от друга, их вариативность, наложение и взаимное дополнение формальных и неформальных элементов.

Подводя итог данному параграфу, **можно заключить следующее.**

Инфраструктура похоронного дела испытывает серьезные проблемы в работе на каждом из этапов. Сами похороны, представляя собой транспортировку мертвого тела через основные инфраструктурные точки, на каждой из которых возникают какие-либо проблемы функциональности, прогнозировать которые достаточно сложно.

По признанию ряда информантов, подобное положение дел расценивается, конечно, как *«ненормальное»*. Однако не происходит никаких попыток структурного изменения этого состояния, наоборот: происходит символизация и даже рационализация постоянного ремонта.

Почему так происходит? Как и почему проблемы в работе инфраструктуры воспринимается как нечто естественное? Далее мы попробуем ответить на этот вопрос с учетом вышеописанных особенностей организации похорон и инфраструктурных сбоев, но уже с позиции трех ключевых групп акторов — местных органов самоуправления, частного похоронного бизнеса и потребителей услуг.

### **3.3. Региональное похоронное агентство: устранение проблем в работе инфраструктуры как услуга**

Из представленных выше полевых материалов и описания принципов работы инфраструктуры уже можно сделать ряд структурных выводов о

принципах работы похоронного агентства, однако в рамках данной части я попытаюсь представить, каким образом устранение сбоев в работе инфраструктуры стало основной услугой похоронного агентства. Начать можно с общих особенностей и характеристик.

В больших городах похоронные компании имеют первичные признаки юридической организации частного бизнеса. Как правило, официально в штате числится только учредитель и в крайних случаях еще несколько человек. Остальные акторы ритуального рынка работают без официального трудоустройства, заработная плата им выплачивается сдельно в зависимости от выполненных работ. Например, за каждые обслуженные похороны или за каждую выкопанную могилу. В этом фокусе сохраняется схожая структура распределения труда, аналогичная тому, что существовала в Российской империи или на ранних этапах развития похоронного дела в Европе.

В это же время, многие небольшие ритуальные компании не регистрируются как юридическое лицо. Как правило, подобная «теневая» форма ритуальных агентств распространена для сельских регионов, где по институциональной инерции похоронной деятельностью граждане продолжают заниматься самостоятельно, без обращения в районный центр и т.д., а обращаются к уже известным людям. Такие ритуальные «компании» в таком случае осуществляют весь цикл похорон – транспортируют в морг (если есть, но как правило тело остается дома), предоставляют транспорт в день похорон, продают ритуальные принадлежности, подготавливают место захоронения. Иными словами, они самозахватывают местную похоронную инфраструктуру.

Вся выручка чаще всего проходит только первичную бухгалтерию – то есть осуществляется общий учет аккумулируемых средств и их дальнейшее распределение между агентами сети. Несмотря на потенциально высокий уровень маржинальности бизнеса в сфере услуг, большинство поступаемых средств уходит на поддержание неформальных связей сети. Подобные приблизительные расчеты можно провести и самостоятельно. Средняя цена похорон в регионе для больших агентств порядка около 60 тысяч рублей. Количество похорон – 120 в

месяц. При этом оплата услуг информаторов обходится приблизительно в 15 тысяч рублей, к этой сумме прибавляется оплата услуг морга – 20 тысяч рублей. Из записей полевого дневника: *«Интересные цифры сегодня услышал. Надо будет сравнить с американскими цифрами и в Англии. Смысл такой: средняя цена похорон около 50-60 тысяч рублей. Агентство К. делает около 100-110 похорон в месяц. В месяц имеют около 6 миллионов рублей выручки. При этом около 3.5 миллионов рублей уходит на оплату сливов, решения проблем с участковыми, полицией, администрациями и т.д. Занимательная арифметика. Агентство работает на поддержание сети. Надо будет еще достать информации по цифрам».* (ПМА, август 2016) Это крайне показательные цифры в сравнительном контексте – средний американский похоронный дом организует порядка 120 церемоний в год, однако годовые обороты приблизительно равны. Главное отличие, что российскому похоронному агенту необходимо проводить гораздо большее количество похорон для обеспечения маржинальности.

Как правило, ритуальное агентство по уровню доходов владельца сопоставимо с представителями среднего бизнеса – кафе, ресторанами, ремонтными мастерскими. В месяц владелец ритуального агентства в регионе получает от 50 до 150 тысяч рублей, в зависимости от размера агентства, что, конечно же, сильно выделяет его в сравнении с зарплатами наемных рабочих<sup>208</sup>.

Однако в сравнении с другими представителями регионального частного бизнеса, владелец ритуального агентства имеет ряд конкурентных преимуществ. Главное из них — это отсутствие закреплённой юридической формации и определенная стихийность институционализации – ритуальный бизнес нельзя купить и нельзя выполнить его рейдерский захват – его фактически нет. В дополнение к этому, в изучаемом регионе, большинство похоронных компаний имеют в названии слово «ритуал» (или название вообще состоит только из этого слова); в отдельных случаях и содержится указание на принадлежность к государственным структурам (например - «городская похоронная служба»).

---

<sup>208</sup> Средняя зарплата в изучаемом регионе составляет 35 тысяч рублей.

Подобная мимикрия позволяет самоопределяться агентствам как представителям городской службы, а также избегать негативной идентификации.

Организовать или открыть «со стороны» собственную компанию в сфере похоронных услуг практически невозможно. Для входа в этот бизнес существует несколько труднопреодолимых барьеров. Прежде всего, речь идет о необходимости налаживания контактов для получения заказов. Для этого нужно обладать существующими неформальными связями на одном из инфраструктурных объектов – в морге, на кладбище или в момент транспортировки тела; иметь того, кто будет предоставлять информацию компании об умерших. В каждом морге должны уплачиваться установленные таксы, а на каждом кладбище соблюдаться принципы копки могилы – например, на одном погосте нельзя копать никому кроме конкретной бригады, обслуживающей данный объект, в то время как на другом – можно. В изучаемом регионе случилась неприятная история, которая также иллюстрирует это утверждение. Из записей полевого дневника: *«У К. резкий обвал клиентов. Парни из бригад жалуются, что похорон сейчас почти нет. А история трагичная и показательная одновременно. Ему все сливы делала дама со станции скорой помощи. Слива много и постоянно, там целая агентурная сеть. Так вот, у нее случилось горе – выпала из окна дома ее дочь, разбилась насмерть. Она решила, что это наказание высших сил за все похоронные грехи. Мол, Бог наказал за то, что торговала мертвыми. Устроила истерику, сливать прекратила. Интересно, как быстро К. заткнет пробойну в своей инфраструктурной сети».* (ПМА, декабрь 2016)

Это становится возможным, исходя из структурообразующего принципа, описанного ранее – инфраструктура контролируется представителями власти, а ритуальным компаниям в любом случае приходится с ней взаимодействовать. Поэтому одной из приоритетных стратегий для ведения бизнеса является установление неформальных кооперативных отношений между инфраструктурой и частными агентами. Таким образом, исправление сбоев в работе инфраструктуры неформально делегируется частным агентам.

По этой причине, полностью неформальный характер похоронного дела исключает и появление крупных федеральных игроков<sup>209</sup>: для того, чтобы ритуальная компания успешно функционировала, необходимо поддерживать неформальные связи во всей сети. Существуют монополизаторы в этой сфере, например, ГБУ «Ритуал» г. Москва. Но они функционируют только в конкретном регионе в то время, как в Европе, Америке, Канаде и Австралии существуют национальные похоронные корпорации, такие как SCI (Service Corporation International) в Америке, Австралии, Германии или PFG (Pompes Funèbres Générales) во Франции.

Директор похоронного агентства — это всегда тот, кто налаживает и поддерживает все неформальные связи сети. Стандартная история открытия похоронной компании в таком контексте выглядит следующим образом. Есть родственник или близкий человек, который имеет доступ к инфраструктуре: моргу или кладбищу. Этот человек может оперативно делиться информацией об умершем человеке или берет на себя функцию решения возникающих проблем. В таком случае открывается ритуальная компания, главная цель которой состоит в агентской связи всей инфраструктурной цепочки. Из записей полевого дневника: *«Если А. вдруг нужен гроб, то он возит клиентов в М. и они там вместе покупают все что нужно. Иногда, какие-то гробы делают сами, в гараже у него лежат. Самих клиентов ему поставляет местный священник, отец С., с которым у них какая-то особая форма картели. В храм никого больше отпевать не пускают кроме своих клиентов. В дополнение к этому А. продает места на местном кладбище, осуществляет подготовку места захоронения – роет могилы, ограды ставит и т.д. Самое крутое, что А. все тут знают, как «директора кладбища». Говорил с местными, они мне: «Без А. никак нельзя*

---

<sup>209</sup> В одном из частных исследований, проводимых мной для крупной федеральной компании, которая показывает убыток на протяжении последних 7 лет, было установлено, что федеральная компания подобного рода не может работать в теневом секторе, где присутствует огромное количество игроков с разными понятиями о стоимости услуг. Например, в одном морге просят 10 тысяч рублей за услуги по омовению тела, в другом 15 тысяч рублей. Подобная компания не может проводить похороны и все сопутствующие расходы без официального учета. Поэтому региональные представительства компании показывают убыток, предпочитая оставлять все похороны в теневом секторе экономики.

*похорониться, он кладбищем заведует». Спрашиваю: «А кто его назначил туда?». Отвечают: «Дык он сам». Вообще конечно поразительная правовая безграмотность. Как я понял, его фирма существует уже больше 10 лет благодаря родственным связям с чиновницей из местной администрации. Она и клиентов тоже ему поставляет. Когда родственники приходят оформлять свидетельство о смерти или просить о предоставлении места для захоронения, она им сразу советует обратиться к А., «он же директор кладбища». Помимо А. у него в фирме еще работает 2 человека, которые составляют похоронную бригаду. Названия у них никакого нет. [...] Вообще хорошо, что он хотя бы тела у себя не хранит, как в М., где трупы на ночь в машине лежат. Надо узнать про А. побольше и попытаться у него что-нибудь купить». (ПМА, сентябрь 2016)*

*Зачастую, ритуальные компании могут открывать и санитары морга. В одном из случаев, подобный бизнес был организован санитаркой морга, которая имела возможность предложения ритуальных услуг родственникам умерших прямо на месте. Из записей полевого дневника: «Про Л. надо говорить, конечно, отдельно. Очень предприимчивая. [...] Ей около 55 лет, несколько детей. Всю жизнь работает санитаркой в морге. Выписывает и отдает все необходимые бумажки, распределяет - кому и когда выдавать тело. Берет плату за все те же непонятные услуги морга. [...] Круто, что у нее при этом есть еще и своя ритуальная фирма. Раньше просто продавала гроб, венок, убранство прям тут в морге, а недавно сняла офис. Отсылает клиентов туда. Легко берет в аренду катафалки у ритуальщиков – никто с ней ссориться не хочет. Так же если где у кого – гробик недостающий и т.д. Оборот у нее небольшой, делает около 3-4 похорон в месяц. Клиенты – сельские жители, которых еще не успели перехватить другие. В разговоре с СИ, когда забирали тело, жаловалась, что не хватает денег на ремонт ее третьей квартиры. По-моему, работники государственных инфраструктур больше всего получают с ритуалки». (ПМА, сентябрь 2016)*

Именно поэтому в ритуальный бизнес не приходят «со стороны». Любой новый игрок имеет привязку к старому агенту локального ритуального рынка –

это может быть представитель местной администрации, полиции, скорой помощи или же он сам является таким инфраструктурным «держателем». В отдельных случаях – новый игрок имеет привязку к другой ритуальной компании.

Последнее является своего рода карьерным ростом для любого работника похоронного дела. Придя в бизнес работать простым членом похоронной бригады, спустя время, завязав знакомства с другими участниками рынка и получив необходимые связи на инфраструктурных точках, такой работник пробует открыть собственное ритуальное агентство.

Как было показано, владелец ритуального агентства — это ключевая фигура, вокруг которого выстраивается вся сеть. Стать владельцем ритуального агентства можно благодаря нескольким факторам: личное знакомство с ключевыми участниками и представителями инфраструктурной цепочки похорон или с помощью карьерного роста из рядового члена похоронной бригады, а также путем обзаведения вышеобозначенными связями.

Участники похоронных бригад не работают исключительно в одном ритуальном агентстве, а могут выполнять заказы для разных компаний. Работники локального рынка ритуальных услуг не просто всегда знакомы друг с другом и составляют одно профессиональное сообщество, но и обязательно являются бывшими «сослуживцами». Фактически каждый из значимых акторов, присутствующих в бизнесе, какое-то определенное время работал ранее в нескольких других ритуальных фирмах и всегда поддерживал связи с другими участниками рынка.

Зачастую семьи работников рынка ритуальных услуг сами приходят в данный бизнес, и поэтому с годами появляются целые семьи, которые поколениями занимаются этим бизнесом. Например, в одном из случаев, мама семьи работает в местной администрации и предоставляет информацию о новых умерших. Отец семейства по факту играет роль ритуального агента, а сын администрирует работу похоронной бригады. В другом случае, семейная пара работает в ритуальном агентстве в качестве рядового грузчика похоронной бригады и продавца ритуальных принадлежностей.

Как итог, можно заключить, что похоронное агентство представляет собой скорее симбиоз спонтанно оказываемых услуг, чем какой-либо оформленный бизнес-процесс<sup>210</sup>. Эта форма деятельности системно не регулируется и не контролируется государством и надзорными органами; он может быть официально не зарегистрирован, а в случае официальной регистрации не вести систему учета и статистики; его работники осуществляют свою деятельность в теневом секторе экономики и не привязаны к конкретным компаниям. Само похоронное агентство имеет одного ключевого работника – его директора.

Из представленного описания становится очевидным серьезное отличие российского похоронного дела от западных моделей, несмотря на их широкую вариативность. Первым серьезным отличием является стихийная организационная структура и слабая институционализированность похоронных бизнес-процессов. По сути, похоронное агентство — это не частная бизнес компания, а формация самых разнообразных акторов вокруг конкретных инфраструктурных объектов. Само функционирование этой системы возможно только благодаря налаженным сетевым связям и состоянию системных сбоев в работе данных объектов.

В случае похоронного дела, проблемы иллюстрируются примерами торга на инфраструктурных объектах, когда не существует единых цен для одних и тех же услуг и единого/открытого доступа к ним, присутствуют элементы саботажа, а организация конкретных похорон складывается всегда ситуативно исходя из сиюминутного технического состояния объектов. Системные проблемы в работе инфраструктуры являются главной характерной чертой похоронного дела и условием его стабильности.

Инфраструктурные проблемы и дисфункции сводятся в итоге к неопределенности, которая с одной стороны, заключается в уже отмеченной слабой институционализации, а с другой – в самих фактах сбоя инфраструктуры,

---

<sup>210</sup> О схожих экономических формациях см: Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.; Селеев С., Павлов А. Указ. соч.

которая становится «рабочей» только, если обладать необходимыми «ремонтными» навыками.

Д. Старк утверждает, что предпринимательство на основе неопределенности намеренно поддерживает различные типы оценивания ситуации, превращая конфликты оценивания между акторами в ресурс<sup>211</sup>. Как отмечает Старк, предприниматель отличается в этом контексте от посредника, потому что он не просто заполняет разрывы между акторами сети, а превращает эти разрывы в ресурс и управляет ими. В случае похоронного дела это выражается в намеренных сбоях инфраструктурной сети.

В этом фокусе, как подчеркивает Старк, главным ресурсом становится информация и управление ей. Именно знание о том, как заставить инфраструктуру заработать и есть такая профессиональная информация.

Управление доступом к похоронной инфраструктуре (ограничение информации об ее работе) выглядит как стратегия стигматизации. Например, угрозы родственникам о получении тела из морга в неподобаемом виде является аморальным и неприличным актом, но позволяет получать с этого действия прибыль. Отсутствие информации о ценообразовании на ритуальные принадлежности (сколько стоит гроб?) является также инструментом ограничения. Практики распределения мест на кладбище являются и неприличными, и незаконными, а значит и стигматизируемыми, но именно они и составляют состояние неопределенности. Похоронное дело, по сути, становится черным ящиком в глазах потребителя, который ко всему прочему подвержен негативной мифологизации. Однако именно это и делает структуру устойчивой.

Таким образом, на обширном эмпирическом материале мы увидели, что похоронное дело функционирует только в состоянии неопределенности по Старку, когда отсутствует любая информация об инфраструктурной функциональности – об услугах, стоимости, возможностях, правилах игры, а процесс организации похорон состоит из постоянных сбоев в работе.

---

<sup>211</sup> Stark D. Op. cit.; Старк Д. Указ. соч. С. 7–36.

Можно утверждать, что в советскую модель похоронного дела, частные похоронные агентства встроились достаточно органично. Не получив возможности для легальной конкуренции, для создания и управления собственной инфраструктуры, частные агенты интегрировались в существующую инфраструктурную среду, превратив знание об исправлении сбоев в профессиональный навык. В этом фокусе, сами проблемы в работе инфраструктуры остаются желанными аспектами похоронного дела.

Подобная организация похоронного дела делает возможным его системное функционирование только при сохранении определенного равновесного состояния. Таким образом, структура похоронного дела способна к эффективному функционированию только в случае сохранения статуса-кво, который понимается, во-первых, как неформальный характер связей инфраструктурных игроков, а во-вторых, как контролируемая проблема в работе инфраструктуры.

### **3.4. Инфраструктура и локальные политические режимы**

Следующей группой акторов в процессе организации похорон являются представители местных органов самоуправления, а также работники бюджетной сферы. Я попытаюсь выстроить несколько основных стратегий использования ими сбоев в работе инфраструктуры и дать этому социологическую интерпретацию.

Как стало очевидно из представленных этнографических зарисовок, в работе похоронного дела в современной России можно вычленить несколько принципиальных для понимания работы инфраструктуры элементов. Можно утверждать амбивалентную роль государства, прежде всего представителей местной власти и сотрудников бюджетной сферы. С одной стороны, как можно было заметить, они стремятся максимально отстраниться от манипуляций, осуществляемых игроками похоронного дела и эксплуатантами похоронной инфраструктуры. Полиция не останавливает и не проверяет катаfalки, чиновники не оформляют должным образом кладбища и закрывают глаза на стихийные

захоронения, медики стремятся не перевозить трупы в автомобилях скорой помощи.

С другой стороны, их вовлеченность в организацию похоронного дела весьма существенна. Каждый труп становится источником дохода для представителей власти: оплата за предоставление информации, решение о необходимости вскрытия, эксплуатация моргов, своевременная выдача тел, получение мест на кладбищах и т.д.

Таким образом, государство как совокупность институционализированных акторов как бы устраняется из похоронного дела, сохраняя при этом практически тотальный контроль над ключевыми объектами его инфраструктуры и позволяя своим представителям уже в качестве отдельных акторов получать ренту за право пользования этими объектами.

По сути речь идет о масштабной симбиотической практике. Бюджетные ограничения, сложности лицензирования не дают возможности местной администрации легально и полноценно регулировать похоронный рынок, исполнять обязанности, возложенные на нее Конституцией и законом о местном самоуправлении. Но при этом все этапы квеста по захоронению тела, в которых не хотят участвовать представители власти, переданы на откуп частному сектору, а он исправно делится доходами с представителями власти.

Рассмотрим чуть подробнее механику работы этого симбиоза, сценарии, которые используют игроки рынка и представители власти, чтобы организовать относительно гладкое функционирование похоронной инфраструктуры. Перевозка тела от места смерти до морга становится проблемой в тот момент, когда бригада скорой помощи отказывается ее осуществлять, однако вместе с полицейскими настаивает на проведении вскрытия. Ту же проблему решают та же бригада медиков и те же полицейские. Практика слива информации о покойнике гарантирует живым родственникам как минимум одного перевозчика у них под окнами и как максимум нескольких конкурирующих перевозчиков.

Государственный морг — следующая проблемная точка, в которой сотрудники, работающие на бюджетных ставках, обязаны предоставлять

некоторые услуги, суть и способ оказания которых не конкретизирован в законах и нормативных актах. Строго говоря, аргументированный запрос на оказание бесплатных услуг в государственном морге невозможен: тело может быть «не готово», не выдано в срок, не приведено в пристойный вид. Никаких санкций за это ни закон, ни правила не предусматривают. Но для облегчения коммуникации с сотрудниками морга и для получения качественных услуг нельзя устраивать скандал. Достаточно переговорить с агентом в зале прощаний, медицинской сестрой или любым другим посредником, который обязательно присутствует в любом российском морге.

Степень участия посредников в жизни морга и статус этого участия могут варьироваться: от физического присутствия в морге до собственности на зал прощаний или фактически до управления всем моргом. Одна из похоронных фирм в изучаемом мной регионе оформила сотрудников морга к себе в штат по договору, взяла помещение морга в аренду (иногда это делается и без аренды) и теперь почти легально за деньги берет тела на сохранение, подготавливает их к выдаче, сдает в аренду зал прощаний.

Вопросы о ценах на предлагаемые в морге услуги, о количестве таких услуг часто решаются с ними фактически без всяких пояснений, поэтому стоимость услуг по подготовке к похоронам может варьироваться, например, от 5 до 30 тыс. рублей.

Кладбище – ключевой элемент похоронной инфраструктуры – отличный пример таких действий. Симбиотические практики, в рамках которых государство позволяет частному сектору восполнять пробелы в собственной работе, на кладбище также вполне эффективны. Речь может идти о сети посредников, сложившейся вокруг муниципального кладбища, о «смотрителе», который аффилирован с главой поселения, или о ритуальной фирме, которая, как было описано выше, взяла на себя все хлопоты по содержанию кладбища в обмен на покровительство и невмешательство со стороны местных властей. Все указанные посредники, «смотрители», агенты готовы предоставить не только

место для захоронения, но и все необходимые услуги: выкапывание могилы, оборудование ограды, установку креста, могильной плиты или памятника.

Почему так получилось? Современная Россия является наследницей автохтонных и децентрализованных советских практик организации похоронного дела – захоронениями и всеми сопутствующими процедурами всегда занимались местные органы исполнительной власти, что достаточно подробно было рассмотрено в предыдущей главе. На практике это реализовывалось следующим образом – похоронами управляли комбинаты и специализированные службы/хозяйственные магазины, в которых постоянно наблюдался дефицит – от ритуальных принадлежностей до памятных знаков. Все, что они делали — это фиксировали факт смерти. Морги и патологоанатомические учреждения и вовсе были не развиты до такой степени, что на вскрытие отправлялись единицы людей. Тела умерших до момента захоронения хранились дома<sup>212</sup>.

Как я уже неоднократно показывал ранее, жители сельских регионов и малых городов осуществляли все необходимые для захоронения действия сами, в том числе по выбору места на кладбище. По признанию информантов, никаких проблем с этим никогда не было и «земли всегда хватало на всех». Могилы появлялись хаотично согласно представлениям хоронящих о хороших/плохих местах и их близости к родственным захоронениям.

Новой России в наследство достались тысячи неучтенных кладбищ. Часть из них была переведена в кадастр и официально оформлена, а большая часть нет. Что значит «оформить официально»? Это означает, что земля по своему статусу должна быть переведена только под осуществление захоронения. Кладбище должно иметь карту, план развития, должно соответствовать ГОСТу – дорожки между могилами должны иметь определённый размер, как и сами могилы. На содержание кладбища выделяются деньги из бюджета, создается

---

<sup>212</sup> Для этого достаточно ознакомиться с нормативными документами Минздрава СССР, где описываются структурные проблемы данной сферы. Например, приказ Министерства здравоохранения СССР от 15.10.70 г. N 667 "О мерах по совершенствованию патологоанатомической службы".

специализированная служба, места на кладбище выделяются только согласно плану.

На практике это обозначает ряд серьёзных проблем для местных администраций. Во-первых, это необходимость создания специализированных служб, а также поиск и выделение бюджета для содержания кладбища. Во-вторых, это потеря или существенное сокращение дополнительного источника дохода за счет нелегальной продажи мест под захоронения.

Отсутствие кладбища в кадастре, то есть по факту отсутствие у него официального, легального статуса несет за собой и ряд вполне конкретных инфраструктурных и бюрократических проблем. Так, к кладбищу нельзя элементарно провести дорогу и организовать подъезд. Из-за отсутствия плана кладбища и хаотичных захоронений гроб не всегда можно пронести до могилы. В большинстве случаев это является фактором, который повышает цену похорон – похоронные агенты снова берут деньги за усложненный проезд и за пронос тела до могилы.

Нелегальный статус кладбища мешает его официальному обслуживанию по хозяйственной части. Например, очищать могилы от упавших деревьев. В одном из случаев я наблюдал ситуацию, когда глава муниципалитета не мог отдать распоряжение на уборку кладбища от поваленных деревьев. Дело в том, что поваленные деревья являются собственностью лесхоза, и самовольные манипуляции с такими деревьями расценивается как хищение. Так как кладбища нет на карте, то согласно кадастру, земля, где оно располагается, это простой лес и, соответственно, зона юрисдикции совершенно другого хозяйствующего субъекта.

По признанию ряда информантов, местные органы самоуправления саботируют необходимость легализации кладбищ вполне намеренно. Подобный статус-кво, устраивает представителей власти – он сохраняет источник дохода и устраняет потенциальную ответственность и обязательства. Слабость инфраструктуры устраивает и частные ритуальные компании, так как они

получают дополнительный источник дохода, связанный с проблемой доступа к местам захоронения.

Нелегальное кладбище является источником самых разнообразных неформальных практик. По сути, сам его «нелегальный» статус превращает любые манипуляции с ним, как с материальным и инфраструктурным объектом, в неформальные/теневые практики. Прежде всего, это практики, связанные с выделением мест для захоронений. Подобные практики не раз описывались исследователями поэтому подробно останавливаться на них не будем.<sup>213</sup>

Контроль над кладбищем, как над инфраструктурным объектом, осуществляется по схожему сценарию с моргом. Как правило, «владельцы» кладбища — это местные органы исполнительной власти. В зависимости от заинтересованности администрации в управлении этим процессом, «смотрителем кладбища» могут быть разные люди. Например, это может быть представитель муниципальной службы.

Как инфраструктурная точка, кладбище является плохо работающим объектом. С одной стороны, большинство кладбищ просто находятся на нелегальном положении и, по факту, никому не принадлежат. Это стихийные, бесхозные объекты, которые используют местные власти для выполнения одной из своих функций – выдачи мест для захоронения, что является и способом получения теневого дохода.

Подобные инфраструктурные объекты никто не развивает – для официального бюрократического аппарата они невидимы, для частного бизнеса не являются собственностью и субъектом потенциального вложения средств. С другой стороны, легальный статус кладбища не приводит к изменению его качественного состояния – отсутствуют органы контроля и нормативные требования. Периодические прокурорские проверки заканчиваются только

---

<sup>213</sup> Филиппова С. В. Особенности институционального функционирования ритуально-похоронного дела в современном российском контексте: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Саратов, 2010. 180 с.

штрафами. По словам одного из информантов нежелание легализовать кладбище в этом контексте мотивируется лишь устранением потенциальных проблем.

По мнению Паскаль Тромпетт, одним из главных достижений развития французского рынка ритуальных услуг является тот факт, что все проблемы инфраструктуры стали для потребителей невидимыми<sup>214</sup>. Дэвид Перри полагает, что, когда сети инфраструктуры «работают безупречно, их замечают в последнюю очередь». Однако именно видимость инфраструктуры и ее *пребывание в неработающем состоянии* имеет принципиальное значение для функционирования похоронного дела в современной России. Проблема в работе является не только тем, что позволяет увидеть роль инфраструктуры, но и ее основной характеристикой, влияющей на облик данного института.

Согласно Грэхэму и Трифту, ремонт не обязательно должен быть эффективен. Нас интересует то, что стоит за деятельностью по ремонту и поддержанию. Оказывается, что статус-кво, который заключается в сбоях в работе инфраструктуры, намеренно поддерживается акторами и является легитимным режимом взаимодействия между властью и бизнесом<sup>215</sup>.

Для федеральной власти сохранение состояния проблемной работы инфраструктуры обеспечивает получение дополнительного теневого дохода для ее отдельных акторов. Это своего рода покупка лояльности, которая не предусматривает серьезных политических издержек за счет ее *неформального* характера. Для представителей местной власти это не только возможность снятия с себя ответственности, но и способ контроля частного бизнеса, который, в свою очередь, продает доступ к объектам инфраструктуры в качестве услуги.

Усиливает эту ситуацию и тот факт, что похороны являются событием, требующим быстрого исполнения. Зачастую прокуратура не может закрыть морг, в котором хранятся тела, опасаясь реакции родственников. Последние же не хотят влиять на ситуацию, преследуя в качестве единственной цели получение и

<sup>214</sup> Trompette P. Political Exchanges in the French Funeral Market. P. 3–35; Idem. The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation. P. 370–385.

<sup>215</sup> Graham S., Thrift N. Op. cit. P. 1–25.

захоронение тела умершего родственника. Именно по этой причине похоронные компании не инвестируют в создание собственной инфраструктуры по примеру европейского или американского похоронного дела. Для них это означало бы полное переформатирование похорон как процедуры: во-первых, это бы привело к необходимости финансовых вложений в собственную инфраструктуру, а во-вторых, к повышению издержек и необходимости внедрения принципиально новых услуг и возвращению похоронам формата ритуального действия.

В современной России именно государство, как актер, не заинтересовано в появлении частной рыночной инфраструктуры. Проблемы в работе инфраструктуры становятся даже источником мистификаций, используемого в качестве инструмента влияния и поддержания текущего состояния системы. Все это используется властью для поддержания статуса-кво.

Проблемами в работе инфраструктуры является и сращивание материального с социальным, а именно внесение в работу инфраструктуры человеческого фактора. Например, потеря неформального контакта с работниками морга или кладбища приводит к остановке функционирования инфраструктуры для конкретного актора. В этом фокусе инфраструктура становится не инструментом, а полноценным актором, который создает социальные/властные взаимоотношения между акторами.

Теория городских политических режимов рассматривает городские пространства, к которым относятся и объекты социальной инфраструктуры, как предмет политического торга<sup>216</sup>. В случае похоронного дела в современной России проблемы в работе инфраструктуры выступают не просто экономическим ресурсом, а инструментом управления.

Принципиальная особенность функционирования рынка ритуальных услуг в России заключается в задействовании специфического механизма властного контроля инфраструктурной среды, как ресурса<sup>217</sup>. Воздействие на ее состояние

---

<sup>216</sup> Ледяев В. Г. Указ. соч.; Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988; Idem. Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. P. 1-28; Fligstein N. Op. cit. P. 656-673

<sup>217</sup> Кордонский С. Г. Ресурсное государства: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.

является особой формой гибкого политического контроля, когда проблемы в работе инфраструктуры и исправление данного состояния является компромиссной целью между властью и частными ритуальными компаниями.

### **3.5. Режимы работы инфраструктуры в контексте похоронного ритуала**

Третьей группой акторов являются родственники умершего человека, которые активно взаимодействуют как с представителями местных органов самоуправления, так и с ритуальными компаниями. Почему и как с их позиции проблема в работе инфраструктуры рассматривается, как нечто допустимое?

В случае изучения особенностей работы похоронного дела в современной России, речь ни в коем случае не идет о коммодификации самого похоронного ритуала. Наоборот, все собственно ритуальные аспекты, связанные со смертью и похоронами, сознательно и настойчиво исключаются акторами похоронного бизнеса из предлагаемых ими услуг. Похороны как ритуал, обладающий внутренней целостностью и автономным культурным и социальным смыслом, разбиваются ими на ряд действий, каждое из которых не имеет ритуального смысла само по себе. Они продают не привычный ритуал, а решение конкретных проблем, связанных с продвижением тела по инфраструктурной цепочке. Инфраструктура похоронного дела посредством такой разбивки предстает в качестве инфраструктуры совершения операций с мертвым телом.

Предметом договоренностей становятся конкретные разовые манипуляции: перевозка, подготовка и выдача трупа, покупка гроба, покупка места на кладбище, перевозка гроба и трупа до кладбища, копка могилы. Сложившиеся практики работы ритуальных агентов, работников моргов и кладбищ как бы «стерилизуют» или даже стирают всякое символическое значение смерти, перенося концептуализированный Р. Герцем процесс социализации мертвого в качестве предка и предка в качестве члена сообщества во временной период, следующий за похоронами<sup>218</sup>.

---

<sup>218</sup> Hertz R. A Contribution to the Study of the Collective Representation of Death. P. 174

Родственники, решая насущные задачи по организации похорон, просто не имеют возможности предаться скорби или осмыслить опыт смерти близкого человека, они обязаны в течение двух суток постоянно принимать конкретные локальные решения относительно мертвого тела. Иными словами, показанный мной сценарий похорон не только отделен от процесса социализации покойного, но и исключает, всякую рефлексивную компоненту, связанную со смертью.

Однако проблему в работе инфраструктуры похоронного дела можно рассмотреть и под другим углом: уже как ритуал.

Так, в сравнении с традиционным русским похоронным ритуалом, где на протяжении трех дней осуществляются как раз символические манипуляции с телом покойного (положение рук во гробу, правильная одежда, пронос гроба по дороге и т.д.)<sup>219</sup>, в современных похоронах именно проблемы инфраструктуры выходят на первый план. Анна Соколова, продолжая мысль Арьеса о вытеснении и медиализации смерти, называет современные русские похороны «похоронами без покойника». В своей аргументации она указывает на то, что тело не играет никакой роли в практике похорон<sup>220</sup>. Я же полагаю, что именно тело по-прежнему играет главную роль: похороны – это процесс транспортировки тела через все инфраструктурные барьеры для того, чтобы оно могло упокоиться в могиле. Именно способы контроля над мертвым телом (*disposal of the bodies*) являются главным исследовательским инструментарием в моделях Тони Уолтера<sup>221</sup>.

Проблема в работе инфраструктурной среды воспринимается участниками похорон как некое естественное условие. Это отчетливо видно в разговорах между агентами, между самими родственниками и в этнографических разговорах. Проблемы, возникающие при подготовке и проведении похорон,

<sup>219</sup> Носова Г. А. Указ. соч.; Кремлева И. А. Указ. соч. С. 231—265; Тульцева Л. А. Указ. соч. С. 355—361.

<sup>220</sup> Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда. С. 187–202.

<sup>221</sup> Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West. P. 73–192.

актуализируются (и представляются) участниками не просто как неизбежное зло, а как особая форма испытаний.

Проблемы в работе инфраструктуры переносятся и на последующие коммеморативные практики, по сути, заменяя их. Информанты описывают такую «разруху», как «ненормальную», но поскольку система постоянно находится в подобном состоянии, «вечный ремонт» приводит к формированию особого социального порядка и особой культуры. О подобных «культурах ремонта» писал антрополог Ян Чипчейз, отмечая, что для некоторых локальных сообществ процесс ремонта позволяет создавать горизонтальные социальные связи, которые обеспечивают обмен ресурсами, товарами и помогают в формировании социального статуса человека, умеющего делать «ремонт»<sup>222</sup>. Во второй главе, советская материальная культура описывалась мной также, как культура ремонта.

Для меня крайне показателен один из случаев, который произошел со мной в процессе полевой работы. В местной администрации небольшого поселения идет живое обсуждение технического проекта будущего колумбария и парка памяти. Владелец ритуального агентства хочет получить участок для строительства этого объекта и перечисляет самые различные аргументы в пользу такой возможности. В один из моментов обсуждение доходит до вопроса финансирования и оплаты потенциальных услуг фирмы. Далее происходит следующий диалог:

Представитель администрации: – *Так, а почему люди должны будут платить за этот ваш колумбарий?*

Директор ритуального агентства: – *Потому что это нормально, когда люди платят за обслуживание. Они платят каждый год абонентскую плату. Взамен мы чистим и красим все. Мы планируем строить фонтаны, посадить красивые парк и деревья, постоянно убирать мусор. Чтобы было не как у вас на муниципальном кладбище.*

---

<sup>222</sup> Chipchase J. Informal repair culture [Электронный ресурс] // Personal blog. 2016. URL: <http://janchipchase.com/content/presentations-and-downloads/informal-repair-cultures> (дата обращения: 12.05.2017).

Представитель администрации: – *Людям это не надо. Что они сами тогда будут делать?*

Директор ритуального агентства: – *Как что?!?! Скорбеть!! С мертвыми общаться.*

Представитель администрации: – *Нет, им ухаживать за могилами надо.*

Из дальнейшего диалога становится понятно, что сама ритуальная практика поминовения усопших, в представлении администрации заключается в ремонте надгробных сооружений, покраске ограды, вывозе мусора и так далее. По мнению представителя администрации, если кто-то другой будет это делать за родственников усопших, то это фактически будет обозначать разрушение поминальной практики. Похоронно-поминальный обряд заключается в особом режиме взаимодействия с материальным миром – постоянном его ремонте.

В своей книге «Русские разговоры» Нэнси Рис пишет, как простые люди обсуждают каждодневные трудности во время Перестройки. Она отмечает, что главным мотивом этих разговоров являются жалобы, которые она называет «литаниями»: *«Литании — это речевые периоды, в которых говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги, несчастья, болезни, утраты»*<sup>223</sup>. Рис обращает внимание, что «литании» выстраиваются согласно сказочным сюжетам, где герой литании, как правило сам рассказчик, встречается с множеством трудностей, преодолевая которые он оказывается победителем. Как отмечает Рис, даже простой поход в магазин за продуктами превращается в глазах рассказчика в приключение с открытым финалом. Рис полагает, что «литании» являются основой коммуникационной среды постсоветской культуры, а трудности – неким желанным состоянием. Об этом же пишет и Анна Круглова, анализируя повседневную этику<sup>224</sup>.

<sup>223</sup> Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с.

<sup>224</sup> Kruglova A. Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics // Comparative Studies in Society and History. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 759-785; Idem. Anything Can Happen: Everyday Morality and Social Theory in Russia. PhD diss., University of Toronto, 2016. 275 p.

Я полагаю, что при обращении к похоронной инфраструктуре, реализуется тот же принцип, что и в «литаниях» – *преодоление* трудностей, то есть инфраструктурных сбоев, актуализируется в практиках и разговорах, как нечто естественное и даже желанное, и при этом именно *преодоление* становится центральным элементом похоронного ритуала.

Инфраструктурная руинизированность в чем-то дублирует предсмертные (и, возможно, посмертные) муки покойника: если близкий человек страдал, то и его родные должны разделить с ним трудности, страдая от несовершенства похоронной индустрии. Состояние инфраструктуры становится одним из кодов похоронного ритуала, то есть конкретным социальным институтом.

### **3.6. Режимы работы инфраструктуры как институциональная черта похоронного дела в современной России**

Представленные интерпретации различных логик и оценочных миров ключевых групп акторов похоронного дела позволяет объяснить, каким образом инфраструктурные проблемы проходят путь своей нормализации, а значит, и институционализации.

Начать стоит с того, что теоретические наработки в области этнографии инфраструктуры демонстрируют ряд нормативных ограничений, которые изрядно усложняют рассмотрение сбоев как варианта нормы<sup>225</sup>. С одной стороны, «поломка» и «ремонт» изначально предполагают, что объекты бывают двух типов – «рабочими» и «сломанными». Соответственно, функционирующее состояние воспринимается как некое «нормальное» состояние, а дисфункциональное – нет. С другой, проблема якобы всегда требует некоторых действий по ее устранению. За аксиому берется утверждение, что социотехнические структуры стремятся к идеальному рабочему состоянию и устранению поломки. Они стараются минимизировать риски от поломок, поддерживая функциональность и занимаясь совершенствованием ее технического уровня. Социотехнические структуры мыслятся как большой муравейник, который в случае повреждений моментально

---

<sup>225</sup> Jackson S. Rethinking Repair. P. 221–240.

пускает все силы на их устранение<sup>226</sup>. Однако в представленном полевом материале все оказалось совсем иначе. И этому есть определенное социологическое объяснение.

Дело в том, что сам процесс исправления проблем в работе инфраструктуры, как и любой другой вид деятельности, является социальным действием, в которое прямо или косвенно включено несколько акторов — таким образом, это активная коммуникация и обмен. Например, участники процесса ремонта знают, кто именно отвечает за ремонт того или иного объекта инфраструктуры; кто может исправить проблему и как быстро; в случае, когда что-то выходит из строя — как исправить данное состояние.

В этом фокусе сама конечная цель исправления подобной проблемы не обязательно достижима: участники могут преследовать собственные цели, задачи, исходя из субъективных представлений и задач. В случае, когда исправление сбоев несет больше издержек, можно говорить, ремонт становится самоцелью и вокруг него, как особого вида деятельности может формироваться особое социальное пространство («repair culture»), что достаточно иллюстративно было представлено и описано выше. Тим Дант отмечает, что ручной ремонт и ремесло (artisan) имеет преимущества перед промышленным ремонтом, потому что вносит в процесс большую коммуникативность — мы нуждаемся в том, чтобы оставлять в этом элемент «человеческого»<sup>227</sup>. Именно поэтому, в случае похоронного дела, речь не идет о ремонте, как функционально-технической процедуре.

Проблемы и их устранение становятся самоцелью, когда акторы не заинтересованы в функциональности объекта и устойчивости его технического состояния. Процесс ремонта не только позволяет коммуницировать акторам между собой, но и выстраивает особую режимность отношений между собой. Можно сказать, что у вещи в подобных практиках размывается ее объектность.

---

<sup>226</sup> Jackson S., Pompe A., Krieshok G. Repair Worlds: Maintenance, Repair, and ICT for Development in Rural Namibia // Proceedings of the 2012 Computer-Supported Cooperative Work (CSCW) Conference / Eds. S. Poltrock, K. Simone. N.Y.: ACM, 2012. P. 107–116.

<sup>227</sup> Dant T. Op. cit. P. 1–22.

Уже не имеет значение, *как* функционируют объекты инфраструктуры с точки зрения нормативной рациональной модели технологий. Имеет значение только социальный **смысл** интеракций, который возникает в процессе поддержания/ремонта этих вещей. В этом фокусе, для того чтобы вещь не потеряла своей функциональности нужно приложить «полу–усилие» – определенную форму «недо–ремонта», когда достаточно, например, всего лишь «подпереть» падающую ограду вместо полноценной ее замены. Такое «полу–усилие» не соотносится с экономической эффективностью и долгосрочной прагматикой – в перспективе подобные действия требуют больше ресурсов, как человеческих, так и материальных. Но подобные «полу–усилия» создают пространство коммуникации, формируют сети обмена. Включение в процесс поддержки и полу–ремонта требует участия огромного количества акторов – у кого–то можно достать нужную деталь; кто–то знает, как лучше ее приделать.

Таким образом, сама совокупность практик по исправлению проблемного состояния инфраструктуры становится институтом. В ситуации с похоронным делом складывается очень схожая структура между участниками сети по обмену / торгу различными материальными объектами, знаниями и неформальными связями. Проблемы в работе инфраструктуры и их исправление становятся структурной интеракцией, что позволяет самой структуре похоронного дела существовать. Например, похоронные агенты знают специфику каждого конкретного инфраструктурного объекта и могут сделать его использование более комфортным. В ряде случаев это касается сохранения тела в морге, процесс выбора и получения места на кладбище и т.д. С позиции ритуала – такое взаимодействие с окружающим миром и есть часть обрядовой практики.

С позиции же инфраструктуры – подобный режим работы кладбища является его руинизированностью. Ведь с одной стороны, кладбище функционирует – на нем можно произвести захоронение и т.д. Но этот процесс связан с необходимостью согласований и поддержания норм традиционных практик и принципов коммуникации, которые сформировались в конкретном локальном социальном порядке. Ограниченность использования объекта

инфраструктуры в этом контексте *является нормой*, набором практик и правил, что создает неформальные институты, интуитивно распознаваемые акторами.

«Подпоркой» и «полу–ремонтом» является постоянная необходимость ручного управления объектами инфраструктуры. Они не функционируют по определенным правилам, нормам, регламентам и т.д., что в принципе является вполне характерной чертой социотехнических систем. Работа объектов инфраструктуры возможна, только если есть тот, кто обеспечивает их связывание – тот, кто формирует сеть, используя уязвимость инфраструктуры.

В западной теории инфраструктуры принято различать maintenance и repair. Если первое понятие — это именно поддержка, тот вид деятельности, что позволяет вещи не ломаться, то второй термин обозначает именно процесс возвращения объекту функциональности. В контексте приводимых эмпирических примеров эти два действия сращиваются в одно действие – ремонт никогда не заканчивается, а становится формой поддержания работы социотехнической структуры в приемлемом состоянии. Описываемый полу–ремонт относится изначально к неким объектам не готовым для использования или ограниченным к использованию.

Специфичная характеристика объектов **социальной инфраструктуры**<sup>228</sup> не позволяет рассматривать их в отрыве от структуры властных отношений и

---

<sup>228</sup> В случае целого ряда работ по изучению инфраструктуры основное внимание исследователей уделяется технологическим ее элементам – дорогам, электросетям, водоснабжению. В этом случае определением поломки более–менее прозрачно – например, водопровод не качает воду или качает ее плохо – не так как должно быть. Однако, как я и отмечал выше, как только мы переходим к рассмотрению сложных социотехнических систем, то вскрывается определенная ограниченность применения концепта поломки. Главная проблема заключается в том, что невозможно строго определить, что есть поломка и как она возникает. Происходит это, когда за функционирование объекта отвечает не только механическая часть, но и люди, как «операторы». С другой стороны, мы вынуждены признать, что любые объекты, в том числе и социальной инфраструктуры, – это сложные и многоуровневые социально-технологические системы, в которых имеет значение любой элемент. Социальная инфраструктура гораздо сильнее зависит от ее символического определения человеком и устоявших культурных/социальных ценностей и норм. Например, христианский храм не может функционировать (проводить литургии) без освященного алтаря. По внешнему виду с алтарем все в порядке, однако оказывается, что он не готов к использованию, пока священник не проведет с ним ряд символических действий. Или он может быть сломан, если провести с ним некоторые оскверняющие манипуляции.

проявления политической воли. Любые манипуляции и действия, выходящие за рамки принятых практик, с объектами инфраструктуры всегда являются вызовами и угрожают всей системе, потому что создают прецедент. Именно поэтому власть всегда сопротивляется неконтролируемым изменениям социальной инфраструктуры, которая дает проблемы в местах, где этих усилий (политической воли) оказывается недостаточно<sup>229</sup>. В этом контексте поломанное состояние и вовсе может становиться нормой и неким отображением специфичной формы политического контроля, которое уже было продемонстрировано мной ранее.

Представленный этнографический материал и интерпретация поведения ключевых групп акторов похоронного дела, позволяет сделать вывод, что несмотря на существование разных логик и взглядов на проблемы в работе инфраструктуры, эти логики уживаются друг с другом. Как итог, похоронное дело продолжает выполнять свою главную функцию – исполнение процедуры захоронения, несмотря на очевидные проблемы в работе инфраструктуры. Таким образом, совокупность практик по исправлению проблемного состояния инфраструктуры является важной и неотъемлемой чертой института похоронного дела. Сам процесс организации похорон оказывается сложным структурным социальным действием.

Справедливо отметить, что процесс организации похорон оказывается построен не только на ритуальных представлениях о значении мертвого тела или похоронной атрибутики, и не на экономической целесообразности, а обмене ресурсами, знаниями, статусами, дарами, где обязательства и существующие условности оказываются важнее эффективности и технологий («индустриального мира») или даже строгого понимания «мира рынка». В этом фокусе, само похоронное дело лишается даже статуса рынка - здесь нет требований к качеству услуг и товаров, к состоянию инфраструктуры, а похороны рассматриваются не как услуга, а как «общее дело» в ходе которого взаимодействуют разные акторы для того, чтобы преодолеть различные трудности и похоронить мертвое тело.

---

<sup>229</sup> Larkin B. Op. cit. P. 327–343.

Подобный новый, социологический взгляд вносит серьезные поправки к пониманию работы института похоронного дела в современной России и в мире, акцентируя особое внимание на структурном элементе похоронного дела – инфраструктуре.

## Заключение

С одной стороны, в России наблюдаются устойчивые и долговременные проблемы в работе похоронной инфраструктуры, которые систематически создают препятствия для исполнения процедуры захоронения человека. С другой стороны, несмотря на данное состояние инфраструктуры, похоронное дело в России продолжает выполнять свою главную функцию в течение многих десятилетий. При этом в научной дискуссии нет четкого объяснения почему и каким образом это происходит.

В качестве гипотезы исследования выступило следующее предположение. В процессе организации и проведения процедуры захоронения, акторы похоронного дела вынуждены локально исправлять проблемы в работе инфраструктуры, активно взаимодействуя друг с другом. Достаточно длительное существование инфраструктурных проблем привело к формированию особых социальных практик по их исправлению, которые со временем нашли свое институциональное отражение в виде негласных правил и принципов взаимоотношений между основными акторами. Как итог, особенности работы материально-технической инфраструктуры стали частью института похоронного дела.

Верификация данной гипотезы выстраивалась постепенно. Так, анализ литературы и проведенных исследований позволил увидеть, что связь между материально-технической инфраструктурой и устройством похоронного дела действительно существует. Данные связи анализируются в рамках сравнительно-исторического и инфраструктурного подхода. Однако данные подходы не позволяют проследить и выявить связь между проблемами в работе (и технического состояния в целом) инфраструктуры и социальными практиками акторов похоронного дела, так как рассматривают только нормативное представление о работе инфраструктуры.

Для того чтобы получить возможность анализа подобных состояний инфраструктуры в работе похоронного дела, инфраструктурный подход был подвергнут ре-концептуализации с помощью наработок в области антропологии

инфраструктур (С. Грэхэм и Н. Трифт) и социологии ремонта (Т. Дант, К. Хенке). Подобный синтез концепций позволил рассматривать ограничения в работе инфраструктуры и практики по их принятию / устранению как социологические категории.

Используя данные категории, удалось проанализировать опыт институционального становления похоронного дела в России. Было показано, что инфраструктура на протяжении нескольких десятилетий контролировалась государством (начиная с 1917 года), а ранний опыт администрирования коммунальной инфраструктуры со стороны советского государства, из-за недостатка ресурсов, привел к ее системному кризису. Проблемы в работе инфраструктуры в той или иной степени покрывались за счет гаражного и кустарного теневого производства, а также стихийного и самостоятельного обслуживания и развития инфраструктурных объектов самими советскими гражданами.

Таким образом, упадок похоронной инфраструктуры в советской культуре закреплялся в виде «нормы». Проблемы в работе инфраструктуры утилизировались и стали основой для многочисленных социальных практик, что описывалось социологами и антропологами в рамках концепций *«общества ремонта»* и *«культуры ремонта»* С. Чуйкиной и Е. Герасимовой.

Далее, как показал качественный анализ нормативной базы (Федеральный закон о похоронном деле и нормативные акты местных органов самоуправления), сформировавшаяся институциональная модель похоронного дела (и устройства инфраструктуры) получила свое закрепление уже в современной России в виде нескольких законодательных коллизий:

- 1) инфраструктурой не могут владеть частные лица, за ее состоянием должны следить муниципалитеты. Частные агенты, которые по факту являются легализованными гаражными производствами, получают возможность организации только самой процедуры захоронения. Как следствие, формируется парадоксальная ситуация: с одной стороны, локальные власти получают в нагрузку целый комплекс ситуативно

работающей инфраструктуры, которую они должны обслуживать, содержать и развивать. С другой стороны, существуют уже закреплённые практики самостоятельного использования данной инфраструктуры со стороны частных агентов и потребителей услуг.

2) подобное положение дел подкреплено отсутствием систем статистики и учета захоронений и передвижения мертвых тел; отсутствием требований к открытию ритуальных компаний; отсутствием систем контроля и учета похоронной деятельности.

На основании собранного автором этнографического материала, были выявлены и описаны основные материально-технические инфраструктурные объекты похоронного процесса:

- место смерти;
- морг и кладбище, находящиеся между собой на значительном удалении и имеющие проблемы доступа;
- место прощания / отпевания;
- дорога (проезд) и катафальный транспорт.

Выявлены и описаны основные проблемы в работе данных объектов:

- невозможность вовремя забрать тело из морга;
- опасность косметических недостатков у тела;
- затруднённый доступ к кладбищу;
- невозможность найти (купить / получить) место под могилу, подготовить захоронение из-за сложностей ландшафта (деревья, ограды и др.);
- пронос гроба до места захоронения;
- сложность подбора похоронных аксессуаров (размер, стоимость).

Сделан вывод о структурообразующей черте похоронного дела в современной России — окказиональность, случайность предлагаемых наборов услуг по операциям с мертвыми телами, отсутствие стабильного сценария работы этой деятельности, отсутствие устойчивых связей между акторами, многообразие,

вариативность конкретных форм «смычки» моргов, перевозчиков, ритуальных агентов и представителей государства.

Далее была развернуто представлена логика каждой из групп акторов похоронного дела, объясняющая «принятие» проблем в работе похоронного дела, их нормализацию и превращение в правила и принципы работы института похоронного дела.

Логика частных акторов похоронного дела представлена с помощью концепции «неопределенности» Д. Старка. Была выявлена главная черта «частных агентов» похоронного дела - стихийная организационная структура и слабая институционализированность похоронных бизнес-процессов. По сути, похоронное агентство — это не частная бизнес-компания, а формация самых разнообразных акторов вокруг конкретных материально-технических инфраструктурных объектов. Само функционирование этой системы возможно только благодаря налаженным сетевым связям и проблемному состоянию данных объектов. Подобная организация похоронного дела дает возможность его системному функционированию только при сохранении определенного равновесного состояния.

Таким образом, институт похоронного дела способен к эффективному функционированию только в случае сохранения статуса-кво, который понимается, во-первых, как неформальный характер связей инфраструктурных игроков, а во-вторых, как контролируемые ограничения в работе инфраструктуры. Одна из составляющих института похоронного дела, его профессиональная среда, таким образом, превратила знание об устранении проблем в работе инфраструктуру в профессиональную компетенцию.

Взаимоотношения между частными ритуальными компаниями и властными структурами, а также ее отдельными представителями рассматривались в рамках теории городских политических режимов, с ее акцентом на неформальных связях, обеспечивающих эффективность и прочность режима. Теория городских политических режимов рассматривает городские пространства, к которым относятся и объекты материально-технической социальной инфраструктуры, как

предмет политического торга. В случае похоронного дела в современной России ограничения в работе инфраструктуры выступают не просто экономическим ресурсом, а инструментом управления и достижения лояльности.

Было показано, что принципиальная особенность функционирования похоронного дела в России заключается в задействовании специфического механизма властного контроля инфраструктурной среды, как ресурса. Воздействие на ее состояние является особой формой гибкого политического контроля, когда проблемы в инфраструктуре и исправление данного состояния является компромиссной целью между властью и частными ритуальными компаниями. Согласно Грэхэму и Трифту, ремонт (как практика исправления сбоев) не обязательно должен быть эффективен. Оказывается, что статус-кво, который заключается в поломках инфраструктуры, намеренно поддерживается акторами и является легитимным режимом взаимодействия между властью и бизнесом, то есть правилом и нормой, а значит является институциональной характеристикой похоронного дела.

Используя классические ритуальные концепции «обрядов перехода» А. Ван Геннепа и Р. Герца, а также концепцию «литаний» Н. Рис, с поправкой на инфраструктуру и социологическую адаптацию данных категорий, удалось увидеть, как ограниченная функциональность становится формой ритуальных практик. В сравнении с западными моделями, где инфраструктура формирует последовательность похоронного ритуала, определяя мертвому телу его роль, здесь фиксируется схожая ситуация. Прохождение инфраструктурной цепочки ставит в центр именно мертвое тело, тем самым предписывая родственникам необходимость благополучного разрешения возникающих сбоев и наделяя их символическим статусом. При обращении к похоронной инфраструктуре, реализуется тот же принцип, что и в «литаниях» – *преодоление* трудностей, то есть инфраструктурных дисфункций, актуализируется в практиках и разговорах, как нечто естественное и даже желанное, и при этом именно *преодоление* становится центральным элементом похоронного ритуала.

Объединяя данные интерпретации, было показано, что современные российские похороны представляют собой специфический формат взаимодействия их участников с инфраструктурной средой. В результате этого взаимодействия решаются проблемы в работе инфраструктуры.

Процесс организации похорон оказывается построен не только на ритуальных представлениях о значении мертвого тела или похоронной атрибутики, и не на экономической целесообразности, а обмене ресурсами, знаниями, статусами, дарами, где обязательства и существующие условности оказываются важнее эффективности и технологий («индустриального мира»). В этом смысле само похоронное дело лишается даже статуса рынка - здесь нет требований к качеству услуг и товаров, к состоянию инфраструктуры, а похороны рассматриваются не как услуга, а как «общее дело» в ходе которого взаимодействуют разные акторы для того, чтобы преодолеть различные трудности и похоронить мертвое тело.

Подобный новый, социологический взгляд вносит серьезные поправки к пониманию работы института похоронного дела в современной России и в мире, акцентируя особое внимание на структурном элементе похоронного дела – материально-технической инфраструктуре и принципах ее работы, которые превратились в профессиональные знания похоронных агентов, ритуал или стали элементом осуществления политической власти.

Таким образом, изначально заявленные гипотезы нашли подтверждение. В ходе изложения и интерпретации материала было показано, как проблемы в работе инфраструктуры похоронного дела формируют различные социальные практики, включающие в основу связей техническое состояние инфраструктуры. Это в свою очередь способствует закреплению проблемного состояния инфраструктуры, институционализации данного состояния и его поддержания акторами похоронного дела (даже закреплению в виде нормативных документов).

Как итог, проблемы в работе инфраструктуры становится не просто характерной чертой института похоронного дела, но и условием его функционирования и работы.

Все вышесказанное позволило аргументировано заявить и предложить ряд теоретических и концептуальных дополнений в рамках инфраструктурного подхода в исследованиях похоронного дела, которые бы позволили учитывать различные режимы в работе инфраструктуры и по-новому взглянуть на принципы институционального устройства похоронного дела в разных странах.

## Список использованных источников

### Нормативные правовые акты и иные правовые источники

1. Постановление Совета министров РСФСР № 1475 «Об организации кооперативов по строительству и эксплуатации коллективных гаражей — стоянок для автомобилей индивидуальных владельцев»
2. Постановление Главного государственного санитарного врача России от 20.03.1964 № 468-64.
3. Санитарные правила устройства и содержания кладбищ. Приказ санитарного инспектора М. Никитина. 1 ноября 1960 г. № 343-60.
4. СанПиН 1600-77 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения».
5. Декрет СНК «О кладбищах и похоронах» // Декреты советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4. С. 163 –164.
6. Приказ Министерства здравоохранения СССР от 15.10.70 г. № 667 «О мерах по совершенствованию патологоанатомической службы».
7. Комитет РФ по муниципальному хозяйству. Приказ от 12.01.79 N 25 Инструкция о порядке проведения похорон и содержанию кладбищ в СССР.
8. Постановление Совмина СССР от 05.02.1987 № 162. «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления».
9. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.
10. Приказ Госстроя РФ от 10.01.2001 №3 «Об утверждении инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации».

11. Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (ред. 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

12. Приказ Минздравсоцразвития от 12.05.2010 №346н

### **Судебные акты**

13. Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 18.09.2008 по делу № А56-2663/2008

14. Постановление Пятого Арбитражного апелляционного суда от 04.05.2010 по делу № А51-1959/2010

15. Решение АС Калининградской области по делу № А21-7662/2012

### **Монографии, учебные пособия, сборники научных статей**

16. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.

17. Барт Р. Cameralucida / пер., коммент. и послесловие М. К. Рыклина. М.: AdMarginem, 1997. — 272 с.

18. Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. СПб: Ферт, 1994. — 224 с.

19. Блэк М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии / Пер. с англ. В.А. Третьяковой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 408 с.

20. Бусыгина И.С. Сервис на рынке ритуальных услуг: учебное пособие / И.С. Бусыгина, Н.А. Кытманов., Д.Ю. Хазов ; Об-ние похорон. орг. Урала. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. — 126с.

21. Вахитов К. И. История потребительской кооперации России. Учебное пособие - М., 1998. Часть 1. 400 с.

22. Демина И. Д. Формирование системы управленческого учета в организациях сферы ритуальных услуг / И. Д. Демина, С. Н. Меркущенко. М.: Наука-Бизнес-Паритет, 2012. — 183с.

23. Животов Н.Н. Петербургские профили: в 4 вып. СПб.: типо-лит. А. Винке, 1895. Вып. 3. Среди факельщиков: шесть дней в роли факельщика. С. 1 – 22.
24. Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма / пер. с англ. Е Гурко под ред. С. А. Семенова; науч. ред. А. Митрофанова и М. Немцев. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2014. — 256 с.
25. Зон–Ретель А. Идеальные поломки. М.: Издательство «ООО GRUNDRISSE», 2016. — 108 с.
26. История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск. Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. — 390 с.
27. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. Издание второе. М.-СПб.: Центрполиграф, 2011. — 797 с.
28. Козлов В. Ф. Судьбы монастырских кладбищ Москвы (1920—30е гг.). // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана./ М., 1991. — 263 с.
29. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. Москва. Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. — 216 с.
30. Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира. / СССР: Жизнь после смерти. НИУ ВШЭ. 2012. С. 44 – 55.
31. Ларионов О.А. Регулирование деятельности социально значимой сферы услуг (вопросы качества обслуживания) / Под ред. Л.А. Михайловой.- Москва: Изд-во Экономическое образование, 2013.
32. Материалы к "Русскому провинциальному некрополю" Великого князя Николая Михайловича. Издательство: СПб: Дмитрий Буланин, 2012. — 1022 с.
33. Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. — 271 с.
34. Мосс М. Опыт о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. С. 134-286.

35. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996.
36. Новосельский С. А. . Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/novoselskij/novoselskij\\_1916.pdf](http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/novoselskij/novoselskij_1916.pdf) (дата обращения: 17.09.2018).
37. Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИНИОН РАН; Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М.: ИЭА РАН, 1993.
38. Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941 гг.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — 344 с.
39. Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. Новое литературное обозрение, 2005. — 368 с.
40. Рожков С.Ю., Зульфугарзаде Т.Э. Похоронное дело: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора М.Ю. Абелева. — М.: ГАСИС. 2010. — 367 с.
41. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.
42. Селеев А. П. Гаражники / издание фонда поддержки социальных исследований "Хамовники". — Москва: Страна Оз, 2016.
43. Сюткин Г. Н. Основы ритуально-похоронного дела. Учебное пособие. - Москва:Инфра-М, Альфа-М, 2016. — 320 с.
44. Сюткин Г. Н. Ритуально-похоронные услуги. Формирование и регулирование развития отраслевого комплекса в РФ. Монография. Изд. МГУС. АОСУ. Москва, 2007.
45. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб. А-сэд. 1994. — 408 с.

46. Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

47. Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV — начала XX вв. как социокультурное явление. М.: Наука, 2000. — 292 с.

#### **Издания на иностранных языках**

48. Bauman Z. Mortality: Immortality and Other Life Strategies. Cambridge: Polity Press, 1992.

49. Becker E. The Terror of Death. The Denial of Death. New York: Free Press, 1973.

50. Bryant C. D / ed. Handbook of Death & Dying. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003.

51. Bryant C. D / ed. Handbook of Death and Dying. New York: McGraw-Hill Vol. 2. 2001.

52. Bryant C. D., Edgley C., Leming M. R., Peck D. L., and Sandstrom K. L. Death in the Future: Prospects and Prognosis, 2002.

53. Chevalier J., Morton F. State Casket Sales and Restrictions: A Pointless Undertaking?, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w12012> (дата обращения: 17.09.2018).

54. Curl J. S. A celebration of death (2nd ed.). London: Batsford, 1993. 304 p.

55. Davies D. J. Encyclopedia of Cremation. London: Ashgate Publishing, 2013.

56. Death in England / Edited by Jupp P. C. and Gittings C. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2000.

57. Edwards P. Infrastructure and Modernity: Scales of Force, Time, and Social Organization in the History of Sociotechnical Systems. // *Modernity and Technology*. 2002. P.185 – 225.

58. Fabian J. *How Others Die: Reflections on the Anthropology of Death*, in: *Death, Mourning, and Burial: A Cross-cultural Reader*. A.C.G.M. Robben (ed.) Malden: Blackwell, 2004.
59. Froianov I. I., Dvornichenko A. I. Krivosheev I. V. *The introduction of Christianity in Russia and the pagan traditions*. In: Balzer, M.M. (Ed.), *Russian Traditional Culture*. Sharpe, London, 1992.
60. Gittings C. *Death, Burial and the Individual in Early Modern England*. Front Cover. Routledge, 1984.
61. Goodin R. E., Tilly C. *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis (Oxford Handbooks)*, Oxford: Oxford University Press. 2006.
62. Gorer G. *Death, Grief, and Mourning*. N.Y.: Doubleday, 1965.
63. *Grave Matters: Death and Dying in Dublin, 1500 to the Present* by Lisa Marie Griffith (Editor), Ciaran Wallace (Editor). Four Courts Press. 2016.
64. Gronow J. *Caviar with champagne: common luxury and the ideals of the good life in Stalin's Russia (Leisure, Consumption and Culture)*. Oxford, 2003.
65. Hertz R. *A Contribution to the Study of the Collective Representation of Death / Death, Mourning, and Burial: A Cross-cultural Reader*. A.C.G.M. Robben (ed.) Malden: Blackwell, 2004.
66. Hessler J. *A social history of Soviet trade: trade policy, retail practices and consumption, 1917-1953*. Princeton, 2004.
67. Kaiser D.H. *Death and dying in early modern Russia*. / Kollman, N.S. (Ed.), *Major Problems in Early Modern Russian History*. Garland, London. 1992. P. 217–258.
68. Korpiola, M., Lahtinen A. *Cultures Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe*. // Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2015.
69. Kozinets R. V. 2015. *Netnography: Redefined*, 2nd edition. London: Sage. 360 p.
70. Kruglova A. *Anything Can Happen: Everyday Morality and Social Theory in Russia*. PhDdiss., UniversityofToronto.2016.

71. Kselman T. A. *Death and the Afterlife in Modern France*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
72. Laderman G. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*. New York: Oxford University Press. 2003.
73. Laderman G. *The Sacred Remains: American Attitudes Toward Death, 1799-1883*. Yale University Press. 1996.
74. Laqueur T. *The Work of the Dead: A Cultural History of Mortal Remains*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
75. Larkin, B. *The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 327–343.
76. Mayer R. G., *Embalming: History, Theory, and Practice*. New York: McGraw-Hill, 2000. P. 589 – 606.
77. Mbembe A. “At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa.” *Public Culture*. 2000. Vol.12(1). P. 259 – 284.
78. Merridale C. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia* New York and London: Viking Penguin Books. 2002. — 403p.
79. Mytum, H. *The Social History of the European Cemetery / In C. D. Bryant (Ed.), Handbook of Death & Dying (pp. 801–809)*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2003.
80. Ritzer G. *Working, Conflict and Change*. 2d ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.1977.
81. Rugg J. *Churchyard and cemetery*. Manchester University Press. 2015.
82. Rugg J. *From Reason to Regulation: 1760–1850 // Death in England*. Edited by Peter C. Jupp and Clare Gittings. NewBrunswick, NJ: RutgersUniversity Press, 2000.
83. Rugg J. *The origin and progress of cemetery establishment in Britain*. In P. Jupp & G. Howarth (Eds.), *The changing face of death: Historical accounts of death and dying*. Basingstoke: Macmillan. 1997. P. 105 – 119.

84. Salomone J. "The Evolution of the Funeral Home and the Occupation of Funeral Director." / Clifton D. Bryant, ed. *Handbook of Death and Dying*, Vol. 2. 2001.
85. Seale C. *Constructing Death: The Sociology of Dying and Bereavement*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998.
86. Smith R. G. E. *The Death Care Industries in the United States*. Jefferson. NC: McFarland. 1996.
87. Stark D. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2009.
88. Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988.
89. Strocchia S. T. *Death and ritual in renaissance Florence*. London .1992.
90. Sutter D. *Casket Sales Restrictions and the Funeral Market // JL Econ. & Policy*. 2006. Vol. 3. — 219 p.
91. Suzuki H. *The Price of Death, the Funeral Industry in Contemporary Japan*. Stanford: Stanford University Press, 2000.
92. *The Dead and the Living in Paris and London, 1500–1670 // Vanessa Harding*. Cambridge University Press. 2002.
93. Van Maanen J. *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press. 1988.
94. VanGennep A. *The Rites of Passage*, in: *Death, Mourning, and Burial: A Cross-cultural Reader*. A.C.G.M. Robben (ed.) Malden: Blackwell, 2004. P. 213–23.
95. Vlasov V. G. *The Christianization of the Russian peasants. // Russian Traditional Culture / Ed. Balzar M. M. Sharpe, London. 1992. 320 p.*
96. Whyte M. K. "Death in the People's Republic of China." / In *Death Rituals in Late Imperial and Modern China*, edited by James L. Watson and Evelyn S. Rawski, 289–316. Berkeley: University of California Press, 1988.

97. Williams M. J. A Social History of Embalming / In C. D. Bryant (Ed.), Handbook of Death & Dying (pp. 801-809). Thousand Oaks: Sage Publications. 2003.

### Научные статьи

98. Абелев А. Ю., Пашиян Г. Н., Зульфугарзаде Т. Э., Рожков С. В. // Похоронный дом. 2007. № 3. С. 40 – 41.

99. Абелев М. Ю., Рожков С. В., Зульфугарзаде Т. Э. Похоронное дело в России // Заместитель главного врача. 2006. № 4. С. 137–140.

100. Афанасьев К. Архитектурные проекты на выставке «Героический фронт и тыл» // Архитектура СССР. 1944. Вып. 6. С. 22 – 23.

101. Баранский Я. Новые подходы к профессиональной подготовке специалистов для похоронной сферы // Похоронный дом. 2007. № 1–2. URL: <http://www.funeralportal.ru/article.php?ObjectId=482>

102. Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. С. 70 – 77.

103. Кваша Е. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 47– 55.

104. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: народная культура (история и современность). Т. 3. Семейный быт. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 231—265.

105. Кропачёв С. А. Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив: Ежемесячное научно-популярное издание. 2010. № 1 (121). С. 164–191.

106. Ледяев В. Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 23-48.

107. Лексин В.Н. Умереть в России. // Мир России. 2010. № 4. С. 124-161.

108. Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи XVIII – начала XX века / М. О. Логунова // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 200 – 207.
109. Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 259 – 276 с.
110. Моисеева Е. Н. Твоя последняя покупка, выбранная кем-то другим // Экономическая социология. 2013. № 1 (14). С.13 – 22.
111. Моляренко О. А. Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или «мёртвые зоны» отечественной статистики // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 4. С. 104–120.
112. Моляренко О. А. Местные СМИ о проблемах муниципальных кладбищ // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 3. С. 142–164.
113. Предложения по совершенствованию закона города Москвы "О погребении и похоронном деле" / М. Ю. Годун, Т. Э. Зульфугарзаде, С. В. Рожков и др. // Похоронный портал. 2007. № 4149. С. 1–3.
114. Романов П. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии». Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 138–148
115. Соколова А. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187 – 202.
116. Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. С. 355 – 361.
117. Филиппова С. В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12 (4). С. 80 – 96.
118. Фрумкина Р. Рефлектирующий абориген // Знамя. 2005. № 2. С. 167–174.

119. Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32 – 41

120. Хлынина, Т. П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Т. П. Хлынина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С.56 – 68

### Статьи на иностранных языках

121. Anand N., Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai, *Cultural Anthropology*, 2011. Vol. 26(4). P. 542–564.

122. Atkinson P. *The Ethnographic Imagination*, London: Routledge. 1990. 195 p.; Bruni A. Access as Trajectory: Entering the Field in Organizational Ethnography // *Management*, 2006. Vol. 9 (3). P. 129–144

123. Atkinson P., Hammersley M. Ethnography and participant observation // *Handbook of Qualitative Research* / Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 248-260

124. Balkan O. Between Civil Society and the State: Bureaucratic Competence and Cultural Mediation among Muslim Undertakers in Berlin // *Journal of Intercultural Studies*. 2016.Vol. 37. P. 132–147.

125. Blayac T., Bougette P., Montet C. How Consumer Information Curtails Market Power in the Funeral Industry. *SSRN ElectronicJournal*, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lameta.univ-montp1.fr/Documents/DR2012-12.pdf> (дата обращения: 12.05.2017).

126. Bremborg A. Professionalization without Dead Bodies: The Case of Swedish Funeral Directors // *Mortality*. 2012. Vol.11 (3). P. 270 – 285.

127. Brown-May A., Cooke S. Death, Decency and the Dead-House: The City Morgue in Colonial Melbourne // *Journal of the Public Record Office of Victoria*. 2004.

128. Burawoy M. Revisits: an outline of a theory of reflexive ethnography // *American Sociological Review*, 2003. Vol. 68 (5). P. 645–679
129. Butler J. *Precarious life: the powers of mourning and violence*. London: Verso. 2004. P. 20–35.
130. Carden P. *Rising from the Dead: Delimiting Stigma in the Australian Funeral Industry* // *Health Sociology Review*. 2001. Vol. 10(2). P. 79 – 87.
131. Chadwick E. *Report on the Result of a Special Inquiry into the Practice of Interment in Towns // the 'Burials Report', 1843*. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/reportonsanitary00chaduoft> (дата обращения: 12.05.2017).
132. Chipchase J. *Informal repair culture* // Personal blog, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://janchipchase.com/content/presentations-and-downloads/informal-repair-cultures> (дата обращения: 12.05.2017).
133. Corsaro W. A. *Something old and something new: the importance of prior ethnography in the collection and analysis of audiovisual data* // *Sociological Methods and Research*. 1982. Vol. 11 (2). P. 145–166
134. Dant T. *The Work of Repair: Gesture, Emotion and Sensual Knowledge* // *Sociological Research Online*. 2010. Vol. 15 (3). P. 1–22.
135. Delamont S. *Ethnography and participant observation* // *Qualitative Research Practice* / Eds. C. Seale, G. Gobo J. F. Gubrium and D. Silverman. London: SAGE Publications. 2004. P. 205-217.
136. Emerson R. M. *Writing Ethnographic Fieldnotes*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 320 p.
137. Fisher P. *Houses for the Dead: The Provision of Mortuaries in London, 1843–1889* // *The London Journal*. 2009. Vol. 34:1. P. 1–15.
138. Fligstein N. *Markets as Politics: A Political Cultural Approach to Market Institutions*. *Amer. Soc. Rev.* 1996. Vol. 61. P. 656–73.
139. Foos D. *State Ready-to-Embalm Laws and the Modern Funeral Market: The Need for Change and Suggested Alternatives*. *Mich. St. L. Rev.*: 1375, 2012.

140. Goody J., Poppi C. Flowers and bones: Approaches to the dead in Anglo and Italian. *Comparative Studies in Society and History*. Volume 36 (1). 1994. P. 146–175.
141. Graham S., Thrift N. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance // *Theory, Culture and Society*. 2007. Vol. 24 (3). P. 1–25.
142. Harrington D. Markets Preserving Funeral Markets with Ready-to-Embalm Laws // *The Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21 (4). P. 201 – 216.
143. Harrington D., Krynski K. The Effect of State Funeral Regulations on Cremation Rates: Testing for Demand Inducement in Funeral Markets // *The Journal of Law and Economics*. 2001. Vol. 45 (1). P. 199 – 225.
144. Harrington, D. E., Treber, J. Cemeteries and Mortuaries: Better Together or Apart? // *Regulation*. Winter 2012–2013. P. 40–52.
145. Henke, C.R. The Mechanics of Workplace Order: Toward a Sociology of Repair // *Berkeley Journal of Sociology*. 2000. № 44. P.55 – 81.
146. Jackson S., Pompe A., Krieshok G. RepairWorlds: Maintenance, Repair, and ICT for Development in Rural Namibia // *Proceedings of the 2012 Computer-Supported Cooperative Work (CSCW) Conference* / Eds. S. Poltrock, K. Simone. N.Y.: ACM, 2012. P. 107–116.
147. Jupp P., Howarth G. (Eds.). *The changing face of death: Historical accounts of death and dying*. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 105 – 119.
148. Kopp S., Kemp E. The Death Care Industry: A Review of Regulatory and Consumer Issues // *Journal of Consumer Affairs*. 2007. Vol. 41(1) P. 150 – 173.
149. Kruglova A. Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics // *Comparative Studies in Society and History*. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 759 – 785.
150. Laying the Victorians to Rest: Funerals, Memorials, and the Funeral Business in Nineteenth-Century Otago Alexander Trapeznik and Austin Gee // *Australian Economic History Review*. 2016. Vol. 5 (3). P. 317– 336.

151. Merridale C. Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia / C. Merridale // *Mortality*. 2003. Vol. 8. № 2. P. 176 – 188.
152. Parsons B. Yesterday, Today and Tomorrow. The Lifecycle of the UK Funeral Industry. // *Mortality*. 1999. Vol. 4 (2). P. 127–145.
153. Queiroz F., Rugg, J. (2003). The development of cemeteries in Portugal, c. 1755 – c. 1870 // *Mortality*. 2003. Vol. 8. P. 113 – 128.
154. Raeburn G. Death, Superstition, and Common Society Following the Scottish Reformation // *Mortality*. 2016. Vol. 21(1). P. 36 – 51.
155. Rosaldo R. Grief and a Headhunter's Rage, in: *Death, Mourning, and Burial: A Crosscultural Reader*. A.C.G.M. Robben (ed.) Malden: Blackwell. 2004. P. 167–178.
156. Sanders G. "‘Late’ Capital: Amusement and Contradiction in the Contemporary Funeral Industry," // *Critical Sociology*. 2009. Vol. 35(4). P. 447 – 470.
157. Sanders G. "Branding in the American Funeral Industry." // *Journal of Consumer Culture*. 2012. Vol. 12(3). P. 263 – 282.
158. Shelby K. "Nationalism and Commemoration in Belgian Military Cemeteries", *RIHA Journal* 0163, 27 June 2017, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2017/0150-0176-special-issue-war-graves/0163-shelby>, URN: [11.01.2017].
159. Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*, London: Sage, 2006. 428 p.; Idem. *A Very Short, Fairly Interesting, Quite Cheap Book about Qualitative Research*, London: Sage, 2007. 168 p.
160. Simone A. People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // *Public Culture*. 2004. Vol. 16 (3). P. 407–429.
161. Star S.L. The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioural Scientist*. 1999. Vol. 43. P. 377 – 391.
162. Stark D. For a Sociology of Worth. Conference on Economic Sociology at the Edge of the Third Millenium, Moscow, January 2000.

Доработанную версию см.: Экономическая социология. 2000. №1 (2). С. 7 – 36.

163. Tamason C. From mortuary to cemetery: funeral riots and funeral demonstrations in Lille, 1779 – 1870 // *Social Science History*. 1980. Vol. 4(1). P. 15 – 31.

164. Trompette P., Lemonnier M. “Funeral Embalming: The Transformation of a Medical Innovation” // *Science and Technology Studies*. 2009. Vol. 22(2). P. 9 – 30.

165. Trompette P. Political Exchanges in the French Funeral Market // *Management & Organizational History*. 2011. Vol. 6 (1). P.13–35.

166. Trompette P. The Politics of Value in French Funeral Arrangements: Three Types of Moral Calculation // *Journal of Cultural Economy*. 2013. Vol. 6 (4). P. 370 – 385.

167. Vélez-Zapata C.P. Contributions of Anthropology to the Study of Organization: The Case of Funeral Home // *Polyphonic Anthropology – Theoretical and Empirical Cross-Cultural Fieldwork* / Ed.M. Canevacci. Reka: InTech, 2012. P. 93–110.

168. Walter T. Three Ways to Arrange a Funeral: Mortuary Variation in the Modern West // *Mortality*. 2005. Vol.10 (3). P.173 – 192.

169. Walter T. Why Different Countries Manage Death Differently: A Comparative Analysis of Modern Urban societies // *The British Journal of Sociology*. 2012. Vol. 63(1). P. 123 – 145.

170. Yamada S. “Funeral Rites and Changing Perceptions of Death in Contemporary Japan” // *Mortality*. 2004. Vol. 1. P. 27 – 41.

#### **Диссертации и авторефераты**

171. Бондаренко С. В. Формирование комплекса ритуального обслуживания населения в условиях крупного города: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. - Москва, 2008. — 244 с.

172. Грачев Р. Гражданско-правовое регулирование рынка ритуальных услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2012. 25 с.

173. Смирнова Е. М. Становление системы здравоохранения в российской провинции. 1775 - 1914 гг. (по материалам региона Верхней Волги): Дисс. ... доктор истор. наук: 07.00.02. Ярославль, 2017. 470 с.

174. Филиппова С.В. Особенности институционального функционирования ритуально-похоронного дела в современном российском контексте. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010.

## Приложение 1. Пример типов записей полевого дневника

*«24 января 2017 года. (Realistic): Пожилой мужчина умер у себя дома в частном секторе, тело обнаружил сын. Первое действие сына — вызов кареты скорой помощи и полиции. Полиция и скорая приезжают в течение 10 мин после звонка и фиксируют факт смерти. Полицейские и медики решают, что смерть, возможно, была насильственной. Сын получает на руки заключение, в котором сказано, что до захоронения труп должен пройти судебно-медицинское вскрытие. Это значит, что покойного необходимо отправить в городской морг. Сделать это можно только на специальном транспорте: самостоятельная перевозка тел родственниками в России запрещена. Бригада скорой предлагает два варианта: вызвать специальный транспорт и ждать его до одних суток — в медицинском учреждении отсутствует бензин.*

*И второй вариант: вызвать транспорт частной ритуальной компании. Сын соглашается на второй вариант. Почти мгновенно в доме появляется представитель ритуального агентства, готовый осуществить требуемую перевозку. Он приехал сразу же за полицией и скорой по так называемому «сливу». Как ритуальная компания узнала о «свежем» трупе? Полиция и медики обычно «сливают», т.е. продают информацию об умерших людях ритуальным агентствам. Как правило, информация продается сразу несколькими ритуальным агентам, причем одну и ту же информацию может продавать и диспетчер скорой помощи, и водитель кареты скорой помощи, и участковый. Поэтому на место смерти иногда приезжают представители конкурирующих ритуальных агентств, между которыми разворачивается борьба за право доставить покойника в морг, а значит, скорее всего сопровождать труп и на всех дальнейших этапах проведения похоронного ритуала. В цену похорон изначально включается сумма от 3 до 15 тыс. рублей, эти деньги идут на оплату «сливов»».*

*«17 февраля 2017 года. (Confessional): могу ли я навредить санитарам морга, которые оставляют гнить тела людей на полу? Как мне возможно*

вообще представить людей, вымогающих деньги за выдачу мертвого тела, как некую уязвимую и угнетаемую группу? Конечно, как понимающий антрополог, я должен пытаться услышать их аргументацию и «их голос», который бы объяснял, почему происходит именно так. Услышать истории их жизней, которые привели к подобному отношению к работе и мертвому телу. Но я вынужден признаться, что на данный момент, подобные вещи вызывают у меня серьезные затруднения и непонимание.

Имею ли я право присутствовать на каких-либо этапах захоронения? Как я должен ставить в известность об этом родственников? Меняется ли моя роль и границы моей ответственности, если я не беру интервью, не фиксирую никаким образом на другие технические носители, а являюсь просто свидетелем действия? Отличаюсь ли я в таком случае от грузчика похоронной бригады?».

**«16 марта 2017. (Impressionist).** В какой-то момент, благодаря легкому вхождению в поле, граница исследователь — информант (субъект - объект) стала для меня размываться. Наши разговоры стали все больше содержать неформальных тем, не связанных с рынком ритуальных услуг. Это личные отношения, семья, досуг и даже политика. Ко мне обращались и продолжают обращаться, как к некому «московскому образованному человеку», при этом «нормальному пацану», которому «оттуда виднее», что и как происходит.

Однажды меня даже попросили написать «у себя там, ну в интернете» об одной бытовой истории, чтобы привлечь к проблеме внимание СМИ. Подобная потеря границы между субъектом и объектом исследования привела не только к довольно осязательному расширению границ моей личной эмпатии, но и взаимному влиянию друг на друга».

У меня есть ощущение, что полевая ситуация мне раскрывается не вся - от меня скрывают часть информации, так как бояться огласки. Например, меня всегда увлекают разговорами, чтобы я мог меньше ходить и смотреть; некоторые мои вопросы обсмеиваются, чтобы обесценить их».

## Приложение 2. Пример кодирования и анализа записей полевого дневника

«24 января 2017 года. (Realistic): Пожилой мужчина умер у себя дома в частном секторе, тело обнаружил сын. Первое действие сына — вызов кареты скорой помощи и полиции. Полиция и скорая приезжают в течение 10 мин после звонка и фиксируют факт смерти (узнаю из рассказа самого мужчины - прим. на полях).

Полицейские и медики решают, что смерть, возможно, была насильственной. Сын получает на руки заключение, в котором сказано, что до захоронения труп должен пройти судебно-медицинское вскрытие. (документ точно не вижу - говоря на словах и предлагают оформить позже - прим. на полях).

Это значит, что покойного необходимо отправить в городской морг. Сделать это можно только на специальном транспорте: самостоятельная перевозка тел родственниками в России запрещена (наказание / доказательства? - прим. на полях). Бригада скорой предлагает два варианта: вызвать специальный транспорт и ждать его до одних суток — в медицинском учреждении отсутствует бензин. (Как определяется этот транспорт? - прим. на полях)

И второй вариант: вызвать транспорт частной ритуальной компании. Сын соглашается на второй вариант. (общую речь не слышу - записать не могу - прим. на полях). Почти мгновенно в доме появляется представитель ритуального агентства, готовый осуществить требуемую перевозку. Он приехал сразу же за полицией и скорой по так называемому «сливу». Как ритуальная компания узнала о «свежем» трупе? Полиция и медики обычно «сливают», т.е. продают информацию об умерших людях ритуальным агентствам. (как они классифицируют «сливы»? - прим. на полях)

Как правило, информация продается сразу нескольким ритуальным агентам, причем одну и ту же информацию может продавать и диспетчер

скорой помощи, и водитель кареты скорой помощи, и участковый (см. примечание от 24 марта 2017 — это не так. Прим. на полях). Поэтому на место смерти иногда приезжают представители конкурирующих ритуальных агентств, между которыми разворачивается борьба за право доставить покойника в морг, а значит, скорее всего сопроводить труп и на всех дальнейших этапах проведения похоронного ритуала.

В цену похорон изначально включается сумма от 3 до 15 тыс. рублей, эти деньги идут на оплату «сливов».

- **Какие есть акторы?**

Можно выделить несколько групп: само тело, родственников, полицию и медиков, и частных.

- **Что делают акторы?**

Происходит заполнение документов и обсуждение вариантов того, что делать и дальнейших планов. Главная роль отведена медикам и полиции, они легитимные распорядители

- **Чего они пытаются достичь?**

Складывается впечатление, что главный предмет обсуждения и действий связан с тем, чтобы определить дальнейшее физическое пребывание тела - место расположения / способ перевозки.

- **Какие конкретные средства и / или стратегии они используют?**

Вполне в рамках саботажа - склоняют к конкретным действиям для того, чтобы можно было увезти тело мужчины и снизить свои издержки.

- **Как акторы говорят, характеризуют и понимают, что происходит?**

Мне кажется, полиция и скорая на каком-то уровне считывают «доверчивость» и «манипулятивность» клиента - можно ли ему предложить и накрутить цену или нет? В этом фокусе, нужно понять - как происходит предложение услуги.

- **Почему я включил их?**

Первое появление столкновения с конкурентами за забор тела. Отступили быстро - надо уточнить почему так произошло?

- **Чем то, что здесь происходит, похоже или отличается от других инцидентов или события, записанные в других местах в полях?**

Скорее достаточно типичная ситуация. Парадокс в том, что наша бригада приехала на выезд вместе с другой бригадой, то есть было два слива одновременно.

- **Что это в случае «если»?**

Вижу здесь одно потенциальное «если» и оно связано с тем, что слова и утверждения медиков и полиции могут ставить под сомнение. Оставить тело дома можно было? Почему нельзя и что мешает? Не пойму, что с документами дальше происходит.